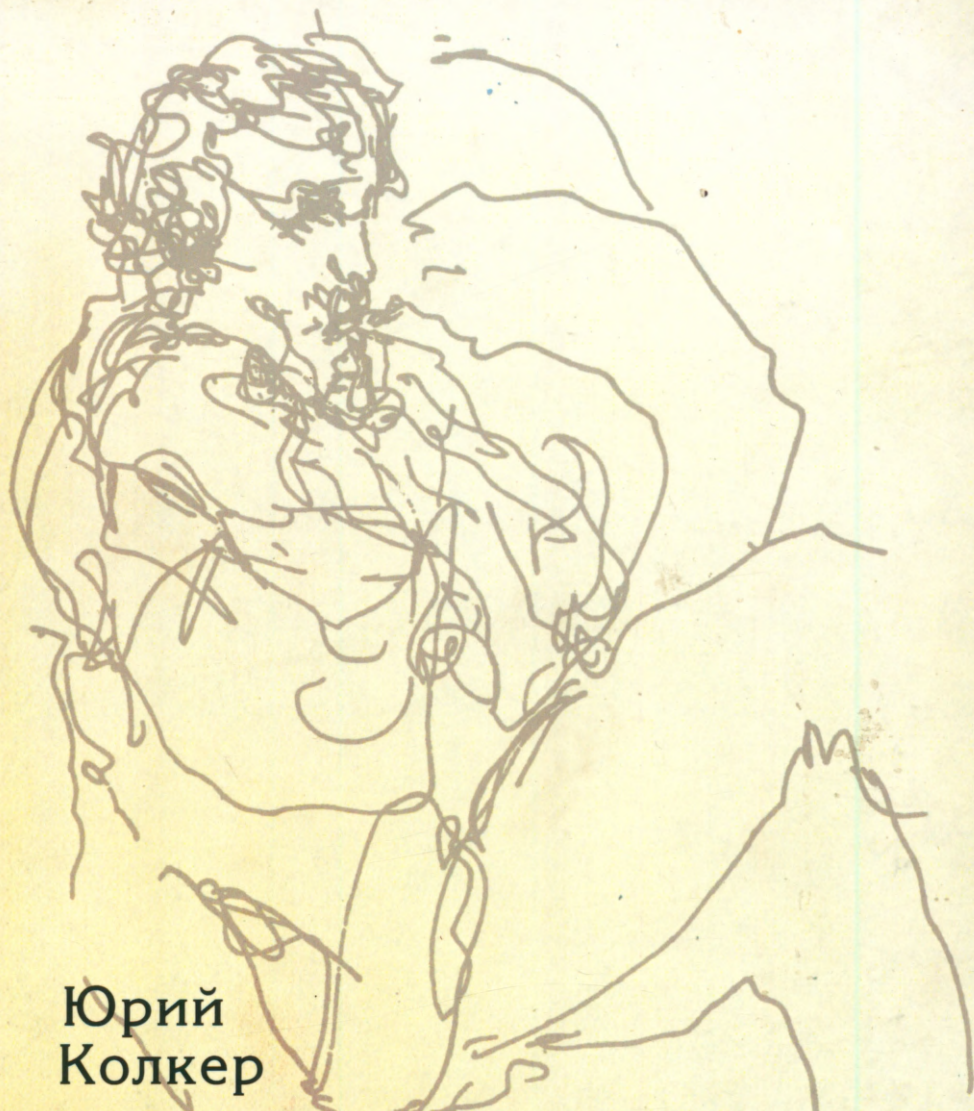

Юрий Колкер

Юрий
Колкер

**СОСРЕДОТОЧИМСЯ
НА НЕСОМНЕННОМ**

избранные стихи

Юрий Колкер

**СОСРЕДОТОЧИМСЯ
НА
НЕСОМНЕННОМ**

избранные стихи
1971-2005

Юрий Колкер
СОСРЕДОТОЧИМСЯ НА НЕСОМНЕННОМ
Избранные стихи 1971-2005

© Издательство «Тирекс», 2006г.

ISBN 5-98206-008-9

376 стр.

В это издание включены, с исправлениями и дополнениями, шесть книг стихов Юрия Колкера: *Кентавромахия* (1972), *Послесловие* (1985, Иерусалим), *Далека в человечестве* (1989, Москва), *Завет и тяжба* (1993, СПб), *Ветилуя* (2000, СПб), *Клинопись* (2006). Первая и последняя из них типографским способом не выходили. Не вошли в избранное ранние стихи и сборник *Антивенок* (1987, Иерусалим). Почти все стихотворения тома, охватывающие период в 35 лет, публиковались в журналах *Континент*, *Стрелец*, 22, *Звезда*, *Колокол*, *Крещатик*, *Новый мир*, *Нева*, в газете *Русская мысль* и других периодических изданиях в России, Франции, Великобритании, США, Израиле, Германии, странах Прибалтики и Средней Азии.

Над книгой работали: Журин А.Г.,
Веселова А.А.,
Шапкина В.И.

© Изд-во «ТИРЕКС», 1991-2006г

✉ 199034, С.-Пб, В.О., 8-я линия, 17

☎ (812) 323-60-12, 328-22-95

@ OFFICE@TIREX.RU WWW.TIREX.RU

— Русская поэзия — это такая лошадка! — говорит один плодовитый современный поэт. Для Брюсова мечта — «верный вол». Для Бродского стихотворение — «нечто тяглое».

Можно понимать поэзию и по-другому: как религию.

Никакого бога (не говоря о Боге) латинское слово *religio* не подразумевает. Оно означает совесть, сомнение, духовную жажду, разбуженное нравственное чувство. Оно требует стереть случайные черты, сосредоточиться на несомненном. При этом мир оказывается не только прекрасен, но и горек. «Дух истины болезнетворен, — говорит Лютер, — ибо истина нелицеприятна...». Пушкинское: «И с отвращением читая жизнь мою» — об этом.

Бог (что бы он для нас ни означал) заявляет о себе через религиозное чувство как начало иррациональное, вне разумное. Бога нет с нами, когда мы заняты личной выгодой или самолюбованием. Он рядом, когда нами овладевает игра воображения. Он всецело с нами, когда мы страдаем, жертвуем, любим.

Стихи как нельзя лучше подходят для выражения этих вне разумных состояний. Самые рассудочные из них иррациональны, противны здравому смыслу. Бог становится живой силой даже в стихах атеиста.

*23 февраля 2006,
Лондон.*

Ю.К.

КЛИНОПИСЬ (1999-2005)	16
КЕНТАВРОМАХИЯ (1971-1972)	90
ПОСЛЕСЛОВИЕ (1971-1984)	121
СЕТИ	122
ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ	134
ПОПЫТКА РЕВНОСТИ	163
ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ (1974-1989)	176
ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ	177
ПОСЛЕ ЭДЕМА	203
ЗАВЕТ И ТЯЖБА (1982-1993)	231
ТРИ ЕДИНСТВА	233
РАЗРЫВ-ТРАВА	259
ОРИЕНТАЛИИ	270
ВЕТИЛУЯ (1992-1999)	302
ПЕРЕЛОЖЕНИЯ	370

СОДЕРЖАНИЕ

КЛИНОПИСЬ (1999-2005)	16
Я выкуплю тебя из рабства, Эпиктет	17
Клинопись	18
Доблесть глупа, а ее антиподы умны	20
Ты останешься в одной из ниш	21
Биологическая жизнь завершена	22
Письмо	23
Прощанье	24
Деревья форм своих не сознают	25
Художник тклет Психее тончайшие одежды	27
Кольцо, за ним крыльцо. Не шелест крыл	28
Теперь-то я знаю. Не вычитал, сам догадался	29
Памяти Клода Шеннона	30
Арлекинада	31
Камасутра	32
Гектор бежит	33
Развратник	35
Митридат	36
Мемуарист	38
Пушкин: предсмертные сны	39
In culprae veritas	40
Счастливые души музыки не хотят	41
Падучая звезда над городом висит	42
Ты, как никто на земле, ненавидишь ложь	43
Вдовицу хоронят в белом. Она была	44
Марк Аврелий соврал, полуправду сказал: и другую	45
Холодно, милая. Выдался месяц холодный	46
У Александра был погонщик мулов	47
Всё оделось листвой в одночасье	49

Слегка сиреневой становится тропа	50
В десяти шагах от Смольного	51
Опыт необратим	52
Еще и не дубы они — два брата	53
Почудилось... Да, почудилось — и прошло	54
Погода портится. Над Оксфорд-стрит	55
Старому приятелю	56
Мне для выпивки не нужен повод.	57
Обрадоваться смерти человека?	58
Ты циник. — Нет, не до конца	59
Ты ни разу безоглядно не любил	60
Архитектура унылая, но экономная.	61
Что не о смерти, то мимо. О чем говорим?	62
Служа возлюбленной, он предал мать	63
Любовь и честь тебя влекут и радуют	64
Подлость и подлинность рядом стоят в словаре	65
Когда всё живое	66
Что я люблю в тебе? Я всё в тебе люблю	67
Животворные сумерки любит звезда	68
На реке Ориноко	69
А есть и такие, что веруют во Христа.	70
Бог не играет в кости, говоришь?	71
Вот, помню, жил один	72
Затмение	73
Возраст мечты	74
Человеческое море	75
Вот будущее. Мы в него пришли	77
Белое и красное	78
Сидит под Александровой колонной	80
Его, Филемон, ни с кем делить не возможно	81
В черный шелк азиатской ночи	82
Соседка бродит в переулке	84
Работает, не покладая рук	85
Лаской прохладной живет	86
Сосредоточимся на несомненном	87
Любить эту долю, которая снилась тебе	89

КЕНТАВРОМАХИЯ (1971-1972)	90
Владычица, уйми раздвоенность мою	91
Зачем меня подлость влечёт	92
Я человек, и плоть моя молчит	93
Ты улыбнулась мне сквозь ряд	94
Прощай, не моя дорогая	95
Что бежать без оглядки	96
Любовь, возвращаясь всерьёз	97
Сентябрь	98
Уходит вечер, ночь видна	99
Как притягателен порок	100
Киприда и Арей	101
Киприда, вспомни обо мне	102
Бесстыдник ветер, этих ног	103
Июнь, входящий в комнаты без стука	104
Певец печальных вод, любовник Прозерпины	105
Печаль устроена умно	106
Творительный месяц июнь	107
Поэзия — это разврат	108
Венеция	109
Ты живёшь в Петербурге, где воды слышны	110
Над Фукидидом	111
1. Афины, этот спрут, в гордыне уличён	111
2. Резня на керкире	111
Как невская вода у берегов черна	113
От катера идёт волна крутая	114
Были ветром подхвачены сзади	115
Когда та женщина нагая,	116
Такой внимательный и хрупкий	117
Опять не ты мне снилась, а другая	118
В моем мальчишеском последнем сне	119
Время с цепи сорвалось	120

ПОСЛЕСЛОВИЕ (1971-1984)	121
I. СЕТИ	122
Ты слышишь, как воды шумят	122
Чем ты движешься, небосвод?	123
Последний народоволеп	124
Здесь прогуливалась история	125
Птица летит высоко	126
В саду, на узком острове	127
Веди, ни о чем не жалея	128
Старик	129
Настурции нежные листики	130
Ночной пирушки за столом	131
На смерть поэта	132
Последняя чайка	133
II. ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ	134
Он под вечер садится за письменный стол	134
Нельзя сказать, от поминутной злобы	135
Восседает Смердис на троне	136
Этот город, короткий дневник	137
Живи, поэт-семидесятник	138
Летучих ямбов череда	140
Над Невою	141
1. Полусвет-полутьма наших северных дней	141
2. Бледная моя петербуржанка	141
3. Где граница блаженства и муки	142
4. Ты утру наступающему рад	142
Всё повторится. Повторяется	143
Дождливый вечер	144
Время припустило без оглядки	146
Невнятное и в знаках водяных	147
У Фонтанки, в Косом переулке	148
Памяти антифашиста	149
Конформист	150
Семидесятые, проклятые	151

Восьмистишия	152
1. Да, он идет в пространства и пустоты	152
2. Скрижали пошли на щебенку	152
3. Тупое, земноводное житье	153
4. Был прав поэт: не взять умом	153
5. Век мой, скроенный дешево	153
6. Девятое мая	153
7. Когда-нибудь скотства не будет	153
8. Ничему удивляться не надо	154
9. Для вас еще настанет время	154
10. Отдать, когда б она не вся	154
Три воды обегают вокруг островка	155
От пошлости и ты не спрячешься	156
На Литейном	157
Памятник	158
Плачь, мой город, я был тебе сыном	159
Монологи обреченного	160
1. Друг мой, неси эту тяжесть сама	160
2. Поэзия, тебе служить	160
Еще потеряно не все	162
III. ПОПЫТКА РЕВНОСТИ	163
Когда уходит та, кого любил	163
Как помертвел, переменился мир	164
Ничто в толпе наставших дней	165
Да, мне позволено, я загляну	166
И над вами восходит звезда	167
В те дни мы не знали цены	168
Эгоистична верная любовь	169
Ты улыбаешься не мне	170
Она, как низменный порок	172
Сирокко, мистраль, урикан, суховей	173
Держать в объятьях одну, а любить другую	174
Вживаюсь в новый облик твой	175

ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ (1974-1989)	176
I. ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ	177
Воробей – терпеливая птица	177
Диалог	178
Чем дальше, тем меньше хочу	179
Всё это беды человечьи	180
Ума ли, как царь Соломон	181
Любовь – непозволительная блажь	182
Ты – зерно справедливости, детство	183
Правота, как душа, с человеком	184
Как Максвелла демон	185
Ангина	186
Судьбу цветка с судьбой вселенной	187
Торжество флоры	188
Два поэта	189
Увы! Промчался этот юный	190
Внучка и дед	191
Когда зимой грустнеют птицы	192
Подражание китайскому	193
Воробей и Психея	194
Освобождался от страстей	195
Молитва	196
Ex adverso	197
Приятель увлечен пластической строкой	198
Молчание пророчиц	199
Сменяет Эпикура Эпиктет	200
Тень поэта	201
Воробей – осторожная птица	202
II. ПОСЛЕ ЭДЕМА	203
Между жизнью и смертью граница	203
Что легкость любовницей нашей была	204
Через весь воображимый стыд	205
Что счастье? – Картуш, завиток	206
Гамаша за бюст Геродота	207
Военную музыку Герцен любил	209
Наглotalись мы сладкого яда	210

Гамлет в котельной	211
Ночная прогулка	212
После Эдема	213
Стансы к совести	214
Блудные дети	215
Чайка	216
Зима наступает, Вивальди спешит	217
Минуты вольного труда	218
1. Мальчик о счастье писал	218
2. Я вспоминаю иногда	219
3. Он был еще молод	219
Ты, ласточка, вольна, а вольности не спится	220
Песня	221
Твои портреты	222
Рефлексия	223
Как шумный ливень, необуздан гений	224
Дискретен мир. В нем счастье – форма	225
Зачем так назойливо гонят	227
Элегия	228
Листопад	229
Стансы	230
ЗАВЕТ И ТЯЖБА (1982-1993)	231
Сомкнулась картина природы	232
I. ТРИ ЕДИНСТВА	233
Сердце, золотая середина	233
Еще ты полон этим днём холодным	234
Священные танцы	235
Не живём, всё готовимся жить	237
До востребования	238
Сумрачен пир бытия	239
Там вечные звезды идут	240
Прощание с Каменной	241
Прощание с Кипридой	242
Нам света и воздуха дали взаймы	243
Бездомен, потерян и слеп	244

Не знаем и знать не будем	245
На Троицком мосту	246
Новый год	247
Лучшие мысли	248
К Дельвигу, на уткиной даче	249
1. В котельной, чуть мелодия изменит	249
2. Как итальянец, ежедневно фугу	249
Елей и мёд – нашёптывать стихи	251
В ночь смерти генсека	252
Она и он	253
Старик	254
Пленница плачет, поет	255
Бог одинок – вот и торопит лучших	256
Неудача – не повод для грусти.	257
Письмо	258
II. РАЗРЫВ-ТРАВА	259
Иванова ночь	259
Жалко Россию. С три короба миру она	262
Насос гремел. Приятель был угрюм	263
Мои американские друзья	265
Перед концом	266
Разрыв-трава	267
Прости, невозвратимый праздник	268
Повилика	269
III. ОРИЕНТАЛИИ	270
Напрасно поэт проповедует страсть	270
Несчастливая любовь питает и ведёт	272
Жил человек в Шварцвальде	273
Архитектура – вот что ему	276
Дорога сворачивает на Камчатку	277
Был я мал. Судьба была не видна	278
Харита строгая нашептывает мне	280
Подражание Блейку	281
Ясон	282
Не любовницы девичий пыл	284

Противится твоя совесть	285
Сиена	286
Во Флоренции	287
Грустно шотландцам. История – не удалась	288
Мы зависим от произнесенных	289
Влачи сквозь низости и тщету	290
Там будет счет другой. Вся подлость отойдет	291
В спокойном сознании своей правоты	292
Мой польский классик, за ручьём твоим	293
Тем душе тривиальность любезна, что ты	295
Политик в той земле доживал	296
Вослед за Персефой	298
1. За топкой, на Адмиралтейской шесть	298
2. Мне чудилось: я Молоху служу	298
3. Застолье. Трое коротают дождь	299
4. На площади святого Марка	300
5. Рациональный гений не у дел	300
6. Веди и помни! – вот ее слова	301
ВЕТИЛУЯ (1992-1999)	302
Ничего не случилось	303
Всё влажно в стране островной	304
Лаваново служенье	305
1. Поблизости Темза течёт	305
2. Многолюдная река	306
3. Свидетель ужасного века	306
Над рукописью в Амстердаме	307
Уткина дача, ночь	309
Материнскою твердью	310
Ответь, мудрец	311
По утрам в полях столько слез	312
Жизнь – беспримерна. Пролистай века,	313
Возьми в моём люблю не фавулу, не слово	314
Уж если читать, так поэтов. Прозаик солжёт	315
Свою вторую жизнь он так решил прожить	316

Ориенталии	317
1. Неужто выживем? Непостижим	317
2. Обыденная жизнь в стране необычайной	318
3. Из мест, где снега и вороний грай	318
Анпо домини	319
Молодость склонна к эпосу — значит, к утрате	320
Кто годы страшные со мною не делил	321
Истина, какой она мне чудится	322
В тот век Италия убийство возвела	323
Передай генотип и умри:	324
Бездельник любит лесть, а тот, кто домовит	325
Смерть станет родительским кровом	326
Разве я поумнел? Ничего не прибавили годы	327
Настанет день, и родины не будет	328
Рядами стройными они идут	329
Страданье — это жизнь: кто не страдал, тот не жил	330
На Петровском острове я шалил	331
Берсерк	332
Эпаминонд	333
На голых ветвях, при мерцании звезд	334
Чувством глубоким и словом возвышенным	335
Душе и долгу подчиняя тело	336
Покуда длится чудо предпочтенья	337
Видсид	338
Поездка на Джарылгач	340
Жизнь кончилась, а человек живет	343
Волну и фотон возлюбил Господь	344
Висит хвостатая звезда	345
Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд	346
Дружбы сторонится Аристид	347
Сладко уразуметь, как прядут и ткут	348
Твой ангел овдовел и просит подаянья.	349
День гнева	350
Куда как просто Фауста сыграть	354
Река Тамесис в той земле текла	356
По улицам ночным, в трамвае дребезжащем	358

Она отвечала на брошенный взгляд	359
Мы возводили Вавилон	360
Рог, чаша, спираль	361
Те двое никогда не разлучались	363
Жизнь мелькает — и, знаешь ли, это	365
Умрём — и английскою станем землёй	366
Или влюблён, или беден — одно из двух	367
Однокласснику	368
ПЕРЕЛОЖЕНИЕ	370
Любовь	371
Философия любви	372
Покой	373
Атака лёгкой кавалерии	374

КЛИНОПИСЬ
(1999-2005)

* * *

— Я выкуплю тебя из рабства, Эпиктет!
— Согласья моего, прости, на это нет.
Не знаю даже, что ты рабством называешь.
— Помилуй! Ты весь день в работах изнываешь!
То чистишь ты горшок, то по воду бежишь,
Неоклу ты, мудрец, как мул, принадлежишь.
Тобою, погляди, и конюх помыкает!
— Какой же чепухе твой разум потакает!
Свободы в мире нет. Всяк чем-нибудь да слаб,
Желаньями томим и в этом смысле раб.
Возьми хоть кесаря. Он раб молвы и лести,
Он властолюбья раб. Не вижу в этом чести.
Я вольности другой меж смертными ищущу:
Собой, одним собой повелевать хочу.
Я скромную вкушать предпочитаю пищу
И с радостью горшок за конюхом почищу,
Покуда люд честной ко мне не пристаёт
И мыслей сладостных не нарушает ход.
Я полон до краев. Ни теорем, ни песен
Мой разум не лишить, а телу труд полезен
Да сверх того душе блаженный ритм дарит:
Земное трудится, небесное — парит.
Размеренность волны необходима чувству.
Не в ритме ль к счастью ключ, и к мысли, и к искусству?
А выкупишь меня, юнец с горячим лбом, —
И стану праздности и похоти рабом.

КЛИНОПИСЬ

I

Жил в Согдиане поэт. Дактили не сохранились.
Имени мы не знаем. Знаем твердо одно:
Рыночный процветал в Согде язык, торговля
Бойкая шла. Согд — был. Ерго, был и поэт.

II

Ты, фарисейство, себя в счастье мнишь благородством,
Нравственной высотой пред несчастьем кичась.
Царствуй, сытая спесь! Вдосталь собою любуйся.
До сумы и тюрьмы — ризы не запятнай.

III

Девушка плачет навзрыд: плох тридцать первый любовник,
Сердцу не больше он мил прежних, тех тридцати.
Горькая наша свобода! Зря за тебя мы сражались.
Цензор, плаха, костер — счастью служат верней.

IV

Впрямь ты готов быть вторым? В круг избранников тесный,
Цезарю поклоняясь, Юлием рад вступить?
Бита карта твоя. Ты не будешь и сотым.
В дерзостном новичке дерзость нам не смешна.

V

Был ты душою велик, слабость прощай нам и злобу,
Ныне же, погляди, сам ты злобен и слаб!
— Мифом — слышим ответ, — живы души. И ложью.
Великодушье всегда плохо осведомлено.

VI

Что? Четырех, говоришь, в мире друзей не сыщем,
Знай мы, как нас честят милые за глаза?
Полно! Каких четырех! Ты не сыщешь и пары.
Там же, где нет двоих, нету ни одного.

VII

Я не ослышался, нет? Ты живешь, ты страдаешь,
Радуешься и грустишь, — всё, чтоб стихи сочинять?
Бывший вожатый, прощай! Как дружить с гедонистом?
Цель твоя мне смешна, мир твой узок и чужд.

VIII

Чернь легко отличишь. Ей, боящейся света,
Довод, ясный, как день, — что волкам головня.
Вы, властители дум, льстили тьме! Пожинаем
Весть благую свинца, дыбы и топора.

IX

Смерть — особенный труд, но зато и последний.
Голову нужно поднять и улыбнуться врагу.
Ты, Леонидас, и ты, Бьярни, дайте мне руку!
Сына нет у меня. Нет у меня земли.

X

Отняли хлеб и кров, выворотили душу,
Выкололи глаза, вырезали язык.
Путник, пойдя и скажи гражданам Ленинграда:
Здесь, под кельтской плитой, я обиду забыл.

* * *

Доблесть глупа, а ее антиподы умны.
Так уж устроена жизнь, что душа глуповата.
Даром бедняжку смущают вчерашние сны.
Схлынула честь. Аполлон отлучился куда-то.

Ценность – текучая штука. Поток Гераклит
Плещет и жалкие наши дела оmyвает.
Тешься собою-любимым, пока не болит.
Солнечных стрел не удержишь. Чудес не бывает.

Даже и Рим преходящ оказался. Латынь
Напрочь смело половодьем корявых наречий.
Что ж ты, дурак, донкихотствуешь? Поздно. Остынь.
Выгоды ищут Шопены страды человечей.

У остроумца находчивость бьёт через край.
Горлица ноева плачет в сетях птицелова.
Здравствуй, сметливое племя младое! Прощай,
Глупая доблесть, старинное честное слово.

* * *

Ты останешься в одной из ниш
Ночи, гипнотическая ложь,
Истины моей не потеснишь,
Власти надо мною не возьмешь.

Ты останешься на дне морском,
Где звездой теплится Земля
И библейский ящер над песком
Ходит, плавниками шевеля.

Челюсти свои не разевай,
Ужасом проникнутая тишь,
Истиной себя не называй,
Не сожрешь меня, не обольстишь!

* * *

Памяти А. А. Костиной

Биологическая жизнь завершена.
Скажи, куда теперь отправилась она,
Старуха властная, что дочь твою растила,
И не прибавилось ли на небе светила?

Немногих я любил сильнее, чем ее.
Чудовищный вертеп, советское жильё
Своим присутствием она согреть умела —
И вот преставилась, умолкла, отлетела.

Слова оставили ее в предсмертный час.
Кивала нам, звала, не отрывала глаз,
Худая, страшная, всё вглядывалась в лица,
Последним ужасом пытаюсь поделиться.

Не знаю, отчего всё валится из рук.
Не мать, казалось бы, не самый близкий друг,
Не часто, помнится, мы с ней и говорили —
А горько, будто вдруг в чулане затворили.

Проста была, строга. Наук не превзошла.
Носки вязала мне. Ватрушки нам пекла.
Любила, редкостная, зятя-белоручку,
Стирала, штопала — и вырастила внучку.

Над речкой Плюсою чухонский есть лесок
С поляной ягодной. По ней, наискосок,
Гляжу, идут вдвоем, нагнутся то и дело,
И старшая чудесно так помолодела.

ПИСЬМО

Как ты, Мария? По-прежнему ль смерть ненавидишь
Или она научила себя полюбить?

Что с языком? Пригодился арабский иль идиш?
Нужно ль Икбала и Галкина переводить?

Главное: что ностальгия? На родину — тянет?
Смерть ведь сродни эмиграции, только страшней.
Всё ли отъезды друзей, как предательства, ранят?
Как там с Россией? Хоть кто-нибудь слышал о ней?

Милая невозвращенка! Что жизнь — неудача, —
Старая новость. Кому же она удалась?
Веймарцу разве... А нас прочитают, не плача,
Каждый в себе, над собою наплакавшись власть.

ПРОЩАНИЕ

Из любого билета счастливый он сделать умел,
В интегралах насвистывал, словно ходил по канату,
Был в студенчестве робок и тих, только разумом смел,
Докторскую шутя защитил и уехал в Канаду.

Что с ним дальше случилось, не знаю. Подруга одна,
Говоря о другом, мимоходом напомнила имя.
Я увидел Онтарио. Влаги сплошная стена
Поднялась за окном, с валким сейнером в дымке предзимья.

Нехитро и домыслить: женился, детей народил
Даровитых и вдумчивых, склонных к успеху и славе,
Стал профессором по теплотехнике, коттедж купил
В Монреале приветливым, в гостеприимной Оттаве.

А кому помешала в пути беспредметная грусть,
Клены в Политехническом да ленинградские реки,
Те по-своему счастливы. (Имя канадца, стыжусь,
Ускользнуло из памяти вновь, и теперь уж навеки.)

Есть китайцы меж тех, кто от Пушкина род свой ведет —
Не занято ли? Есть аргентинцы, британцы, армяне.
Генофонд растекается вширь. Человеческий род
Всходит мерно, как сдоба, и тает в озерном тумане.

* * *

Деревья форм своих не сознают,
Пространства свойств, незрячие, не знают,
Не видят, как хорош ажурный лист,
В прожилках, ими вызванный из мрака
Земли... И мрак невнятен им, а свет
Они воспринимают осязаньем,
Как ласку божества, его улыбку,
Но — внепространственную, как они.

Вот клен шумит под ветром, свеж и влажен.
Спроси его о месте, где он вырос,
И он ответит шорохом листвы
Недоуменно-мудрым: я — нигде.

Душа в геометрическую точку
Не так же ли вмещается? — но мощно
Фрактальные развертывает формы
В пространстве смежном, разуму незримом...

Взгляни: вот мысль, согретая любовью,
Благоуханный, трепетный цветок,
Перед которым роза — праздник плоти...
Но куда взглянуть. Опушен полог.
Душа и знает, что она жива,
А форм своих почувствовать не может,
И если спросишь: велика ли ты? —
Ответит горделиво: необъятна.

Но дух
И сам незряч. Уж он-то всякой формы
Лишен в пространстве бесконечномерном.
Ни гауссовым колоколом вечным
В саду алгебраическом, ни кварком,
С которым наши мудрецы на ты,
Не связан, — потому и наслажденья
Не ведает — ни горечи, ни злобы,
Ни аромата нежного цветка,
Ни малодушья, ни великодушья...

* * *

Художник тклет Психее тончайшие одежды,
Внушая человеку восторги и надежды.
Ученый с тайн природы срывает покрывало,
О бедном человеке не думая нимало.
Художник облачает, ученый обнажает,
А трепетный ценитель обоих ублажает.

* * *

Кольцо, за ним крыльцо. Не шелест крыл —
Руке опора прочная перил.
На воздух можно тело положить.
Спины не разгибая, можно жить.
Земля и небо в родственной борьбе
Разыгрывают действие о тебе.
Рачителен дряхлеющий полет.
Скупец из чаши капли не прольет.

* * *

Для чего, человечество,
Твой неистовый рост?
1960

Теперь-то я знаю. Не вычитал, сам догадался.
Без штудий Тейяра нехитрую мудрость постиг.
Недаром, недаром я в этой пустыне скитался.
Не нужно наставников мне, провожатых и книг.

Не хочет, не может сосна оставаться сосною.
Сосне обоняние грезится, зренье и слух.
Она их в потомстве предчувствует ранней весной,
Изводится дивным родством, осеняющем двух.

И ты, человек, — только новому виду подножье.
Пространство тебя, не заметив, проглотит живьем.
Лишь Бог, хоть и нет его больше, — подобие божье,
Собой упоенное в страшном развитии своем.

ПАМЯТИ КЛОДА ШЕННОНА

Мог ли я думать, что в Лондоне весть эту встречу?
Значит, мальчишкой ты дивный твой замок воздвиг!
Юноша-воин, прости! Запоздалою речью
Славит тебя никудышный седой ученик.

В лучшие дни энтропийным твоим логарифмом
Я осенялся. Прощай, чародей-нелюдим!
Много твой гений способствовал варварским рифмам
В дальнем краю, где особенно был ты любим.

Старому свету нести его старую ношу.
Здесь атмосфера густа, кладовая полна.
Я потому уж в Америку камня не брошу,
Что пред тобой распахнула пространства она.

Формула — вот панацея! В ней мысль оседает,
Звездное небо вмещает она и алмаз.
Мы без нее полузвери. Живое страдает.
Лишь совершенство врачует и пестует нас.

Сосны у главного корпуса, горечь и влагу
Первой любви, безнадежность, надежды оплот,
Муку, отчаянье, боль, вдохновенье, отвагу, —
Всё, умерев, ты на миг возвращаешь мне, Клод.

Гёделя вспомнят иные, иные — Эйнштейна.
Кланяюсь в пояс, да тут мне стоять не с руки.
Как оглашенный, я Шенноном благоговейно
Полон пребуду, обеим смертям вопреки.

АРЛЕКИНАДА

Любая, почти что любая
Годится, чтоб скрасить досуг.
Не мешкай, чудак! Погибая,
Звезда улыбается вдруг.

Неси свою ношу, не плача,
Подмигивай небу хитро.
Тебя осеняет удача,
Счастливый соперник Пьеро.

Любая... Но та, что любила
И та, что любима была,
Полмира собой заслонила,
В полнеба над миром взошла.

Покуда живу, не покину
Вериг ремесла моего.
Даётся мечта арлекину
В насмешку над платьем его.

КАМАСУТРА

Третий этап — накопленье. А деньги ли копишь,
Марки, значки, наблюденья — не так уж и важно.
Главное, чтоб разрастался живой капитал,
День ото дня горизонты твои раздвигая.
Не прибывает в дому, так и жизнь не мила,
Если ж сундук тяжелеет — тут пир обольщеньям.
Тут уж ты Крёз, и другие тебе не указ.
Сядь же рядком сам с собою, стяжатель надежды,
И подсчитай дивиденды, а слезы утри.

Что же до первых этапов, они — мимолетны.
То, что любовью мы звали, горячке сродни,
Детской болезни: отмучился раз — и проходит.
Да и познание — ловушка: себя-то познать
Не удается. Душа посложнее, чем атом.
Ньютон и Лейбниц, Декарт и Спиноза, Эйнштейн —
Многим ли дальше продвинулись? Вряд ли. А тот —
Помнишь? — кто в старости Бога узнал по страданьям,
С помощью рифмы — в Отце разглядел палача...

ГЕКТОР БЕЖИТ

Он не сильнее меня, не выше ростом,
И Андромаха — не ему жена.
Отвагою доселе никому
Не уступал я. Отчего ж бегу?
Удачей и судьбой его сподобил
Олимп. Он быстр и ловок, словно бог.
Всегда на долю малую мгновенья
Любого в схватке он опережает —
Тем и берет, герой, тем и хорош.
И вот бегу! Дрожат мои колени.
Холодный пот по шее, по спине
Ползет. Как жалок я, должно быть,
Для тех кто смотрит со стены... для той,
Единственной... Не смерти я боюсь!
Все смертны, все сойдем под сень Аида,
И во сто крат почетней смерть в бою,
Чем от хандры... Я весь исполосован
Рубцами, я боец, я боль умел
Переносить, я славою увенчан.
Мой род не пресечется. Сыновей
Оставил я. Вовеки род Приама
Пребудет. Твердо, властно Илион
Стопой обутой станет на морях.
Но я-то, я... Сейчас меня убьют.
Откуда этот приступ малодушья?

Не зачеркну ли разом всё, чем жил?
Не отвернется ль и она с презреньем
И — на него не обратит ли взор?
Как долго длится бег! Десятилетия,
Мне кажется, прошли, а всё воздетый
Конец копья — там, за моей спиной,
И похотью горят его глаза,
И торжеством — недолгим, долгим, вечным...

РАЗВРАТНИК

Лишь одним он был смущен и угнетен:
В каждой женщине подругу видел он.

Не довольствовался малым. Как тут быть?
Все и каждая должны его любить!

Сам же был он что бряцающий кимвал.
Волком выл, а уду воли не давал.

Думал: если кто на ласки скуповат,
Перед небом тот ни в чем не виноват.

Был он совестлив и мягок на беду.
Так и умер, с целым миром не в ладу.

А душа его, хоть скальп с нее сними,
В муках нежности блуждает меж людьми.

МИТРИДАТ

Что ж, время умирать! Пришел и мой черед.
Живьем — царя к рукам квирит не приберет,
И под сыновний меч склонять мне шею дико.
Я в жизни властвовал — и в смерти я владыка!
Не скажут: Митридат, как новый Ганнибал,
Победу упустив, судьбы своей бежал.
Чтоб славы до конца душа моя вкусила,
Я сам остановлю небесные светила.

Всем радостям земным по-царски я воздал,
Мальчишкой Цезарем — как Хлоей обладал.
Красноречив посол и нрав имеет пылкий,
До консула дойдет, а мне служил подстилкой.

Я меж мужами муж! О, тут иная власть!
Не диадемою внушал я девам страсть.
Царевны гордые от счастья умирали,
Когда я в них входил. За плен в моем серале,
За ласку божества, за муки сладкой стон
Несли к моим ногам Пальмиру, Вавилон.
Всех лучших нет давно. Оставленная мною
Ни женщиною быть не может, ни женою.
В тоске сошли в Аид... Но кое-кто живет!
Зови, мой верный Галл, сюда остатний сброд.
Посмотрим, кто из них за жизнь цепляться станет.
Не каждая ль клялась? Пусть неба не обманет!
Признанья вечные нашептывавших мне
Ни сыну не отдам, ни римской солдатне.

Когда тебя нагнал соперник черепахи,
Ты от других рожать позволил Андромaxe,
Гелен, Неоптолем прошли твоим путем,
Любимый Трои муж! Твой промах мы учтем.
Вот яд, а вот кинжал. Сейчас венец наденем —
И ужаснем века последним наслажденьем.

МЕМУАРИСТ

Идиотской сумятице дань заплачу.

Убеждать — надоело.

Не тебе, не тебе эту новость шепчу,

Не твое это дело!

Различай, если можешь, Эдем и Содом

И дурдом в одалисках.

Идиот, как под спудом, живет под стыдом

За себя и за близких.

Стенограмма, эклектика, чертополох,

Чепуха, что угодно —

Но коварная мелочь и давний подвох

Расцветают свободно.

Чехарда. Антраша. За душой — ни гроша.

Шелкопер безымянный.

Завтра в землю. А что удержала душа?

Волейбол на Стремянной!

Погордился — и будет. На дне — только стыд,

Только стыд и мученья.

Ничего, кроме перечня детских обид,

Не имеет значенья.

ПУШКИН: ПРЕДСМЕРТНЫЕ СНЫ

1

Один из нас бессмертен для другого.
Сейчас умру — и вечность напролет
Враг, воплощением всего живого,
Всё будет жить и метить мне в живот.

2

За миг до смерти гений видит сон:
Любимую с другим в сени алькова.
Развеществовались разом твердь и слово,
И мертвым сердцем Бога проклял он.

IN CULPAE VERITAS

Гречанка ветренная так вольна,
Так чувственна, так девственно крылата,
Что никогда ни в чем не виновата
И никому на свете не должна.

Там лён и бронза в неге пребывают,
Лазурь и мрамор, ландыш и виссон,
Там раковину с жемчугом вскрывает
Нечаянный пернатый почтальон.

Сегодняшняя, в ионийской пене
Обласканная лепестком зари, —
При ней о преступленьи, об измене,
О ноше тягостной — не говори.

Ей не нужны ни родина, ни вера,
Ни перси шамаханские. Как мне.
Но я-то знаю: истина — *в вине*.
Что эти игрища для Агасфера?

* * *

Счастливые души музыки не хотят,
Собою полнятся, веселы и горды,
А ты, раздавленный, плачущим струнам рад,
Родной находишь в них отзвук твоей беды.

Не знает скрипка, мал ты или велик,
А знает главное: боль твоя велика,
И возвращает лаванду и сердолик
И плеск волны доносит издалека.

Заплачут клавиши — и распахнется даль,
И позовет участливо виолончель.
Не этим ли жил сиротствовавший Стендаль,
Покуда Вивальди животворил апрель?

Смотри: на глазах меняются облака,
Как если бы гнев на милость сменили там,
Где завтрашний день твой емлют из тайника, —
И злое прошлое не идет по пятам,

И юность, тобою попранная, светла,
И веришь: тебя отвергнувший — возвратил
Надежную сень отеческого крыла,
Тепло материнское, сестринский блеск светил.

* * *

Падучая звезда над городом висит,
Над жизнью и судьбой, над миром и войною.
Ее тончайший зов в душе моей сквозит.
Что ей на ум взбредет, то и творит со мною.

Весь мир сошел с ума, а я лишь ею жив.
Повсюду страшный клич, войска пришли в движенье,
А я твержу одно: ее полет красив,
Благословляю боль и жизни завершенье.

Не в первый раз она явилась, не впервой
Последней правдой мне сознание озарила,
Что ж упиваюсь я печалью вековой
И вестью губительной минутного светила?

Одно не сказано, но я теперь скажу:
Падучая звезда звездой остается.
В слепом беспамятстве ее полет слежу.
Кто с нею не в родстве, воду не напьется.

* * *

– Ты, как никто на земле, ненавидишь ложь –
Но, не слукавив, года не проживешь.
Ты не увидишь плодов твоего труда.
– Но объясни мне, чего же ради тогда..?
– С юности ты лелеял одну мечту,
Честно служил ей, да ставку сделал не ту.
Не от болезни умрешь ты, а от стыда.
– Что же, по совести, весь этот мир тогда?
– Совесть твоя черна. О ней помолчи.
Рушится башня. В колодезь выбрось ключи.
Считанные тебе остаются дни.
Что же ты медлишь? Теперь меня прокляни.
– И не надейся! Слишком я счастлив был,
Не одного себя на земле любил,
Горло в схватке умел подставить врагу
И до могилы главное сберегу.
Нет тебе проку в том, что я нищ и мал.
Вызова ты от веку не принимал,
Но не тобою, знай, растворен в крови
Пыл тебе недоступной земной любви.

* * *

Вдовицу хоронят в белом. Она была
Чиста, как ангел небесный. Белым-бела.
Служила избраннику верно, самозабвенно,
И жизнь сложилась, в общем, обыкновенно.
Он был инженер, отменный специалист
И шахматист-любитель, и футболист.
От прежней любви у него уже были внуки,
Когда с новой суженой соединил он руки.
Не первой молодости была и она.
До свадьбы грешила, ему же была верна.
Как два голубка, они прожили век свой милый
И вот уж теперь навсегда сведены могилой.
А может, было иначе. Поди проверь!
Вполне ведь не приручается лютый зверь,
Чудовищный зов, ломающий стыд и волю,
И нету ключа к человеческому подполью.

* * *

Марк Аврелий соврал, полуправду сказал: и другую
Жизнь испортить навеки возможно, не только свою.
Много ль проку, что долгие годы стыжусь и тоскую,
И в других ненароком свой тягостный пыл узнаю?

Отвратительна молодость: изыски всё да помарки.
Я не знал, ты не знала, а жизнь совершалась всерьез.
Вот и ставит нам совесть примочки свои да припарки,
Утешает, лелеет. А поезд летит под откос.

* * *

Холодно, милая. Выдался месяц холодный.
Нужно прощаться навеки с мечтою бесплодной.
Сколько в ней было веселья, тепла, красоты...
Жаль, обманула. Другой не бывает мечты.

Пасмурно. Голые ветви да ветер колючий.
Царствует целую жизнь отменяющий случай.
Отсвет таинственный в небе возник и погас.
Птица вспорхнула. Поверишь ли? Не было нас.

* * *

У Александра был погонщик мулов
Из прикавказских глиняных аулов.
Был в Индии последний мул забит,
А бедный малый умер и забыт
Под всхлипы исторический качелей.
Не воскресит его и Марк Аврелий,
Пытающийся страх заговорить
И душу с неизбежным примирить...
Свалила хворь. Солдаты не болеют,
А в слугах всякая зараза тлеет.

Кто не заносится, тем бог воздаст.
В душе раба дремал Екклесиаст.
В обычаях скорее груб, чем нежен,
А духом — олимпийски безмятежен,
Он твердо знал: всему один конец,
И царский не манил его венец.

Вот он лежит в пыли, еще в сознаньи,
И видит при последнем издыханьи
Не жаркий полдень, не следы копыт,
А мир как целое, где смерть кипит.
Прозревший разум занят не печалью,
А жуткой галактической спиралью,
Котлом времен, в котором все равны,
И нет ни благодати, ни вины.
Он чует, духом взысканный философ,
Что мировых не разрешить вопросов,
Хоть триста лет на свете проживи.
И про любовь он знает: нет любви.

Виденьем диким смерть его прельщает.
В пророческом безумстве различает
Он будущее, видит наши дни:
Париж, его вечерние огни,
Москву без Ленина, Нью-Йорк без башен,
И этот сон его предсмертный страшен,
Но ясен мудрости вкусивший ум
И удивительных исполнен дум.

Одушевляемый кончиной близкой,
Он видит: перед ним Франциск Ассизский
В слезах. Но смерть бедняге не сестра,
А просто дело сделано, пора.
Другие тоже тут, и с той же целью,
Всё – в ужасе перед могильной щелью,
Которая рабу мила. Раним,
Принц Гамлет наклоняется над ним,
Андрей Болконский смотрит с умилением,
И с тайной завистью – Паскаль с Монтенем...

Душа не хочет будущего. Нет
Тепла в слепом стечении планет.
Не о любви ли снова мы?.. О власти,
О совести, о дерзости, о страсти?
О том, что жизнь пуста и коротка
И тяжела Предвечного рука?
Что был незначительный гениален —
И оттого его конец печален?
Что божий мир жесток, несправедлив,
И мы умрем, мечты не утолив?

Забыл. Прости. Я только что с поминок,
Где прах убогий отпустил в суглинок.

* * *

Всё оделось листвою в одночасье.
Меж забот не заметили мы,
Как земля погружается в счастье,
Как нахлынула зелень из тьмы.

Ласк живое взалкало и красок,
Наступает любовь, как война.
И ребенком, как бедный подпасок,
Мысль в сторонке стоит, невидна.

Может, дудочку срежешь, сиротка?..
Кто задумался, тот сирота.
Оглянись молчаливо и кротко
На прощальные эти места.

Европеец ли ты, левантиец —
Не стыдясь, поклонись естеству,
И услышишь, как бог-олимпиец
Отпускает свою тетиву.

* * *

Слегка сиреневой становится тропа
И, окаймленная ковром желто-зеленым,
Бежит, двоясь, троясь и множась, как судьба,
Под этим пристальным просторным небосклоном.

Небесный шелкопряд прохладный шелк прядет,
На западе сошлись фламинго и жар-птица,
И путник на тропе забыл, куда бредет,
На поезд опоздал, раздумал торопиться.

Раздвинулся над ним огромный Пантеон,
Хоромы мраморные, жемчуга чертоги,
И телу своему служить раздумал он,
Бредет, куда пришлось, без мысли, без дороги.

А речка, вьющаяся в кружеве кустов,
И след, оставленный велосипедной шиной,
Ему свидетельствуют: путь душе готов,
Лишь не сворачивай да совладай с кручиной.

* * *

В десяти шагах от Смольного
Твой автобус повернет,
И от звона колокольного
Недоверок увильнет.

Колокольни совмещаются:
Не четыре их, а две,
И о вечном совещаются
В средиземной синеве.

Солнце яркое, закатное,
Четко контуры чернит.
Это счастье невозвратное
Душу грешную дразнит.

По долготной сетке глобуса
Разбегаются года.
Что увидел из автобуса,
Не увидишь никогда.

* * *

Опыт необратим.
Он — судьбе побратим.
Эта пара без бою
Разочтется с тобою.

Ни концов, ни начал
Сам ты не намечал.
Оглянись на природу,
Поклонись кукловоду.

* * *

Еще и не дубы они — два брата,
Два всплеска лиственных, рука в руке
Из праха вставших, — но уже токката
Присутствует в их робком языке.

Одни друг другу тайны поверяют —
О взрослости мечты и торжестве.
Они во всем друг друга повторяют,
Родня, нерасторжимая в родстве.

Но им вдвоем не жить на этом свете.
Не хватит света. Близость — вот беда.
Один здесь будет Бах через столетье.
Убьет другого братская вражда.

* * *

Почудилось... Да, почудилось — и прошло.
В слезах проснешься, увидишь: не рассвело,
Ты всё еще тут, и мир всё тот же вокруг,
И всей-то боли, что умер старинный друг.
На улице дождь. Бежит по крышам вода.
Ты больше с ним не встретишься никогда,
Ни ссору не воскресишь, ни душевный пыл.
Он, помнится, шляпу и книжку забрать забыл.

Заносит, заносит душу в такую рань.
Из света и воздуха новая ткется ткань,
На терпком прошлом настояна тишина,
Потеря твоя обыденна, жизнь — темна.
Прощения не попросишь ты, умер он,
И друг тобою в ответ не будет прощен.
Вовек не вернешь покойнику давний долг.
И всей-то боли, что голос его умолк.

* * *

Погода портится. Над Оксфорд-стрит
Руно свинцово-синее висит,
И красные автобусы стеной,
Доколь хватает глаз, — и предо мной.
Как ехать тут? Ан вот, глядишь, ползут,
Толпу разноязыкую везут
(убогий человеческий балласт,
Как новый возгласит Екклесиаст).
— Да полноте! Не так уж я убог, —
Языческий нашептывает бог. —
— Взгляни в окно: веселый Вавилон!
Тот жалок мне, кто в Лондон не влюблен.
Езжай себе с улыбкой на лице.
Прекрасна жизнь. Особенно — в конце.

СТАРОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Мы с тобой уже в годах.
Нет нам лютиков и птах.
Мистер Страх и мистер Ужас
Показались в воротах.

Наша память несвежа,
Нашу совесть гложет ржа,
Каменным рукопожатьем
Нас проводит госпожа.

* * *

Мне для выпивки не нужен повод.
Алкоголь слезу перехитрит.
Выходу один на Финчли-роуд.
Выхожу один на Бейкер-стрит.

Вещь в себе, без мамок и без нянек,
У счастливой бездны на краю,
Вот уж кто заведомый избранник!
Выхожу и флягу достаю.

Небосвод тихонько остывает.
Циферблат приветствует звезду.
Хорошо мне. Лучше не бывает.
Никуда я дальше не пойду.

* * *

Обрадоваться смерти человека —
Что может быть подлей!
Кто ж ты: предатель, нравственный калека,
Убийца и злодей?

Пусть на минуту, на одно мгновенье —
Мелькнуло и прошло,
Но было, было это наважденье
И душу обожгло.

* * *

— Ты циник. — Нет, не до конца.
В себе не вижу подлеца.
Я просто не добрал, как все,
В твоём базарном колесе.
— Так я устроил этот мир.
— Что ж не позвал меня на пир?
Я поначалу был неплох,
А ты готовил мне подвох.
— Пойми: над каждым я смеюсь
И сам в накладе остаюсь.
Вот мой Эдип. Он был умней,
Чем все поэты ваших дней...
— И что же, ты его любил
И вместе с ним раздавлен был?
Ты высмеял его мечты.
Из нас двоих циничней ты!
— Слепец, найти меня не тщишь,
Не посягай ни вглубь, ни ввысь.
Не узришь моего лица,
В себе не зная подлеца.

* * *

- Ты ни разу безоглядно не любил.
- Ну, а скуп-то кто из нас с тобою был?
- Я заслуги отпускаю по уму.
- Только ум твой достается не тому.

* * *

Архитектура унылая, но экономная.
Впрочем, по правде сказать, и не очень противная.
Низко над крышей душа моя реет бездомная,
Тело же тут, и нужда у него примитивная.

Душу мою отлови, ублажи, рассмеши ее
И приголубь, приласкай осторожно и сдержанно.
Жалко убогую: день ото дня всё фальшивее,
Лжет, притворяется, третьему штилю привержена.

* * *

Что не о смерти, то мимо. О чем говорим?
Слава пустее отечества. Горечь и дым.
Вводит потемками юности в чувственный ад
Твой навсегда опрокинутый в прошлое взгляд.

Кто мне шептал: ностальгия страшной евменид,
Коршуном кинется, клацает, в пропасть манит?
Нету ей места в душе. Только горечь и вздор
Мучат потемками юности схваченный взор.

Нету ей места в душе, не об этом она.
Родина слякотна. Выхухоль да белена.
Смерть на пригорке присела, умыта росой.
Рядом любовь примостилась. И тоже с косой.

* * *

Служа возлюбленной, он предал мать,
Отрекся, отвернулся от родимой,
И стал удел его неотвратимей
Болезненные формы принимать.

Всё поначалу было ничего.
Неладное не сразу проступило.
Гордился, не вникал в природу пыла,
Теснившего сознание его.

Но дальше тягостная тень легла
На все его дела, иссякла вера,
И вот уже душа, а не карьера,
В кривые угодила зеркала.

Единственная... Но дрожит струна.
В крови разлад. Он видит виновато:
Вчера единственная — чужевата,
Жизнь множественна, мать — одна.

Ан поздно... Через три десятка лет
В чухонской роще над ее могилой
Стоит он под руку с предавшей милой
И ни на что не может дать ответ.

* * *

Любовь и честь тебя влекут и радуют,
Сэр Ланцелот, —
И женщина в твои объятия падает,
Как зрелый плод.

Скажи *люблю* — блаженная наладится
Меж вами связь,
Да ворон на плечо твое усядется,
Достойный князь.

Пройдут года. Давно в другую сторону
Глядит она,
А каждый день подкинуть пищу ворону
Душа должна.

* * *

Подлость и подлинность рядом стоят в словаре.
Мы и до Фрейда умели заглядывать в душу.
Ночью безветренной звезды гостят во дворе.
Может, научат. При них не совру и не струшу.

Многоочитая подлинность, как ты страшна!
Бог — это пол, нас учили. Страшна, полноводна.
Звездочка малая у горизонта видна.
Шепчет, потупившись: милый, проси; я свободна.

Жара душевного я у звезды попрошу,
Истины плазменной, ласки мучительной, млечной.
Всё, что сказать не решался, впервые скажу
Из катакомб, из трущоб суеты быстротечной.

* * *

Когда всё живое
В душе опустилось без сил,
На небо ночное
Спокойный я взгляд устремил.

Таинственным светом
Ответила мне глубина.
Обидам и бедам
Предел обещала она.

Звезда мне сказала:
— Приду заповедной тропой,
Сниму покрывало,
Навеки останусь с тобой.

* * *

Что я люблю в тебе? Я всё в тебе люблю.
Здесь места нет критическому взгляду.
Мечту несбывшуюся. Молодость мою.
Мой скорбный труд. Влечение к распаду.

Ты скажешь: эгоизм — вот вся моя любовь.
Но разве есть любовь другая?
Читатель рифмы ждет — и не ошибся: кровь
Снимает все вопросы, дорогая...

* * *

Животворные сумерки любит звезда,
А включили не вовремя свет —
Тут не жди, что обида пройдет без следа,
Раньше твой улечется след.

Растворятся дворцы твоего торжества,
Бастионы твоих крепостей.
Ты умрешь, но обида пребудет жива,
Расцветет, нарожает детей.

Не поможет беде вороненая сталь
И свинца искупительный свист —
Не отложит смычка камнеточец-мистраль,
Не уймется сверчок-активист.

Вот уж глиною сделался твой генотип,
У потомка — пылинка в горсти,
А заочный смешок, словно атомный гриб,
Над землей продолжает расти.

* * *

На реке Ориноко
Человек одинок.
Цедит воды потока
Обреченный челнок.

Но, представь, и на Каме,
И на Темзе-реке
Одиноки веками
Мы в худом челноке.

Злая шутка природы,
Я креплюсь, не кричу...
А про невские воды
И совсем промолчу.

Тут возмездье вернее,
Тут ты вовсе ничей.
Нету пытки страшнее
Этих белых ночей.

Тут и Бог не услышит,
Лишь пучина манит,
Да предательством дышит
Окаянный гранит.

Молча выйду на стрелку,
Посейдону кивну
И, как подлую сделку,
Эту жизнь прокляну.

* * *

А есть и такие, что веруют во Христа.
Для них иные пропасти — суета.
Христос (говорят они раз в году) воскрес —
И ждут чудес, божественных ждут чудес.
Но мир померк в глазах одного глупца.
Он схвачен тьмою, и нету на нем лица.
Он твердо знает: что было, будет опять,
И повторяет: лучше не быть, не знать.

* * *

Бог не играет в кости, говоришь?
Что ж, выйдем к морю. Берег омывает
Сладчайшею волной, повсюду тишь, —
А в этот миг — кого-то убивают!

Выходит, всеблагой недоглядел?
Избраннику он душу ублажает,
А что его курятник поредел,
Того не видит, не соображает?

Нет, он — из Монте-Карло вертопрах.
Цветаевой не сыщешь на погосте
Зброшенный без реквиема прах.
И Моцарта швырнул в канаву кости.

* * *

Вот, помню, жил один —
и родину воспел.

Он умер и забыт.

— А ты б чего хотел?

— Не знаю... Странные
присуши ей повадки.

Мне кажется, она

играет с нами в прятки.

Картинами того,

что сам накуковал,

Воскресни тот, его

убило б наповал.

ЗАТМЕНИЕ

— Я в храме Солнца жил, я был твоим жрецом —
И вот лежу во рву с продетым в нос кольцом.
Отец мой, смилуйся! Рассей недоуменье:
Зачем отсек лучи? За что навлек затмение?

— Что я наделала!.. И это — мой Самсон?
Не уступивший льву — бессилен, ослеплен!
Влюблялась часто я, но лишь его любила —
И шуткой роковой навеки погубила!

Не он ли рвал шутя тугую тетиву?
Без ласки милого я дня не проживу!
Сказать ли: мне дитя родное не дороже!
И в унижении люблю его... О боже!

— Что ей мерещилось? Что я непобедим,
И филистимляне рассеются, как дым,
Что я их пощажу и в новой славе выйду,
И мы подружимся, и враг простит обиду?

Пожалуй, волосы мои и отрастут,
Но солнце для меня навек померкло тут.
Не стыд, не слепота меня гнетут и гложут —
Затмения божества душа принять не может.

ВОЗРАСТ МЕЧТЫ

(со слов юной наперсницы)

Новые пропасти, новые сферы...
Девочка, мальчик — и шпилька Венеры.
Первая взрослость, блаженный туман,
Пылкие ласки — и легкий обман.

Кто без греха? Горизонт безграничен,
Возраст мечты неизбывно циничен,
Грязь уживается рядом с мечтой,
Бахом, Чюрленисом и высотой.

Истина тройственна как таковая.
Пишут: возможна болезнь бытовая.
Чудно! Спасибо скажу словарю.
Другу спокойно в глаза посмотрю.

Все эгоисты. Природа жестока.
Всё-таки это не сифилис Блока.
Облачко мне не испортит весну.
Запросто милого я обману.

Близости прочной ни с кем не построишь,
Если сладчайших мгновений не скроешь.
Каждый мальчишка — чуть-чуть обормот.
Пусть на себя эту пакость возьмет.

Будет пристыженным, сам повинится —
Ну, и забыли! Другая страница...
Брак не случайно ведь браком зовут:
Оба счастливица обмануты тут.

* * *

Человеческое море
поглощает без следа.
Мы друг друга не узнаем,
не узнаем никогда.

Вот разбитую бутылку
вынес на берег прибой.
Шесть ступеней разобщенья
между мною и тобой.

Каждый миг уносит искру
драгоценного огня.
Каждый день приносит опыт,
отдаляющий меня.

Лихоимка-Мнемозина
постучится на ночлег.
Шесть ступеней отчужденья,
и на каждой — человек.

Шесть напрасных упований,
невостребованных сил,
Обольщений, упоений, —
шесть рождений, шесть могил.

Мерно влага убывает,
прибывает каждый год
Шесть широт размежеванья,
шесть межующих долгот.

Мы, родные, мы, чужие,
обворованы судьбой:
Мы с тобой не разлучались,
мы не встретились с тобой.

* * *

Вот будущее. Мы в него пришли.
Располагайтесь, гости дорогие!
А что наш дом снесло с лица земли,
Так нет и нас тогдашних. Мы другие.

В минувшем — ни лица не изменить,
Ни запятой семейной не поправить,
Там совесть норовит тебя казнить,
Там и Жан-Жаку не дадут слукавить.

Вот будущее. Наш дворец и храм.
У нас при входе визы не спросили.
В раю не моросит по вечерам,
Тут день стоит во всей красе и силе.

А если что тебе не по нутру,
И с местными не возникает связи,
Утешься мыслью: скоро я умру
И в прошлое отправлюсь, восвоюсь.

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

Порхает бабочка, цветет чертополох,
Дубы блаженствуют, и ястребу — раздолье.
Прекрасен Хартфордшир. И твой шесток неплох.
Довольно сетовать. Взгляни на это поле.

Ты в царстве времени, обширном и ничьем.
У этих двух ворон — монашеские лики.
Тень ослика плывет над высохшим ручьем
И тает в зарослях клыкастой ежевики.

На этом бугорке ты небо искушал,
И был тебе ответ пифийский, из лукавых:
— Сэм Пипс, — услышал ты, — здесь рысью проезжал
На воды Барнета, деревни роз кровавых...

В камзоле вышитом, при шпаге, в парике,
В парижских башмаках, лионских панталонах,
— Целебны тут ключи! — он пишет в дневнике,
И не простым письмом, а в символах мудреных.

Сей пастырь кораблей, трудяга-жизнелюб,
В глаза не видевший Кронштадта и Тавриды,
Любовь похоронив, на сетованья скуп,
Не слышим у него ни жалоб, ни обиды.

Но вот он проскакал — и мука тут как тут,
И с новой присказкой, доселе небывалой:
Мол, розы в Барнете по-прежнему цветут,
Клинки у белой и клинки у алой.

О женской верности и доблести мужской
Цветы воинственные столько слов сказали,
Что стены белые краснеют на вокзале,
И пьян чертополох над гробовой доской.

* * *

Сидит под Александровой колонной
Чудовище мечты осуществленной.
Торчат клыки, несет из пасти серой.
Сидит, надеждой сытое и верой.
Песок до горизонта. Ни травинки.
У зверя на ресницах — ни слезинки.
Обрюзг стоокий Аргус, еле ходит,
Пигмей на поводке его выводит.
На свете — ни души. Земля пуста
И замкнуты небесные уста.

Не смей, не смей мечтать! Мечты сбываются —
Вот локти где начнешь кусать и каяться.

* * *

Его, Филемон, ни с кем делить не возможно!
Мы атом членим — для мысли честь и отрада,
А в этой шкатулке всё составное — ложно.
Нет! Счастье — что дух: самой природы монада.

И боли твоей никто вполне не разделит,
Хотя б и старался бережно и упорно.
Чтоб лучший твой друг не стал вдруг что лютый нелюдь,
Беги сердечной игры; она — иллюзорна.

* * *

Ils aiment jouer avec les couteaux.

В черный шелк азиатской ночи
Отправляюсь с ножом в руке.
Чем восточнее, тем жесточе.
Нет случайных рифм в языке.

Ночь разбуженная, былая,
Хочет будущего хлебнуть.
От Роксаны до Хубилая
Матереем сабельный путь.

Полня ненавистью аорты,
Скачут взмыленные года.
Орды гонят на запад орды,
Орды валят на города.

Наплодив сыновей в избытке,
Удальцов с головы до пят,
Катят бешенные кибитки,
Двести тысяч осей скрипят.

Гунны, гузы, авары, тюрки,
Чтобы бы волю свою спасти,
С лютой смертью играют в жмурки,
Развосточиваясь в пути.

Табунами даль покрывая,
Предъявляют свои права
Азиатская сталь кривая,
Азиатская тетива.

Ханы, беки и багатуры.
Угры, вскормленные с копья.
Оногуры и кутригуры.
Эфталиты. Полынь-дарья.

Я без лезвия не узнаю,
Где теперь кочевье мое,
Чьей рукой Тимучин к Дунаю
Тянет Азии острие.

* * *

Соседка бродит в переулке,
А рядом, плюшевый магнит,
Полдня прождавшая прогулки
Болонка в шлейке семенит.

Когда бечевка на пределе,
Подружки связаны тесней.
Одна из двух всегда при деле,
Другая тянется за ней.

Я всякий раз немного трушу
И заклинанья бормочу,
Свою выгуливая душу:
Всё кажется, что упущу.

Над этим телом виноватым,
Над черным лаком невских вод
Гомункулом замысловатым
Она спиралями плывет.

Над Латераном пролетела,
Над Лувром сделала виток.
С понятным страхом чует тело
Нематерьяльный поводок.

Полубезлюдный город гулок.
Назад торопится душа.
Хорош Кричевский переулок.
Соседка тоже хороша.

* * *

Работает, не покладая рук,
Из века в век, из часа в час. Минуты
Не отдохнет. Неведом ей досуг.
Все канут: смерды, Канты и Кануты.

Чуть свет Канут садится на коня,
Конца не чует, слез не утирает.
— Ты предан, князь! — Не слышит он меня.
— Не езд! — Он уздечкою играет. —

Едва задумался — хозяйка тут.
Все доблести сдаются ей без бою.
Глядишь, уже Канута в гроб кладут.
На очереди Кант и мы с тобою.

Как убедительны ее труды,
Как выгодно от наших отличимы!
Они нетленны. В райские сады,
В небесные ведут Иерусалимы.

* * *

Лаской прохладной живит
Воздух осенний,
Ясный, как отрок Давид
В час откровений.

Мятный сентябрь городской
Родиной обетованной
С неба низводит покой
Терпкий и пряный.

Ни на кого не сердит
Тот, кто живет, а не дышит, —
С облака в город глядит,
Видит и слышит.

В городе — яблочный хмель,
Жёлтой листвы карусели,
Школьная акварель,
В кляксах панели.

* * *

Сосредоточимся на несомненном.
Та жизнь, что с детства ужасом звалась,
В катастрофическом котле вселенном
Каким-то чудом всё же удалась.

Хорошего ничто не предвещало.
В язвительный, змеящийся вопрос
Свивались все концы и все начала.
Душа, как центрифуга, шла вразнос.

То одержимый бешенством священным,
То — словно нервов бьющийся комок,
Сосредоточиться на несомненном
Я не умел и не хотел: не мог.

Всё неопровержимей, всё упрямей
Затягивалась сущность пленой,
Покуда я в потенциальной яме
Сидел, прикован к мантии земной.

Но годы шли, и небо расчищалось.
Вернулась милая. Дракон уснул.
Великое пресушествила малость.
Мне друг Гораций руку протянул.

Бессмысленное, подлое столетье
Перечеркнул мой клинописный штрих.
А вот и главное: на этом свете
Меня любили больше, чем других.

Хлебнул я в досталь праздников смятенья
И убедился, свет исколеса:
Мой ангел, возвестивший наслажденья,
Не обманул. Счастливей быть нельзя.

* * *

Любить эту долю, которая снилась тебе,
Мечталась и грезилась где-то на севере диком,
А ты позабыть... Хорошо покориться судьбе,
Отдаться течению, излучинам века великим.

Воздушным потоком воскресшие души несет,
В пропащих — разбужено эхо небесным Гольфстримом.
Ты видишь цветущую землю с альпийских высот,
Один среди многих, в толпе оставаясь незримым.

Сопутствует редкое счастье тебе, фаталист,
Случайный избранник, над бездной окликнутый Пимен.
Вбирает пространства тобою исписанный лист.
Ты выбрал свободу — и видишь, что выбор взаимен.

КЕНТАВРОМАХИЯ

(1971-1972)

* * *

— Владычица, уйми раздвоенность мою!
Я быть готов конем, седлу подставив спину, —
Тогда избавь меня от разума, молю.
Я человек, но лишь наполовину.
Освободи меня от совести, возьми
Гнетущие меня порывы и сомненья.
Четвероногому — что делать меж людьми,
В венке, с проклятьем вдохновенья?

* * *

Зачем меня подлость влечёт,
Преследует, дразнит, как пропасть,
И дерзость — вернее, чем робость, —
От края уйти не даёт?

Я знаю: в нее заглянув,
Мечтать улизнуть — бесполезно:
Голодный разинула клюв,
Манит пучеглазая бездна.

Мне кажется, что я берегу
Любовь от проклятья и тлена,
И вот искушенье: измена,
И я устоять не могу.

Мне видится в тысячный раз
Измена не ради спасенья,
А ради бессонного бденья
Ее гипнотических глаз.

* * *

Я человек, и плоть моя молчит.
Я человечье напрягаю ухо —
И сердце зачарованно стучит,
И голос флейты достигает слуха.

Но злая нимфа тешится окрест —
Несчастливая, разбуженная совесть,
Блюстительница заповедных мест,
Где грезят юноши, к трудам готовясь.

Она — мой друг: страдаю, не допив
Ее целительной и горькой чаши.
Она — мой враг: завистливый лапиф,
Подзуживающий бесчинства наши.

Я человек, но лишь наполовину!
Хочу и не умею побороть
Высоким крупом выгнутую спину,
Четвероногую тугую плоть.

Я вижу мир копытами кривыми,
И похотливый хохот нелюдей
Уходит отголосками живыми
В лесную глушь Фессалии моей...

* * *

Ты улыбнулась мне сквозь ряд
Неотличимых лет.

Ты изменилась, говорят.
А я — неужто нет?

Ни на минуту не виню,
Любимая, тебя.

И я себе не изменю,
А изменю себя.

И я теперь уже не тот,
И радость вижу там,
Где раньше — лишь холодный пот
Да плату по счетам.

И твой привет, в прорехе дня
Почудившийся тут,
Счастливым делает меня
На несколько минут.

* * *

Прощай, не моя дорогая!
В холодном свечении дня,
В окне, на площадке трамвая,
Мелькни, не заметив меня,
Растай в петербургском предзимьи,
Где воздух колюч и тяжёл,
Панели в расплывшемся гриме,
И ветер слезой изошёл...

* * *

Что бежать без оглядки
От любви? Тем верней
На вагонной площадке
Обомрёшь перед ней.

Мановеньем кошмара
За квадратом стекла
Ночь, как ворон Эдгара,
Распростерла крыла.

— Ворон, взяв в твоих криках
Сокровенную ложь,
Врут колёса на стыках:
— Не вернёшь! Не вернёшь!

И, не чуя подвоха,
Вторят им провода
На три четверти вздоха:
— Никогда! Никогда!

* * *

Любовь, возвращаясь всерьёз,
Сторицей долги возмещает.
Порыв очистительных слез
На землю меня возвращает.

Какое блаженство с тобой
Однажды утрачено мною?
Какой искупимо ценою?
Какой восполнимо судьбой?

Какие надежды, скажи,
Какие дела и заботы,
Порывы, паденья и взлёты,
Разлуки, труды, виражи?

Нехитрая азбука дней,
Пустая сумятица будней –
Что может быть проще и скудней,
Печальней, дороже, родней?

Потерянным в слякоти дня,
Под серым приплюснутым небом,
В осеннем пальтишке нелепом,
Любимая, вспомни меня,

По этой земле проходя,
Над этой просторной рекою,
Над этой поспешной строкою,
За тонкою сеткой дождя...

СЕНТЯБРЬ

Смотрите, нищенок отряд
В печали деловой, —
Осины вытянулись в ряд
С поникшей головой.

И две троллейбусных струны
Колеблются слегка,
И воедино сведены
Над ними облака.

Осенний, охристый, большой
Кленовый лист дрожит
Над головою, а другой
Медлительно кружит.

Вздохни — и ясный детский алыт
В ответ подстереги,
И лист со звоном на асфальт
Ложится у ноги.

В прожилках выступила кровь —
Холодная, ничья,
Никчёмная, как та любовь
Последняя моя.

* * *

Уходит вечер, ночь видна —
И смерть приблизилась на сутки.
Так эта истина ясна,
Что стоит невесёлой шулки.

На сутки раньше пустота
Разучит ссориться, влюбляться.
Так эта истина проста,
Что ею впору умиляться.

Я эту истину приму,
Как дочку — на руки спросонку.
На миг почудится ребёнку,
Что легче сделалось ему.

* * *

Как притягателен порок!
Куда сильнее, чем невинность:
Она пугает, как повинность,
Которой выполнить не смог.
Молю тебя, не уходи,
Сиделка, слез моих свидетель,
О сдержанность! О добродетель!
Не отлучайся, посиди.

КИПРИДА И АРЕЙ

Нежнейшая пора прикосновений,
Скользкий взгляд, прохладная рука,
На цыпочках уходят облака,
И ветерка легчайших дуновений
Недостаёт, и слышится река.

Не разбуди его, он спит пока,
И это сон внимательных растений,
И золотистый локон у виска
Завит, но ты не видишь завитка,
А он во сне не видит сновидений.

* * *

Киприда, вспомни обо мне!
Подстрой нечаянно ловушку
Ночей, проплаканных в подушку,
Щедрот, невиданных во сне.

Своей счастливейшею властью
Мою свободу озари:
Приговори меня к несчастью,
Пожизненно приговори!

Я не хочу любви счастливой:
Ее, как гибели, боюсь.
О доле злой, несправедливой,
О жалкой участи молюсь.

Не обмани моей надежды,
Когда у зеркала кладёшь
Свои печальные одежды:
Косынку, платице и брошь.

* * *

Бесстыдник ветер, этих ног
Касающийся и подолом
Играющий... о, если б мог
Я на минуту стать Эолом!

Мой бог, какая благодать!
Не дорого и жизнь отдать
За эти несколько мгновений
Ласкающих прикосновений.

* * *

Июнь, входящий в комнаты без стука,
Овидиева древняя наука...
Нет, я не пасынок на той земле,
Где Пастернак — Овидий в феврале.

Киприда! Перевёрнута страница.
Смотри, твоя молоденькая жрица
На раскладушке голая сидит
И в потолок испуганно глядит.

Взгляни на эти сомкнутые руки:
Как хочется им преуспеть в науке,
Как грудь божественно обнажена —
Как вся очаровательна она!

Послушница, от слез полуслепая,
Себе самой ни в чем не уступая,
Она — не падчерица на земле,
Где Пастернак — Овидий в феврале.

* * *

Певец печальных вод, любовник Прозерпины!
Когда уронит ночь прозрачный холодок,
Оставь и мне в ковше микенской глины
Соленой нежности глоток.

* * *

Печаль устроена умно.
Надежней не бывает грима:
Блаженство неисповедимо,
Его не сглазить мудрено.

Печаль придумана затем,
Что радость любит оболочку —
Глядишь, и боль, укрывшись в строчку,
Уже не слышится совсем.

От счастья делается жаль —
Признаться ли? — себя, и только.
Не доля — мандарина долька —
Горчит весёлая печаль.

* * *

Творительный месяц июнь
В конце декабря вспоминая,
На свечку оплывшую дунь
И друга припомни, родная.

Припомни тяжёлый песок
И медленный дактиль прибоя,
И жёлтого неба кусок,
И всё, что случилось с тобою.

Не всякая правда спешит,
Хитрит, коготки выпуская,
И время недаром бежит —
И ты не спеши, Навсикая.

На шорох знакомых шагов,
На голос не смей оглянуться,
Когда у твоих берегов
Опять паруса улыбнутся.

* * *

Поэзия — это разврат:
Поэзия — это возврат
Того, в чём судьба отказала,
И перечнем сладких потерь
Она усыпила, поверь,
Опутала нас и связала.

ВЕНЕЦИЯ

Прозрачные полтона:
Переливается лагуна,
Высвечивает тишь волна
По мановению Нептуна.

Октавой ниже — в тишине
Звучат слова; еще полтона —
И в этом нашем общем сне
Слышны мелодии Плутона.

* * *

Г.С.

Ты живёшь в Петербурге, где воды слышны,
Где воздушные своды ясны.

В них прозрачные сумерки вносит весна,
Словно снадобья просит от сна.

Ты живёшь на Фонтанке, над чёрной водой,
Под высокой покорной звездой.

Здесь закат неразлучен с рассветом — июнь
Сопричастен поэтам и юн.

Здесь, где чёрная катится с плеском вода,
Драгоценных чудес — хоть куда:

Отошедшего века не взятым постом —
Летний сад за горбатым мостом.

И сюда не проникли ни тленье, ни вздох
И ни кровосмешенье эпох.

Мы подслушаем звуки мазурки вдвоем
В эту ночь, в Петербурге твоём.

НАД ФУКИДИДОМ

1

Афины, этот спрут, в гордыне уличён
У локрских берегов, в отваге детской,
Где двадцать кораблей выводит Формион —
Один к пяти! — на флот пелопоннесский.

Мой непривычный глаз резни не разглядит.
Туда, где сгрудились триремы кучей,
Веди меня по водам, Фукидид,
Дразни меня, выматывай и мучай.

И что за благодать: неравный этот бой
Пытаться разглядеть, над водами виднеться
Бакланом молодым, заигрывать с судьбой
И в детство человечества глядеться!

Тысячелетний зной, векам потерян счёт,
Под выгнутым крылом — залива постоянство,
Над берегом пророческим течёт
Внимательное, ясное пространство.

2. Резня на Керкире

Слепые демоны гражданской распри,
Проклятье вам! Крепись, моя Керкира!
Афины, победившие мидян,
Афины, этот спрут, держатель ста земель,
Глазеют на тебя: маячат в отдаленьи

За гаванью твоей тугие паруса.
И ты, Лакедемон, кичливый и тупой,
По всей Элладе страж законов и приличий,
Ты тоже где-то тут, ты смотришь: чья возьмёт?

Покуда делят мир великие державы,
Терпи, Керкира! Некому пенять.
Слепые демоны гражданской распри
Не пощадят твоих детей безумных:
Одни бегут в Эпир, на материк,
Другие, бой на площадях затеяв,
Ворвутся в храмы, осквернят святыни
И будут резать братьев малолетних
И старцев отрывать от алтарей.

* * *

Как невская вода у берегов черна!
Так память о минувших поколениях
Пугает и манит, прекрасна и страшна.
А мы сидим на каменных ступенях
И неглубокого не различаем дна.

Любуясь, как валы, сбегаясь с двух сторон,
На камне схлестываются попарно,
Ты говорила мне: — Тосканы грустный сон,
Такими чудятся мне воды Арно,
Когда он лигурийским ветром возмущён...

Я возражал: — Их оживит весна!
Смотри, вот-вот нагрянет свержурочно
Другая живопись: смешки, полутона,
Весь Боттичелли твой — с волной цветочной,
Расслабленной... ну что ты так грустна?

* * *

От катера идёт волна крутая
И, у ступеней взмыв наискосок,
Алмазным ливнем рушится у ног —
И это, в сущности, вода простая.

Но так катастрофически черна
Речная ширь в ее ночи летейской,
Что кажется: наколота волна,
Как бабочка, на шпиль Адмиралтейский.

* * *

Были ветром подхвачены сзади
Эти чудные локоны, чтоб
Завитками каштановых прядей
Опуститься на щеки и лоб.
Так легли они крупно и броско
На веселые ямочки щек,
Что и сам Боттичелли прическу
Написать бы смелее не смог.

* * *

Когда та женщина нагая,
Из теплой ночи возникая
С волной, легка, как пенный взлёт
Фосфоресцирующих вод;
Когда, ночная nereida,
Она, свободно и открыто
На плотный вымокший песок
Ступая, шла наискосок
К скамье, чтобы легчайшей тканью
Взмахнув, не вытирая плеч,
Фигурку стройную облечь
И сесть, переводя дыханье, —
Над полуостровом твоим,
В расщелину, где мгла ютилась,
Замеченная мной одним
Звезда печальная скатилась.

* * *

Такой внимательный и хрупкий,
Чуть приглушённый, деловой
Был голос в телефонной трубке —
И твой и, кажется, не твой.

К нему примешивались странно,
Не к месту улучив момент,
Потрескивания мембраны,
Пространства аккомпанемент.

И лишь когда его нарушил
Гудков однообразный строй,
Я понял: я тебя не слушал,
Я слушал только голос твой.

* * *

Опять не ты мне снилась, а другая.
Едва рассвет забрезжил на стене,
Проснулся я на смятой простыне,
От слез мальчишеских изнемогая.
А та, что мне увиделась во сне,
Спокойная, как прежде дорогая,
Вошла, как бы рукой отодвигая
Завесу лет — и улыбнулась мне.
Нам прошлое нельзя переиначить!
До спазмы воздух удержав в груди,
Я ей шепнуть пытался: уходи...
Но промолчал — и день слезами начат.
Слеза к слезе, весенние дожди.
И прошлое маячит впереди.

* * *

В моем мальчишеском последнем сне
Не ты, любимая, приснилась мне.
Не ты, не ты мне снилась, а другая.
Под утро я, от слез изнемогая,
На скомканной проснулся простыне.
И был рассвет, недобрый, склеротичный,
С чахоточною бледностью, пустой:
Не охра, нет, и не желток яичный,
А чай, казалось, вылит был спитой
С соседней крыши на забор кирпичный.
Я вышел из дому. Чернел канал
В своей рубашке, скроенной на вырост,
Деревья жадно впитывали сырость,
И ветер крылья в воду окунал.
Да, был рассвет, и стало ясно мне:
Прошла по кромке еле уловимой,
Не ты, а тень утраченной любимой
В моем мальчишеском последнем сне.

* * *

Время с цепи сорвалось.
На два печальных сугроба
Утро в постель пролилось
Зябкое, точно хвороба.
Солнцу неважно спалось.
Меркнут трапеции, чтобы
Парой настенных полос
Вновь появиться для пробы.
Тайна, печаль и вина —
Тонкая, как седина
Ночи алмазная сутра —
Выветрилась, не видна.
Милая, как ты бледна!
Что тебе снилось под утро?

ПОСЛЕСЛОВИЕ
(1971-1984)

I. СЕТИ

* * *

Ты слышишь, как воды шумят
В дождливое лето.
Ты видишь, как годы летят, —
И празднуешь это.

Над жизнью твоею беда
Гнезда не свивает,
Любовь не свивает гнезда,
И слез не бывает.

И в этот твой час над тобой
Стопою бесшумной
Проходит воздушной тропой
Твой ангел бездумный.

Он видит над жизнью твоей
Намокшие крыши,
Чердак, где сидит воробей,
Оконные ниши,

Антенны, торчащие вкось...
Он медлит снаружи,
Твой ангел, промокший насквозь,
Поникший от стужи.

Но чайка над домом висит,
И сумрак редееет,
И ты не торопишь визит,
И он не посмеет...

* * *

Чем ты движешься, небосвод?
Все мне кажется, что звезда
Обрывается — и вот-вот
В реку скатится навсегда.
В этом городе над водой,
Точно в проруби, чернотой
Полной доверху, смысл тая,
Отрицается жизнь твоя.

ПОСЛЕДНИЙ НАРОДОВОЛЕЦ

Памяти Л. К.

Мальчишка, поэт и скиталец,
От счастья волнуясь слегка,
Кладёт указательный палец
На тонкое тело курка.

За веру — счастливое свойство —
И ясный мальчишеский лоб
Ему выпадает геройство
И смерти счастливый озноб.

Французских наслушавшись басен,
Неапольским солнцем облит,
Не знал он, что подвиг напрасен
И будет так скоро забыт.

Балтийское небо дымилось,
Сияло, текло на закат, —
Но что-то во мне надломилось,
И я говорю невпопад...

* * *

Здесь прогуливалась история...
Потрясениями сыта
Эта нельская акватория,
Эта глянцевая вода.

Как Флоренция, отшумевшая
И утихшая на века,
Так столица осиротевшая
В реку смотрится свысока.

Чья холодная неприкаянность
Или северный ясный пыл
Допустили эту нечаянность:
Чтобы я в этом мире был?

Чтоб поэзия, точно заново,
Под таинственный плеск струи,
В недрах времени долгожданного
В строки взглядывалась мои?

* * *

Л. Ф.

Птица летит высоко,
Реет, едва различима.
В небо идёт глубоко
Струйка белёсого дыма.

Скоро наступит весна:
Встреча — и, значит, прощанье.
Нас извещает она:
Это анонс, обещанье.

Нету яснее письма:
Белая, с чёрной головкой.
Сладить не может зима
С этой весенней уловкой.

Острого чувства крыла,
Участи птичьей не зная,
Знаю, как ей тяжела
Лёгкость ее неземная.

Белая, как молоко,
Голодом пьяная, мимо
Птица летит высоко,
Перистым небом хранима.

* * *

В саду, на узком островке,
Со свитком знания в руке
И лавра веткою нездешней
Сибилла Либика стоит
И тяжело за море глядит
Глазами муки безутешной.

Сибилла Либика, скажи,
Зачем деревья хороши
В своем спокойствии осеннем;
Зачем не слышно ветерка,
Зачем не движется река,
Вода не плещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
С какими силами в связи
Душа осеннего покоя —
Того, что стынет над рекой:
Спроси Того, кто сам — покой,
Кто племя пестует людское...

Вода недвижимая лежит,
Слеза небесная бежит
С ее ланит, вопросу вторя;
Залив, ведущий в океан,
Едва синееет сквозь туман,
Не видя слёз, не зная горя.

* * *

Веди, ни о чем не жалея,
Туда, где светлеет река
И тянется жизнь веселее,
И гибель, и вечность близка.

Веди, точно тему простую,
В свою полусветлую мглу,
Под эту иглу золотую —
Под эту *стальную* иглу.

Веди — я не чувствую боли,
Как если б уже отжилась, —
В пространства без мысли и воли,
Где грусть отпустила и злость...

СТАРИК
(Из Вальмара Адамса)

Ты, сердце бедное, дом горя и огня,
Ты — чаша, полная расплава золотого,
Тебя влечет земля, венец всего земного,
И звон колоколов напутствует меня.

О, пепел времени, стареющее тело! —
Лови и удержи зари прощальный блик...
Протянется ль еще зимы печальной миг?
Подвинется ль мое неконченное дело?

* * *

Настурции нежные листики,
Покачиваясь без конца,
Любителям эквилибристики
Показывают чудеса.

Невнятной косою паутинкою
Застыла на лицах у них
Улыбка танцовщицы тонкая,
Когда амфитеатр затих.

Качайтесь, слегка балансируя,
В поклоны вмешайте слова,
Француженки, нежно грассируя
В печальном своем *pourquoi*.

Танцовщица, пафос движения
И легкость твою объясни!
Натурщица, боль и смятение
На миг от меня заслони!

* * *

Ночной пирушки за столом
Такое мирное течение,
И вдруг — томительный надлом,
Неизъяснимое свечение...

Под утро, с привкусом беды,
Припомнятся ночные тосты,
Внезапный приступ немоты,
Окно, оскалившее звёзды.

Звезды, ночующей в окне,
Прощальный луч у занавески.
Беды, почудившейся мне,
Последние, глухие всплески...

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Памяти С. Д.

Этот слог оттого и аляпист,
Что однажды, проснуться не дав,
Нас уводит из жизни анапест,
Улыбаясь и плача в рукав.

И в домах — никакой перемены.
Виновато бывшее сулят
Безоружные вещи и стены,
Возвращая ушедшего взгляд.

Улыбнись, уходя в неизвестность,
Над историей и над судьбой,
Двух харит своих, нежность и честность,
Навсегда уводя за собой...

Если завтра меня не разбудит
Крик стрижа, залетевший в окно,
Кто поверит, что счастья не будет?
Но и прежним не будет оно.

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАЙКА

Осеннее небо лежит
Тяжёлой, причудливой лепкой.
Последняя чайка кружит
Над стынувшей Малою Невкой.

Последняя чайка парит,
Висит над ларьком, над трамваем,
Щемлящим простором дарит
Нас — прошлое мы забываем...

Послушайся ветра, прощай,
Лети, возвращайся в апреле
За корюшкой, в призрачный край,
На скудные невские мели,

Крылом опиши полукруг,
Кивни мне головкою чёрной,
Послушайся ветра, мой друг:
Оставь это берег просторный!

II. ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

* * *

Он под вечер садится за письменный стол
И в окно угловое глядит.
Там котельной трубы возвышается ствол,
И большая ворона сидит.

Птица тоже как будто косит на него,
Но не взглядом, сводящим с ума:
Нет, не ворон Эдгара, всего ничего,
Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор —
Заурядное, в целом, житьё:
Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
На беду — и не видит ее.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
Что бедою не стыдно назвать...
Отвлекаясь, подводные съёмки Кусто
Начинает герой вспоминать,

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
Где поверхность уже не видна,
Слух слабеет, теряется ориентир,
Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
Цепенеют деревья, спадает листва,
И вода покрывается льдом.

* * *

Нельзя сказать, от поминутной злобы
Или от нескончаемой тоски,
Мерещатся ему крюки и скобы,
Крюки и скобы, скобы и крюки.

Он со стола сметает на пол крошки
И смотрит в угол, где снуют в пыли
Различные задвижки и *заложки*,
Щеколды, шпингалеты, костыли.

Прохожие, как рыбы в водоёме,
Ему навстречу разевают рты:
Он ничего не замечает, кроме
Крюка в стене, крюка и пустоты.

Он вглядывается, как в сны цветные,
В спешащий человеческий поток,
И видятся ему крюки стальные,
Надежно ввёрнутые в потолок.

* * *

Восседает Смердис на троне,
головой касается неба,
Вкруг него проворные слуги,
вкруг него послушные жёны.
Что-то мне не уснуть сегодня,
говорю я и свет включаю.
Со стола, из невытой чашки,
осторожно взлетает муха.

Муха бродит по карте мира,
засиделась в Карибском море,
Задержалась почистить лапки
меж Гренландией и Канадой.
Восседает Смердис на троне,
говорю я себе, зевая
В коммунальном сыром сортире,
и под локтем чувствую стену.

Совершив круиз по Европе,
возвращается муха в чашку.
Что-то мне не уснуть сегодня,
говорю я, свет выключаю.
Чуть поскрипывает лежанка,
барабанит дождь по карнизу.
Восседает Смердис на троне,
головой касается неба.

* * *

Этот город, короткий дневник
Наших судеб, их честный двойник,
Точный слепок, —
В кровь, и в пот, и в сознание проник —
И, как спирт неразбавленный, крепок.

Этот город... Чуть брезжит звезда,
Строчка вкось уползает с листа,
Плещет Мойка...
Обернёшься назад — от стыда
Осыпаются годы, как слойка.

Жил не так и писал ты не так,
И в себе обманулся, простак.
Был ты болен
Честолюбием, дел на пятак
Совершив, был собою доволен.

Где стихи? что ты значишь без них?
Даром бродишь, подняв воротник,
Зря взволнован:
Этот город, твой частный дневник,
Не прочитан и не расшифрован.

Даром ты подколёсную грязь
Месишь: с веком потеряна связь —
Вот мученье!
А беда, что с тобою страслась,
Неважна, не имеет значенья.

* * *

Живи, поэт-семидесятник,
Едва помеченный судьбой,
Прямого смысла верный латник,
Стяжатель доблести прямой.

Ты ценишь точность и усердьё
И упиваешься трудом,
Из неизвестности в бессмертьё
Воображением ведом.

И дружно в будничную лямку
Впрягаясь с музой иногда,
Въезжаешь в пасмурную рамку —
В семидесятые года.

Тут всё твое предназначенье:
Подруги старенький халат
И городской звезды свеченье,
Звезды прилежной, в сорок ватт.

В сетях условного рефлекса,
Где привкус денег, дом, семья,
Прямая выжимка из текста —
Физиономия твоя.

Авторизованы названья
Тех улиц, где тебе жилось.
Что в них застряло? сень призванья?
Нет, скука, холодок и злость.

Живи же, с крохотной меткой
Судьбы, как с родинкой личной,
Под разночинной этикеткой,
Привычной жизнью мелочной.

* * *

Летучих ямбов череда,
Без паузы, без остановки, —
Твои удача и беда,
Твои намётки и обновки.

Беда, постромки натянув,
Со звонкой рифмой скачет, скачет,
Возница разевает клюв,
И счастье ничего не значит.

И умолкает звонкий ключ,
И ключ от немоты утерян,
И воздух влажен и колюч,
И сон летуч, и Бог похерен.

НАД НЕВОЮ

1

Полусвет-полутьма наших северных дней
От Невы в недалёком соседстве —
Сколько ветра и слякоти, вод и камней,
Сколько горечи в этом наследстве!

Это наша судьба, обмануться нельзя...
Виден дворик из кухонной фортки,
По октябрьскому льду ты ступаешь, скользя,
Оглянувшись, минуешь задворки.

Разве не был я счастлив, и ты не была,
Разве помнишь о прожитом часе,
Если воды и камни, стихи и дела,
Всё — судьбы неразрывные связи?

2

Бледная моя петербуржанка!
Осеняют твой недолгий век
Счастья невесёлого изнанка,
Холод, одиночество и снег.

Что-то мы подделаем с тобою
Здесь, над застывающей водой,
С болью подступающей, тупою,
С памятью чугуною, витой?

Хлюпающей кашицей покрыта,
Набережная пустым-пуста.
Что еще нашепчет нам Киприда
Ночью у Литейного моста?

3

Где граница блаженства и муки,
На октябрьском сыром сквозняке,
Я стою над водою – в разлуке,
Со снежком невеселым в руке.

Не спасает вниманье к предметам
От озноба, сознание сквозит,
И фонарь склеротическим светом
Пробирает, и снег моросит.

Ночь нечаянно тронула клавиш
И отпрянула. Стыд и испуг.
Звук всё длится, но как озаглавишь
Этот горький и сладостный звук?

4

Ты утру наступающему рад.
Полутемно, пустынен Летний сад,
Туман с Невы наваян,
И мостик Прачечный горбат.
Поэзии питательный субстрат
В морозном воздухе рассеян.

Тревожит он тебя и веселит.
Он здесь нарочно для тебя разлит.
Ты одинок – и праздник
В твоей душе, предчувствующей стих,
Как будто тайн и радостей святых
Ты новоизбранный причастник.

* * *

Всё повторится. Повторяется
Всё: узнаётся без труда
И с прежним опытом сверяется
Твоя неяркая звезда.

Всё повторится в мире, скованном
Оцепенением людским,
В твоём раю запатентованном,
Под утлым небом городским.

И уж не с тем ли чайка мечется
Над человеческим жильём,
Чтоб мог порыв вочеловечиться
В ничтожном опыте твоём?

Но лишь у мысли — птичьи навыки:
Сама собой увлечена,
В Афинах, Гавре и Рейкьявике
Равно прокормится она.

ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР

Вечер пасмурный, вкус неудачи
На губах, нерешенной задачи
Вкус — горчинка, маслина, миндаль.
Длится пауза. Тянется запах
Тополей. Просит веточек слабых
Ветер. Чахнет апрельская даль.

Дождик, лей! Я ничуть не тоскую.
Счастлив я, не мечтаю другую
Взять на ярмарке судеб судьбу,
Не вздохну по удачливой музе:
Со своею бедняжкой в союзе
На своем выезжаю горбу.

Дождик, лей! Мы зальем невезенье.
Я уверен: найдется спасенье.
Ты, мой ангел, присядь на диван,
Мы отложим на пятницу стирку,
Перепишем стихи под копирку —
Пусть прочтет их журнальный болван.

От обид и душевных капканов
Нас спасает смещение планов:
Дождик, веточка тополя, Рим
С Колизеем, лазурные воды...
Здесь, на Выборгской, долгие годы
Мы о счастье с тобой говорим.

Тяжек дар притяженья земного.
Рев машин над проспектом Смирнова,
Зелень в кадке, цветы на окне, —
Все, что выхватит взгляд наудачу,
Приземляет мою неудачу —
Тяжелей, но спокойнее мне.

Неудача — моя, не чужая.
Счастлив я! Дождик льет, утешая
Нас — нам в пору его утешать.
Сколько радости! Дождик, растенья,
Приглушенного слова рожденье —
Вот оно начинает дышать.

Сколько радости! Милое слово!
Ничего мне не помнится злого.
Лист газетный под локтем хорош:
Вот усач лейтенант возле танка,
Рядом — пляж, где хохочет смуглянка,
И малыш на китайца похож.

Все вокруг происходит недаром.
Вот, в халатике сестрином старом,
Ты, мой ангел, и том Куприна
На коленях... Как слышен на пятом
Рев моторов! На склоне покатом
Влажной крыши — антенна видна.

Но пора! Ты, усач в гимнастерке,
Ты, антенна, застрявшая в фортке,
Ты, кадушка со щучьим хвостом,
Побережья манящая ласка,
Дождик, всхлипы машинного лязга,
Куприна лениздатовский том,

Все участники прочного счастья,
Все, кто в нем принимает участие,
Раньше всех — неудача моя, —
До свиданья! До встречи. Такая
Нам судьба. Ты одна, дорогая,
Ты, мой ангел, послушай меня...

* * *

Время припустило без оглядки.
Пятницы мелькают, точно пятки.
Не успеешь дух перевести —
Тут суббота: пол хозяйка просит
Натереть; косясь, ведро выносит.
Глажка, стирка. Месяц позади.

Выстраданы дни — и тем отрадны.
Путеводной нитью Ариадны
Вьётся жизнь — и так всегда вилась:
В строчках путалась, узлы давала,
За сучки и руки задевала.
Тош клубок, а не перевелась.

Ладно! Только бы не дать слабинку,
Не свернуть, не потерять тропинку,
Только б честь на часть не променять,
Быть с тобою рядом, быть собою,
Осеняясь нежностью слепую
Жить — и рук подольше не разнять.

* * *

Невнятное и в знаках водяных
На стеклах утро проступает.
Полубезумный, шевельнётся стих
Впотьмах — и убегает.

Бежит, как сон, покинувший постель,
Струясь и тая,
В декабрьский полумрак, где слякоть и метель,
Перерастая.

Беги, спеши! На свете нет жилья
Тебе, нет муки
Мне, только правда лёгкая твоя
Да сень разлуки.

Лети, не объясняя ничего,
Не ставя точки.
Ты хрупок, как живое существо,
Как миг отсрочки.

* * *

У Фонтанки, в Косом переулке,
Где виднеется Прачечный мост
И кружит, точно пес на прогулке,
Городской заплутавший норд-ост;
Где вопросы твои назывные,
Из тумана сгущаясь, звучат, —
Чьи, скажи мне, звучат позывные,
Облака кучевые висят?
Впрочем, нет переулка Косого.
Как он назван? Припомнить нет сил.
Ветерка, сквозняка назывного,
Путеводного этого зова
Нет... и дико подумать: он был!

ПАМЯТИ АНТИФАШИСТА

Его могила на чужбине,
А книжек нету и в помине.
Он жадно родину любил —
За то и проклят ею был.

Смотри, и мы его забудем!
Он странный свет оставил людям:
Багровый, зыбкий и косой,
Сквозь нас идущий полосой.

Ты видишь, мы при этом свете
Не те, что были: мы в ответе
За все — от кнопки на столе
И до заклепки на стволе.

Бьет крут его неверный гений,
Любил язык сопоставлений,
Внезапных выпадов игла
Поэту свойственна была.

Мы разочтемся с ним, как сможем:
Его по полочкам разложим,
Кивнем, не согласимся с ним,
Его ошибки объясним...

Состав его высокой страсти
На конфликтующие части
Разъяв, нездешнее прости
Держу, как зернышко в горсти.

КОНФОРМИСТ

Живи (судьба твоя такая)
Не разжимая кулаков,
По именам не называя
Твоих друзей, твоих врагов;

Приберегая каламбуры,
Чужой подхватывая мотив,
С дельцами от литературы
Будь дружелюбен и учтив.

Да-да, судьба твоя такая
И, к слову, выбор твой таков:
Живи, подонкам потакая,
Не обижая дураков,

Терпи с личиной интереса,
Когда однажды, в свой черед,
Немолодая поэтесса
В тебе участие возьмет,

Свою начитанность, к тому же,
Не смей выказывать при них.
Судьба не лучше и не хуже
И не подлее остальных.

* * *

Семидесяты, прокляты...
Здесь ласточка не вьёт гнезда:
Погибли существа крылатые
От ужаса и от стыда.

Самодовольные, смердящие...
Пустоты, затхлость и застой.
Что делать музе в этом ящике?
Как выжить честности простой?

Как солнечной скупую ласкою
Согреться веточке живой
В соседстве с желтой типографскою
Коричневеющей листвою?

Всё ж мученица из Елабуги
Хоть в том счастливей нас была,
Что этих дней цвета и запаха
Прозрев, до них не дожила.

ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Да, он идет в пространства и пустоты,
Где зло пластом нетронутым лежит,
И для него достаточно работы...
Идет с надеждой: разум победит!
И молод он. Любой судьбы экзамен
Он выдержит, не веря до поры,
Что он в ловушке: философский камень
Не хуже прочих точит топоры.

2

Скрижали пошли на щебенку:
Мешали резвиться ребенку.
Нашлось развлеченье уму.
Пришлось потрудиться ему.
Теперь, собирая каменья,
Взрослея от недоуменья,
Он вечному хочет служить.
Бог помощь! Но как их сложить?

3

Тупое, земноводное житье,
Бестелое, бесполое столетье,
По узкой морде хлестанное плетью
За песье послушание свое!
Люблю тебя за твой язык бесполой,
Мой земноводный век, за твой язык
Закушенный, от подлости тяжелый, —
Уже люблю, уже совсем привык...

4

Был прав поэт: не взять умом,
Не заглянуть в глаза
Стране, помеченной клеймом,
И знать ее — нельзя.
Оставь надежду, робинзон,
И отложи тетрадь:
Совдепию, как страшный сон,
Нельзя пересказать

5

Век мой, скроенный дешево!
Злую память любя,
Все, что знаю хорошего, —
Ненавидеть тебя!
С малолетства до старости
Уступая судьбе,
Ничего, кроме ярости,
Не оставлю тебе.

6. *Девятое мая*

Что-то тянет меня на Таймыр,
На Ямал, где позёмка крутится —
Прочь от северных ваших пальмир
И от вас, сволочей, закатиться.
Хоть люблю коммунальный сортир,
Все же тянет меня отлучиться,
В тишине переждать этот пир
И свободно во мхи помочиться.

7

Когда-нибудь скотства не будет.
Я верю, что люди — не скот.
Мы схлынем, нас время осудит,
И новое племя взойдет.
Кошмар промелькнет скоротечно,
Рассеется, точно во сне.
Я верю, что скотство не вечно.
Поверит ли кто-нибудь мне?

8

Ничему удивляться не надо
В зоопарке великих идей.
Вся надежда — отбиться от стада,
Чтобы выжить среди нелюдей.
Кровью смочена, желчью и водкой
Наша жизнь — оттого и смердит.
Чингисхан, победитель с бородкой,
Ухмыляясь, с портретов глядит.

9

Для вас еще настанет время
Читать, умнеть и жизнь любить,
А он меж вами будет темя
Чесать, лысеть и зло копить.
Когда ваш смертник зло накопит
И жизнь людскую проклянет,
Он вашу истину утопит
И музу честную лягнет.

10

Отдать, когда б она не вся,
Полжизни — за перо,
Отдать бы вечность, да нельзя,
И совесть, да старо.
Рассудок мой, что оскудел,
Предчувствуя тюрьму,
Я отдал бы, когда б владел,
И было бы, кому.

* * *

Три воды обегают вокруг островка,
Друг от дружки родясь чередой,
И Лебязья канавка, мелка и узка,
Протянулась четвертой водой.

Три строки набегают, четвертой строкой
Замыкаясь в единстве своем.
Три беды возникают, с протокой-тоской
Образуя один водоем.

Три беды вытекают одна из другой,
И торопится внучка-река
Нас волною настичь, обогнуть и петлей
Захлестнуть, чтоб умолкла строка.

* * *

От пошлости и ты не спрячешься —
Пьешь, учишься или дурачишься.

Перешибет латынь и греческий
Фантом ее нечеловеческий.

Она повсюду — эта властная
Физиономия скуластая.

Анкетными я сыт романсами,
Газетными протуберанцами.

В моей душе, как тема встречающая,
Свербит ее основа вечная.

Я — капелька твоей надменности,
Блюстительница современности!

НА ЛИТЕЙНОМ

Эта осень страшна. Город влажен и мглист.
Ночи сделались долги.
На работу спешит запоздалый гебист,
Вылезая из волги.

Ты плетёшься на службу в отцовском пальто,
Набухающем влагой.
Кто разделит с тобой твою ношу? Никто.
Поделись хоть с бумагой.

Не скупясь, безысходностью с ней поделись,
Правоты своей узник.
Этот желтый, дешевый, тетрадочный лист —
Твой последний союзник.

ПАМЯТНИК

*И я, неведомый пиита,
Вослед пиита знаменита...*

Я памятник воздвиг, от века небывалый,
Но не скажу — себе, скрывая торжество.
Не то что пирамид, а нет былинки малой,
Упрятанной от глаз надежнее его.

Умру я весь, дотла. Пусть смерть намек изгладит
Об имени моем из памяти людской, —
В ней, гордый внук славян, я, твой еврейский прадед,
Равенство предвкушал, свободу и покой.

Слух обо мне заглох в подвалах на Шпалерной.
Я не шутя любил мой безъязыкий век,
И Бога лишь о том молил нелицемерно,
Чтоб знать меня не знал латыш или узбек.

И я не льстился тем, что, времени в угоду,
Фелицу не воспел, на стогны звать дерзнул, —
Любезнее всего я тем служил *народу*,
Что пальцем для свобод его не шевельнул.

Вот, муза, мой итог: твой пасынок счастливый,
Я прожил *эту* жизнь и принял *эту* смерть
И, верю, заслужил награды справедливой:
Мою строку со мной верни в родную твердь.

* * *

Плачь, мой город, я был тебе сыном.
Да, не лучшим, но всё-таки был.
По дворам твоим и магазинам,
Вдоль каналов и речек бродил.

Жил надеждой, просвета не видя,
Ждал успеха, обиды терпя.
Я вживался в тебя, ненавидя,
Проклиная, но втайне — любя.

Ты, неслыханным прошлым украшен,
С бутафорскою честью в уме,
До чего же спесив ты и страшен,
Полупьяный, в словесном дерьме.

Ты, эклектик, культурой ошпарен
И стихом захлебнулся, хрипя.
Да, ты немец, но втайне — татарин.
Отвяжись, ненавижу тебя.

Двести лет надыхаться не можем,
Дышим смрадом болот и тюрьмы.
Над гранитным твердеющим ложем —
Желтый пар петербургской зимы.

МОНОЛОГИ ОБРЕЧЕННОГО

1

Друг мой, неси эту тяжесть сама,
Я неспособен, сдаюсь.
Слабость и ненависть сводят с ума —
Вот мой священный союз.

Знаю, ты слабость любила во мне
(ненависть — новый дружок).
Страх земноводный ползёт по спине,
Дрожь, идиотский смешок.

Думай что знаешь, люби не люби,
Тольконими эту боль,
От накопленья железа в крови,
Хочешь не хочешь, уволь.

Жалко, что жалостен твой идиот,
Жалко, что бьёт его дрожь.
Волчья позёмка метёт и метёт,
Сгинем — следов не найдёшь.

2

...Поэзия, тебе служить
Хотел я жизнью всей —
Но жизни нет, и нечем жить,
И нет к тебе путей.

Покой, твоих прозрачных вод
Взыскал так рано я —
Но нет тебя, разрушен грот,
Отравлена струя.

Смерть, я тебя не стал бы звать
В мои былые дни,
Но не на кого уповать —
Хоть ты не обмани.

* * *

Еще потеряно не все,
Еще звезда не закатилась,
Еще вертится колесо —
Штурвал судьбы, господня милость.
Еще не сглазили слова
Литературные подонки,
Еще душа твоя жива
И стоит больше селезенки.

III. ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

И с отвращением читая жизнь мою...

* * *

Когда уходит та, кого любил,
На свете ничего не происходит.
Над крышами восходит хор светил.
Покинутый вбирает млечный пыл,
Глядит на Орион, глаза отводит,
И думает: я был... я тоже был.

* * *

Как помертвел, переменялся мир!
Закончен мой литературный пир.
Зачем он был? Его я проклинаяю,
И с ним — себя. И чем я жив, не знаю.

Будь проклят, поэтический запой!
Я душу чудом уберег с тобой.
Душа спала, когда стихи писались —
И совести как будто не касались.

Смотрю и вижу: проще умереть,
Чем в прошлое внимательно смотреть.
Но не смотреть нельзя: кусочек смерти —
В тебе, во мне, в потерянном конверте...

Твои силки, наперсница моя!
Что ненависть? Нелепая статья!
Не спать, не есть — что толку ненавидеть
Себя? — Мне этой пасти не насытить.

Гляди, Левиафан! Твой взгляд остер.
Поблажкою почел бы я костер.
Ты, зверь минувшего! глотни — вот попытка
Тысячелетней выдержки напитка...

* * *

Ничто в толпе наставших дней
Минувшего не заслоняет.
Всё нестерпимей, всё ясней
Черты былого проступают.

Всё — от снимания чулок
До паузы, до сигареты —
Я вижу... Алигьери, где ты?
Твой ад не страшен, ужас плох.

Как эта женщина легка,
Легка, стройна, неуязвима...
Как эта память далека!
Как боль моя невыразима!

Не уверяй, что это ты
Была: поверить — невозможно.
Неряшлива и суматошна
Судьба. Не хватит доброты.

Я вижу: там, в прорехе дня,
Две музы, точно две подруги
Стоят, соединили руки
И смотрят, смотрят на меня...

* * *

Да, мне позволено, я загляну
В комнату эту.
Точно знакомой, кровати кивну.
Спит он. Спокойному этому сну
Рад, пролистаю газету.

Следом за мной водянистый рассвет
В мутные окна
Мирно прольется – на пыльный буфет,
Стул, этажерку, и старый паркет
Вдруг обнаружит волокна.

Время подходит, будильник звонит.
Он, просыпаясь,
Ищет гантели, на кухню спешит,
Плещется, бреется. Чайник кипит,
Диктор бубнит, вдохновляясь.

Зимние сумерки. Время не ждет.
Завтрак окончен.
Вижу, как сунув в портфель бутерброд
И сигареты, он к двери идет,
Ровен и сосредоточен.

Я не замечен. Я призрак, я тень
В комнате этой.
Смерть мне выписывает бюллетень
Из любопытства... И ширится день
Над петербургскою Летой.

* * *

И над вами восходит звезда,
Красноватая, древняя: та,
Что знавала Евфрат до потопа.
Эта тихая ночь до утра —
Вам в подарок. Богиня щедра.
И под нею вы оба.

С желтой ленточкой платье твоё
В кресле сложено, рядом бельё,
Лифчик ты расстегнула.
Вот присела, вот тень к потолку
Потянулась, рука — к ночнику,
И чулок сполз со стула.

Торопитесь! Как ночь коротка!
Как худеет, трепещет рука...
Коротко одеяльце.
Зябнешь ты, дрожь не можешь унять —
И забыла мой камешек снять
С безымянного пальца.

* * *

В те дни мы не знали цены
Любви, мы не знали струны,
Звучащей свободно и живо —
И брали аккорды фальшиво.

Закрыта была на замок
Душа, даже Тютчев не мог
В нее заглянуть без боязни.
И совесть была безучастней.

Ты, гордость, — вода в решете:
Криклива, глуха к доброте,
Слепа, красоты не заметишь,
Презреньем на кротость ответишь.

Ты, молодость, тем хороша,
Что быстро проходишь. Душа
Скудеет в бездумных порывах
И счетах твоих торопливых.

* * *

Эгоистична верная любовь,
Эгоистичны самоотверженье
И нежность... Что за странное движенье
В душе подсматривает злая кровь!

Спроси себя: за что меня любить?
И нет ответа, я ведь знаю.
Не любит воду тот, кто хочет пить.
Но что мне эта истина сквозная!

* * *

Ты улыбаешься не мне
На полувнятном снимке,
По голень в ласковой волне,
Вся в отблесках и дымке.

Так по-девчоночьи стройна
В купальнике дешевом,
Ты загорела, ты полна
Таинственным и новым.

Всё, чем прекрасен этот мир
В венце неповторимом,
Вобрал пылающий эфир
Твоих небес над Крымом.

Всё, чем ужасна жизнь моя
Под этим небосводом,
И рядом не поставлю я
С тем судьбоносным годом.

Души пропащей не спасут
Ни четьи, ни минеи.
Ни смертный час, ни страшный суд
Не будут мне страшнее.

Тот, кто наводит объектив,
Заворожен тобою,
Давно уж мертв, а если жив,
То обойден судьбою.

А кто насытил пустоту
Любовью изначальной,
Подменит мне улыбку ту
Усмешкой этернальной.

Всё можно высветлить, назвать
И тем заклясть ошибки,
Но не переадресовать
Счастливой той улыбки.

* * *

Она, как низменный порок,
Меня гнетёт и убивает.
Кто ж знал, что боль такой бывает?
А, что б ее... Какой урок!

Она умрет, когда умру
Я, злою памятью раздавлен,
Где, сладким ядом слов отравлен,
Жил, с отвращением к перу;

Где даже ненависть к себе
Ничуть не искупает боли,
Где нечем жить, где нету воли
И нету стимула к борьбе.

Кренится твердь, уходит вбок,
Слышно подземное движенье —
Я вижу смысла изверженье,
От гибели на волосок.

Тут жизнь моя и смерть моя,
Полуобнявшись, как подруги,
Стоят, соединили руки —
И жадно смотрят на меня.

* * *

Сирокко, мистраль, урикан, суховой,
Бандиты-ветра благородных кровей,
Не мешкайте, станьте подспорьем
Над горем, над ласковым горем.

Пусть черное горе качает ладью,
Фелуку убогую, муку мою.
Раскинулось горе широко.
Над ним куролесит сирокко.

Ты, Брут Пиренеев, товарищ мистраль,
Мне в сердце вонзаешь стальную спираль.
Ты — смерти недолгой податель.
Спасибо за помощь, приятель.

Как ловко пловцу ты расставил капкан,
Карибский пират, островной урикан.
Бушует бескрайнее горе.
На дыбу ведет Лукоморье.

Заносчивый пахарь каспийских пустынь,
Мети, суховой, не устань, не остынь.
Что делаешь, делай скорее.
Нам вместе качаться на рее.

* * *

Держать в объятьях одну, а любить другую —
Ты этому учишь нас, чародей и плут?
Нет, только одну люблю и одну ревную
И только ради одной задержался тут.

Немеркнувшие в душе берегу я снимки:
Вот здесь она моя, а здесь не моя.
Вот невский берег, Таврида в закатной дымке,
А вот грядущие берега и края.

Со всеми, кому она открыла объятья,
Я в кровном родстве. Отстать от них не могу.
Одной дорогой идут Арджуна и братья —
И бога вместе встречают на берегу.

Вернее термодинамики не бывает:
Любовь питается ревностью — и сыта,
Лишь влага в стакане явственно убывает.
Проста игра твоя, Господи. Жизнь проста.

* * *

Вживаюсь в новый облик твой,
А тот, невозвратимый,
Плывет, оплаканный листвою,
Над пляжами, над мостовой,
И утро полнит синевою
Утраченную тень любимой.

Что ж, буду впредь любить двоих:
И ту, что удержала тело
Для новых горестей земных
И диких вывертов моих,
И ту, что отлетела.

Силен классический сюжет.
Вторично в недра ходу нет.
Кого б ни вывел он из штолен,
Не может уберечь трофей
Несостоявшийся Орфей,
Бессилен и безволен.

И тень плывет по склону, вниз,
Туда, где дремлет кипарис
Знаменьем вечности и веры,
И дальше, по волнам, за мыс,
В морскую ширь, на Симеиз,
Под сердоликовый карниз
Пещеры.

ДАЛЕКА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ
(1974-1989)

I. ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ

* * *

Воробей — терпеливая птица.
Мне, быть может, когда я умру,
Суждено в воробья превратиться
На сквозном ленинградском ветру.

Как само естество, обезличен,
Равнозначен себе самому,
Воробей оттого симпатичен,
Что живёт, не вредя никому.

Потому ли, товарищ мой нищий,
Осторожный жилец чердака,
Ты мне дорог, что голос твой чище
И надёжней, чем эта строка?

Ничего мне от жизни не надо —
Дайте только пропеть воробью,
Просвистеть в полутьме виновато
Безголосую песню свою.

ДИАЛОГ

Негодование тшечно, скорбь пуста:
Для них струны не стоило касаться.
Вся жизнь — неутолённая мечта,
А не Элизий, как могло казаться.

Определилось наше место в ней.
Не сетуем: его мы заслужили.
Другой, явись мы ярче и сильней,
Сограждане канон бы нам сложили.

— Ты в честолубцах, помнится, ходил...

— А ты порой сочувствия искала...

Теперь не то: с владевших нами сил
Кисейные упали покрывала.

— Отшельничество будет наш Эдем,
Нирвана с ленинградской пропиской...

— Нельзя быть всем, но можно быть ничем

И долею не тяготиться низкой.

* * *

Чем дальше, тем меньше хочу
Менять этих дней оболочку.
Чем дальше, тем строже шепчу
Мою одинокую строчку.

Она всё верней и верней
Одну замыкает орбиту.
Всё прошлое собрано в ней
И всё предстоящее скрыто.

В кругу примелькавшихся лиц
На дружбу всё меньше надеюсь,
Но в душах животных и птиц
Читаю легко, как индеец.

* * *

Всё это беды человечьи —
О них не стоит говорить...
Не плачь. Свари остатки гречи,
Чтоб утром дочку накормить

Да крошки хлебные в кормушку
Смети для нищих птиц. А мне
Вели закончить постирушку,
Приладить метку к простыне.

Есть важный смысл в занятях малых.
В нём — обойдённых торжество.
А кто тебя унизил — жалок,
Он — раб на троне: пусть его...

Нам гордость ведома иная,
Земля просторная, ничья:
Собою жить, не презирая
Ханжу, набоба, палача.

Властителям и судьям тяжек
Живой обыденности миг,
Невнятны судьбы без поблажек
И человеческий язык.

Развешу дочкины колготки,
Отмою кляксу на плите —
И в коммунальном околотке
О вольном возглашу труде.

* * *

Ума ли, как царь Соломон,
Просить? Но вокруг — legion
Вменяющих небу поправку.
Нет, мы фаталисты. Мы те,
Кто верен своей нищете,
И нищими явимся в ставку.

Природа не терпит пустот,
Чем сходна с душою. Я тот,
Кто нужен. Как гость у колодца,
Я здесь не случаен: со мной
Мой посох, мой жребий земной,
И пир без меня не начнётся.

* * *

Любовь — непозволительная блажь.
Влюбляться, быть отвергнутым, любимым, —
Всё как-то стыдно в век счастливый наш,
Смешно, актерским выведено гримом.

Твой собеседник — в тридцать лет старик.
Жизнь кончена, остались гнёт и мука, —
Примерь ему напудренный парик,
Друг шалости, удачи и досуга!

Куда девался крохотный Руссо,
За пазухой сидевший проповедник?
Нас переехавшее колесо,
Сдаётся мне, еще не из последних.

* * *

Ты — зерно справедливости, детство!
Символ Зорро вспорхнет со стены
И взлетит, озирая наследство
Ни на что не похожей страны.

Соучастьем, наивностью жеста
И надеждой прохожий согрет:
Вдруг и в жизни отыщется место
Твоему сиротливому *зэт*?

* * *

Правота, как душа, с человеком
Неразрывна, в него вживлена.
Отрыдавшись над вечным ночлегом,
В неизвестность уходит она.
Застывает ее содержанье —
Точно ангел извлёк электрод
Из раствора, гася мирозданье,
Обездвиживая небосвод.

Правота, как душа, человека
Продолжает по смерти его,
Побрякушками нового века
Невзначай оттеняя вдовство.
Нашей крови, меж нами скитаясь,
Ищет, плоти алкает в родстве, —
И четвёртого века китаец
Вдруг себя обретает в тебе.

* * *

Как Максвелла демон, калитку
Откроешь ты тем, кто резвей.
И славно! Ко мне-недобитку
Последнюю слабость развей.

Прощай, повзрослевшая муза!
Спасибо за известь в крови.
Не нужно такого союза.
Уж лучше совсем без любви.

Лови горячительный атом,
Счастливицу билет пристегни,
Останься драконом крылатым —
И зря чужака не дразни.

С горячностью замоскворецкой
Прохлада моя не в ладу.
Не нужен мне берег советский,
Оставь меня в Летнем саду.

Люблю мою долгую муку
И совесть больную мою.
Отпраздную нашу разлуку.
Слезы по тебе не пролью.

АНГИНА

Лишь ангина и может вернуть
Позабывтые контуры, звуки...
Заболеть — как в себя заглянуть,
Суеты отрешиться и скуки.

Там, в гербарии счастлих и бед,
Вдруг живые отыщутся почки:
Твой младенческий велосипед
Или две хореических строчки.

Сколько лет ты их тщетно искал,
Как шутила с тобой Мнемозина,
Сколько важных ты слов пропускал,
Среди них ключевое: ангина.

Мимолётная гостья, твоя
Правда: время тебя не заботит.
Не хотел выздороавливать я,
Да пришлось. Мой будильник заводят.

Ничего я не помню. Забыл
Красоту, для которой трудился.
Пробил час — оболочку пробил
И в молочную вечность скатился.

* * *

Судьбу цветка с судьбой вселенной
Положим на весы: одна
Им, а равно и нашей тленной,
Высвечивается цена.

Тот день на Куликовом поле
И вся история твоя
В моем раю не стоят доли
Космополита-воробья.

ТОРЖЕСТВО ФЛОРЫ

Пустое всё: не страшно жить,
Не холодно ничуть!
Не трудно боль остановить,
Сжимающую грудь.

Аякс бросается на меч —
Не важно! Всё цветёт.
Ты мертв, но не смолкает речь,
И празднество идёт.

О Флора дивная, пройдишь
По улице моей,
На краткий миг остановись
Здесь, у моих дверей...

ДВА ПОЭТА

Пошлость вечна — и вечны стихи.
Два поэта ко мне обратились.
Непохожие их языки
Так чудесно в родном преломились!

Два счастливица из тьмы вековой,
Двух империй птенцы: в средиземной
Первый жил, в поднебесной — второй,
А сошлись — не скажу, что в тюремной.

Европеец, две тысячи лет
Стих твой мерный ко мне простирался.
Азиат, не меня ль твой привет
Ждал шестнадцать веков — и дождался?

Европеец, ты учишь меня,
Как добиться известности лестной.
Азиат, ты сидишь у огня
На полу твоей хижины тесной.

Европеец, ты, верен чутью
К слову, вздох мой рассудишь без скидки.
Азиат, ты мотыгу твою
У терновой оставил калитки.

Оба правы. Но родственный гений
Мне диктует сквозь толщу веков:
— Не хочу никаких поучений,
Прост мой разум и беден мой кров.

* * *

Увы! Промчался этот юный
Прелестный век —
Лавиной лиственной и струнной
Чудес и нег.

Увы, простушка! Оперенье,
Прощай. Забудь,
Птенец, стихотворенье,
Воздушный путь.

Бог любит нас, как орнитолог
Пернатых. Стих —
Полнейшая из всех тяжёлых
Его улик.

ВНУЧКА И ДЕД

Девочка спит и растёт.
Лобик высокий потеет.
Майское небо светло.
Чайки в четыре утра
Вдоль розовеющих вод
белыми духами реют
Или на льдинках плывут,
головы набок склонив.
Встану, накину пальто.
Холод и влагу глотая,
Через Кричевский к мосту
выйду в прозрачную мглу:
Кажется всё: над рекой,
будто меня ожидая,
Стройный, еще не старик,
он одиноко стоит.

* * *

Когда зимой грустнеют птицы,
И Летний сад в снегу,
С тобой одним, певец Фелицы,
Я в мире жить могу.

Всё, чем эпохи наши схожи,
Я принял, гнёт терпя.
Мне скучно с теми, кто моложе
И опытней тебя.

И нам легко сойтись о главном,
Найдя ответ в добре,
В саду с окоченевшим фавном
В дощатой конуре.

ПОДРАЖАНИЕ КИТАЙСКОМУ

Ты, воробей,
как человек, пластичен:
Всюду живёшь,
где живёт человек.

К жизни любой,
как и он, привыкаешь,
Розу ветров
держишь в клюве твоём.

Берег Янцзы
сближает с берегом Темзы
Выпрат твоих
быстрых, коротких крыл.

Всем, воробей,
ты сродни человеку —
И для тебя
в сердце есть уголок.

Ближе к зиме
я сколочу кормушку
И за окном
нитками укреплю.

ВОРОБЕЙ И ПСИХЕЯ

Где кирпич и железо, провода и стекло,
Жив пернатый повеса лютой стуже назло.
Век бездельника краток, песня — нищенский вздор,
Скуден миропорядок, где он крылья простёр.
Из недели в неделю жизнь случайна, скудна —
Но над этой скуделью миротворит Она.
Два крыла, хоть не птица. В том же углом мирке,
В том же прахе ютится на сыром чердаке.
Два крыла, хоть не птица... В мире мокнущих крыш
Пролегает граница, что не вдруг разглядишь.
Два неродственных света, отразившись, сошлись:
Воробьиное гетто, олимпийская высь...

Чуть вспорхнёшь — отступает механический лом:
Сад Психеи сияет под убогим крылом.
В кушах, где непреложно воцарилась Она,
Справедливость возможна, простота не смешна.
Здесь голодная косность не идёт по пятам,
Здесь возможна серьёзность, неприличная там.
Для гонимых, бездомных и обобранных — в них
Вечных смыслов питомник, вечной неги родник.

Оттого всё теснее в этом капище муз
Воробья и Психеи равноправный союз.

* * *

Освобождался от страстей —
И видел свет в окне;
Искал отеческих вестей
В душевной глубине;
Шептал: грехи, а не стихи
Подогревает страсть;
Винил в неловкостях строки
Надчувственную власть;
Лишь точной рифмы вещество
Впускать решался в кровь;
Договорился до того,
Что мысль — и есть любовь;
Шальной идеей ослеплен,
Сражаясь до седин,
Остановить Армагеддон
Надеялся один;
Адмиралтейская игла
Иглой ему была...
Шекспира гнал и Бога звал,
В слезах на чудо уповал —
И тут она вошла...

МОЛИТВА

Ты сомневаешься в себе,
В своём существованьи,
Поддержки ищешь ты в мольбе,
В моем слепом стенаньи.

Стиха сканирующий луч —
Вот вся твоя опора.
Мой дар — к ларцу Кашея ключ...
Прости же, Отче, вора!

EX ADVERSO

Отгородясь фигурной скобкой,
Мостки над хлябью навести,
На почве гибельной и топкой
Заставить сладкий мак цвести —

Дурманящий и жаркий кратер,
Из мрака вызванный цветок, —
Твоих трудов, *мелиоратор*,
Достойный зависти итог.

Он легкий сон тебе навяжет,
Поможет боль благословить,
И сам со временем укажет,
Где скобку круглую закрыть.

* * *

Приятель увлечен пластической строкой
В чести полузабытого поэта —
Там Орковы поля, полуденный покой
Тавриды, мойры тягостная мета.

Там все не так, как здесь. Пересечешь между —
И асфодели покрывают поле...
Я слушаю его — и сам не нахожу
Для чувственного ни мечты, ни воли.

Что страсти грубые, когда ты у дверей
И чуешь Леты хладное соседство?
Неужто и любовь не пустят в эмпирей
Без их земного, низкого посредства?

МОЛЧАНИЕ ПРОРОЧИЦ

Двух беглянок, двух вещей сестёр
С берегов Адриатики дальней
Этот остров трапецеидальный
Приютил с незапамятных пор.

Клии выверты, жизни изнанка
Вняты им — оттого и бледны
У порога полночной страны
Европейка и Африканка.

Но не жалуют дар их античный
Листригоны... У невских куртин
Пушкин кланялся им и Кюстин,
С правотою своею частичной.

Кто поверит у нас гороскопу?
Что за вздор на устах у сивилл? —
Европейцев упрячут в Сибирь,
Африканца — не пустят в Европу...

Сбивчив, дик в наших топях оракул:
— Мор, да глад, да большой маскарад...
А народу-кормильцу твердят:
— Образумься, пока не заплакал!..

Вот и сникли, молчанием тяжким
Облеклись. Та глядит на восток,
А другая — на запад. Жесток
Русский бог. Век не в пору бедняжкам.

* * *

Сменяет Эпикура Эпиктет,
Как негу летнюю сменяет осень.
Так, мой поэт! Мы не печальны, нет,
И к прошлому привязаны не очень.

Столь в этой жизни нам принадлежит
Немногое, что можно быть счастливым:
Ее руно нетронутым лежит
Перед твоим сознанием терпеливым.

ТЕНЬ ПОЭТА

Полночный этот шаг (чуть глуше, чем людской,
Хоть и усилен подворотней)
Так тягостно знаком — и так похож на мой...
Не эхо ли? Но нет: свободней...

А встречный пешеход чуть зонтик наклонит,
Чтобы лица не видно было, —
И тут уж знаю я, чей властный дух сквозит.
Крепите, плотники, стропила!

Живых телеснее, плотнее естества
И естеству повелевая,
Зачем являешься? Уж не в мои ль слова
Вместится мощь твоя живая?

Не нужно, уходи. Тебе не место здесь.
Угодья невские бескровней
Айдесских пажитей. Не высылай на мечь
Мой стих младенческий, сыновний.

Оставь мне угол мой. Не сумерки, а тьма
Расселась в необъятной зоне.
Пусть будет всё как есть, сума или тюрьма,
Пусть смерд останется на троне.

Что сердцу ведомо — не снилось мудрецам.
Со мной — твое горацианство:
Страна, открытая нездешним голосам,
Теней возлюбленных пространство.

* * *

Воробей — осторожная птица.
Я хотел бы, когда я умру,
Всё забыв, в воробья превратиться
На сквозном ленинградском ветру.

В нём природа, на шулки скупая,
Многозначность явила свою:
Всем он равен, во всём уступая,
Чайке, ласточке и соловью.

Но не им, сэкономив горбушку,
Зимним днем, отрешась суеты,
За окном наполняешь кормушку,
Далека в человечестве, ты.

II. ПОСЛЕ ЭДЕМА

* * *

Между жизнью и смертью граница,
Перепонка меж злом и добром
Шелохнётся — и воздух слоится,
Словно птица взмахнула крылом.

Не проводят меня и не встретят.
Дверь прикрыта, петух не кричит.
Здесь ли всё ещё я — кто ответит?
Даже ангел-хранитель молчит.

Растворима, как ломтик тумана
В голубой пелерине весны,
Так устроена эта мембрана,
Что видна лишь с одной стороны.

* * *

Что легкость любовницей нашей была,
Того и припомнить нет сил.
Как женская рифма, сирень отцвела,
Наш гений язык прикусил.

А, право же, было! Свидетельства есть.
Беспечная песня лилась.
Еще на благая — блаженная весть
В нас ямбами отозвалась.

Эллада гостила за нашим столом:
Афины, Локрида, Эпир,
В пластической неге несметным числом
Надежд населяя эфир.

Наш гений не в лёгком ли жанре хорош,
Пристоен не только ли в нём?
Не вся ль его правда — субтильная ложь
Любви, в преломленьи двойном?

Февраль на пороге — нельзя ли свечу
В тот храм опустелый внести?
— Не знаю, не знаю... и знать не хочу.
Я очень устал, отпусти.

* * *

Через весь вообразимый стыд,
Через низости и униженья,
Через строй бессмысленных обид
Мы прошли, и это — достижение.

Незачем родиться подлецом,
Чтобы знать, как подлость подступает
С искаженным, взмыленным лицом —
И тебя в бараний рог сгибает.

Мы не уступали без борьбы.
Давний счёт у нас, от школьной парты, —
Но не сломишь происка судьбы,
Промысла, тасующего карты.

Есть, должно быть, тайный смысл, и цель
Быть должна, иначе оправданья
Не найдёт земная канитель,
Твердь не выстоит и мирозданье.

* * *

В.С.

Что счастье? — Картуш, завиток,
Трилистник извечный,
Сырого тумана глоток
Да день быстротечный.

Глупею, как вспомню о нём.
Сомнением унижен
Мой замысел. Слякотным днём
Мой дух обездвижен.

Напрасно берёт карандаш
Баженов-строитель:
Неправда, что счастье — пейзаж,
Неправ мой учитель.

С оглядкой на невский туман,
Каноны и схемы
Храню я строку-талисман
Из детской поэмы.

Люблю этот нежный брелок.
Он — средство от транса,
Лекарство от блох, уголок
Другого пространства.

Скучна мне любая модель
Без примеси страсти.
Известно, что счастье — не цель,
Но цель — это счастье.

* * *

Наша правота измеряется удачей.

Н. К.

Гамаши за бюст Геродота
Засунув, к поэту она
Бежит, вся — порыв и свобода,
С тетрадкой, надежды полна.

Ты знаешь, что станется с нею,
Всю жизнь, лет на сорок вперед:
О чем же грустить тут? — Болею
Душой за нее... Пусть идет!

День весел, кипением налит,
Как море, бескрайне житье.
Сейчас знаменитость похвалит
Прелестную музу ее.

Под сенью гостиничных комнат
Певца вдохновенье проймет —
Похвалит, надолго запомнит,
На смертном одре помянет.

Но ей улыбнется призванье
Другое, что тоже — в крови:
Очаг гимениев, страданье
И готика женской любви.

Из Кракова, Ульма, Брюсселя
Святые в несметном числе
Ее поощрять прилетели,
Освоились в Детском Селе.

Голодному времени в пику
Писателя княжеский быт
(где слуги и бьюик для шику)
Счастливица благословит.

На две ее важных дороги —
Одна путеводная нить:
К обеду — доставить миноги,
К рассказу — стихи сочинить.

И век изуверский не страшен —
Лишь только над зодчим встает
Ажурных и стрельчатых башен
Им выведенный хоровод.

Но совести нет у природы.
Как страшно остаться одной,
Когда грациозные своды
Сейсмической смоеет волной!

Над грудой священного сора
Отыщет ли времени связь?
— Страданье — начало позора, —
Промолвит, в последней смирясь

Беде... А покуда — из детской,
Где плюшевый мишка лежит,
Задолго до воли советской
Девчонка к поэту бежит.

Ее проводить не мешало б
Тебе по весенней Москве,
Но нет ни предчувствий, ни жалоб —
Блаженная дурь в голове.

* * *

Чего хочу? Всего, со всюю полнотою...

Н. О.

Военную музыку Герцен любил.
Мне слышится дробь барабана.
Нелепый Исакий торчит из стропил,
Без купола, в клочьях тумана.

Мне внятны валторны воинственный рёв
И флейты дорической звуки,
Но струнные предпочитал Огарев
И сам сочинял на досуге.

Он не был вождём. Изводился, раним,
Сердечного ради союза —
Меж тем чуть не плача взывала над ним
Его обойдённая муза.

Он с нею свиданья продлить не умел.
Ни в чем не далась ему мера
Созвучья, кладущего водораздел
Супружества и адюльтера.

За другом спешил, с неопознанным злом
Сражался, сесть уже начал,
Когда ж оглянулся — у той под крылом
Не Лондон, а Гринвич маячил.

Не здесь ли извечная наша беда?
Душа всеохватности просит —
И цельного мы сторонимся труда,
Который к признанью выносит.

* * *

Наглопались мы сладкого яда.
Ты — наперсница вечности, грусть!
Мне с тобою и счастья не надо:
Все пустое, за что ни возьмусь.

Иллюзорны его оболочки:
Дружба, душ неразрывный союз...
Я не знал, каково в одиночке.
Привыкаю теперь. Перебьюсь.

ГАМЛЕТ В КОТЕЛЬНОЙ

Есть это и это — и я не знаю, что лучше.
Кто ясен и весел, тот *в общем и целом* прав.
Идея царит недолго, и мнение — летуче,
Они исчезают, до нитки нас обобрав.

Идея, как женщина, вьёт из нищих верёвки,
И комплексы наши идут по той же статье
Растрат и просчётов. И что возразишь воровке,
Щита не имея в обществе и семье?

Цветок твой прекрасен, да средств я боюсь пахучих.
Я болен сомнением, а это — скверный недуг.
С проблемой выбора не был знаком поручик,
Умевший с холодным вниманьем смотреть вокруг.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

В начале мая весел кочегар.
Сезон идёт к концу. Ему не спится.
Дочитан Кьеркегор. Сползая с нар,
Он падает — и вяло матерится.

Гороховая улица блестит,
Дождём промытая. Неразбериха,
Как птичий грай, в мозгу его летит.
В родильном доме, что напротив, тихо.

Адмиралтейство. Три часа утра.
Светло. Мелькнули белые фуражки,
И женский визг послышался. Ура!
Из стен твердыни выпорхнули пташки.

Фонтан безмолвствует. Задрав штаны,
В нём бродит седовласый алкоголик
И собирает мелочь. Серп луны
Увяз концом в небесных антресолях.

ПОСЛЕ ЭДЕМА

*Там – мы были детьми, это значит: мы были умней.
Обвиняю в измене того, кто об этом забыл.
(1964)*

Яблоко съедено. Будешь страдать и трудиться
В тундре, а не в палисаднике, вечно один.
Где безмятежность недавняя? Путь твой двоится.
Где тот хитрец, что закапал тебе атропин?

Мысль твоя – точно инфанта без мамок и нянек:
В малом – беспомощна, детски надменна – в большом.
Метафизический – он и обычный изгнанник,
Нет ему пристани в мире огромном, чужом.

Ева покуда с тобой, да глядит виновато.
Не узнаёт – и сама хороша в нищете.
Новая истина – новое иго... Утрата
Явственно признана. Те же мы с ней, да не те.

Чем мы с ней только не тешились! Горя не знали!
Славили боль, человечеству лавры плели,
С Марком Аврелием плакали, с графом пахали –
Больше ни влаги, ни пахотной нет нам земли.

Краток наш сумрак, преступно соприкосновенье,
Афористичен сожительства терпкий язык.
Вот твоё имя, мой разум померкший: мгновенье.
Вот твоя сущность, планида моя: черновик.

СТАНСЫ К СОВЕСТИ

Лишь больные и дети ведут дневники —
Что же долее медлить? Начнём.
Твой мерцательный пульс — аритмия строки —
Намечается в небе ночном.

Жизнь была бы прекрасна, да ты — мой кошмар:
Ты и радость, и мука моя.
Говорят, за тобою ухаживать — дар:
Кто, бездарный, несчастлив, как я?

Тот, чьей тенью я в этих пространствах ведом,
Был, как я, идеала должник,
Совершенства искал, изводился стыдом
И под гнётом соблазнов поник.

Резонёрством не спасся, и нам не спастись —
Ну, а всё же?.. кто знает! а вдруг
Дневниковая исповедь, твой фронтиспис,
Облегчит застарелый недуг?

Невозможно мне было, пока ты слаба,
Не отдаться капризам твоим, —
Но целительным свойством известны слова,
И душа моя тянется к ним.

Слово властвует: зависть, распушенность, злость
Разрушительных сил лишены.
Выздоровливай, деточка. Средство нашлось.
Мы друг другу почти не нужны.

БЛУДНЫЕ ДЕТИ

Память мудра: на кошмары наложен запрет,
Но не всеильна: оставлен простор укоризне.
Бедная девочка! Если назад посмотреть,
Сколько мы с нею наделали дел в этой жизни...

Стоило души нам терпким стыдом напоить
И поумнеть, как последняя гавань маячит.
Если и впрямь отчитаться во всем предстоит —
В этом и казнь, невозможно страшнее назначить.

ЧАЙКА

Пари, мой гений, гальциона! —
Над гладью меркнувшей реки,
Под синей твердью небосклона,
Ухмылкам черни вопреки.

Твои крыла в лазури тонут,
На них Создатель славу льёт,
Людскою низостью не тронут
Твой ослепительный полёт.

Пока твоё круженье длится,
Вся жизнь — сплошное торжество.
Пари, чтоб смыслом поделиться,
Со мной, теряющим его.

* * *

Зима наступает, Вивальди спешит
В притихшие наши сады.
Лист полуистлевший уже не шуршит,
Осунулись неба черты.

Не этим ли утром петунья цвела,
Лобелия и ноготки,
В головку цветка проникала пчела,
И чайки паслись у реки?

Должно быть, мы долго бродили с тобой:
Свинцовой сделалась синь,
Приблизилась скрипки, померкнул гобой,
И ясно звучит клавесин.

МИНУТЫ ВОЛЬНОГО ТРУДА

1

Мальчик о счастье писал.
Тему он знал безупречно.
Кто его труд направлял?
Дух, пребывающий вечно.

Счастье — особый предмет.
Тот, кто несчастлив, не знает,
Чей гипнотический свет
Волю к труду поощряет.

Окна распахнуты в сад.
С нотами мраморный столик.
Осень, и мальчик ей рад —
Счастлив, прилежный католик.

Сон мимолетный бежит
Детской просторной кровати.
Что на пюпитре лежит,
Кто — Мысливечек, Скарлатти?

Нас, чтобы выжили мы
В Зальцбурге немзыкальном,
Моцарт выводит из тьмы
К радостям нематерьяльным...

Жив я, да труд уступил
Место унынию и скуке...
Тот, кто несчастлив, забыл
Моцарта сладкие звуки.

2

Я вспоминаю иногда
(хотя и память — плод запретный),
Как поздней юности звезда
Вела мелодией заветной.

Не страшен голод и погром
При этом сладостном напеве,
Но мы — проглочены живьем,
Полмира у кита во чреве.

Подошвой Млечный Путь закрыт.
Скопцы построены в колонны.
Сизиф Сизифу говорит:
— Нас миллионы, миллионы!

Я вспоминаю иногда,
Как если б счастье возвратилось,
Минуты вольного труда,
Судьбы неслыханную милость.

3

Он был еще молод, когда,
Проя подаянья,
За ним увязались нужда,
Тоска и страданье.

Он был еще полон собой
И полон надежды,
Когда его тесной гурьбой
Обсели невежды.

Я знаю, что времени нет,
Иссякло терпенье,
И все-таки счастье — предмет
Его вдохновенья.

Я знаю, как жизнь невзначай
Становится болью,
И все-таки — счастье: пускай
Не с ним, не с тобою...

* * *

Ты, ласточка, вольна, а вольности не спится —
Лазурью и листвою осмыслен твой полёт.
Ты — спица в колесе поэзии, ты — жница
Воздушных струй, ты — нежности оплот.

Я имя милое хочу связать с тобою,
Семь смыслов, семь страстей сосредоточить в нём,
Семь истин приручить, а ты меж тем восьмью
Увлечена в лазурный окоём.

Лети, одушевляй! Ты выше аллегорий.
Беспомощны слова. Лишь вечный небосвод
Вместит твою мечту, твой ареал, который
Несбыточно нежностью живёт.

ПЕСНЯ

Она под небом Крыма,
Где даль ясна, где мысль вольна —
Моим стихом хранима,
С морской волной дружна.

Волна бежит от Крита
Через Босфор до Крымских гор —
И блеском nereида
Спешит насытить взор.

И я бы мог на юге
Не знать забот у древних вод,
Но ласточка разлуки
Гнездо над нею вьёт.

ТВОИ ПОРТРЕТЫ

Вот фотографии. Осталось их немного:
Одни я выбросил, другие потерял.
Ты хороша на них: живым дыханьем бога,
Нектаром юности проникнут матерьял.

Как в пору ту мы все блаженны, даровиты!
Лишь нет еще судьбы: она шумит в листе.
Поди скажи в наш век: *волшебные ланиты*.
А всё-таки скажу, останусь в меньшинстве.

Канова их ваял, расписывал Понтормо,
Но дорианов бес не дремлет на посту:
Я прикасаюсь к ним — и оживает форма,
И милые черты стареют на лету.

РЕФЛЕКСИЯ

Корковое вещество,
Звезды осенние, жалте!
Нет впереди ничего —
Трещина в мягком асфальте.

Трещина, ссадина, боль,
Стыд... Над асфальтовым полем
Кто-то мне шепчет пароль:
Легче играй, мирандодем.

Долго ли в доме пустом
Вытянешь? Долго ли душу
Здесь, над Литейным мостом,
Вывернуть в слякоть и стужу?

Овеществленный каприз
Звездной расхлябанной жижи
Долго ли вытолкнуть из
Экологической ниши?

Коконь дальних миров,
Вязь шелкопряда вселенной
Входят под нищий мой кров
Трещиной смысла нетленной.

Ожесточась в пропастях,
Взвившись до символа злого,
Душу изводит пустяк —
Зверь, пожирающий слово.

* * *

Как шумный ливень, необуздан гений,
Не мыслит он, но твердь животворит.
А нас учили умудренной лени —
И форточку торопят затворить.

С остолбененьем наша мудрость схожа.
Надежен ствол ее, да корень сух.
Рефлексии пожизненная ноша
Надкушенный отягощает дух.

Меж тем как он, не вглядываясь в средства,
Вычерпывает суть свою до дна,
Коллекциями сумрачного детства
Твоя наперсница поглощена.

И, ей подобна, в боль свою вникая,
По эту сторону добра и зла,
Исхлѣстанная веточка нагая
Качается, касается стекла.

* * *

Дискретен мир. В нём счастье — форма,
И панацея смысла — знак,
И наша птица ищет корма
В блаженных сгустках, в именах.

Она вспорхнёт — и мы под сенью,
И гений сам в себе счастлив,
И с ним — символ уединенья,
Египетский иероглиф.

Рассыпано в стенах Уфиций
Ее жемчужное зерно.
Но что обведено границей,
То совершенства лишено.

И — мимолётно счастье птичье.
В ее гнезде — не счесть потерь.
Твердил я в детстве: — Беатриче... —
Мой Данте, где твой друг теперь?

В своей поверхностной работе
Любовь шедевры создала,
Но — кистью не удержишь плоти,
Резцом — сердечного тепла.

И как ни благостно касанье,
И что нам форма ни сулит,
За ними — осень, угасанье,
Да стук колёс, да степь пылит...

Нерасчленённого объёма,
Бездонных, вечных пропастей
Создатель — Бог: везде он дома.
Поверхность создал — Асмодей.

Над артистической паствой
Сей верховодит на земле,
И клятва *разделяй и властвуй*
Горит на творческом челе.

* * *

Зачем так назойливо гонят,
Так немилосердно теснят?
И лучший слезы не уронит,
Над болью твоей не застонет —
А тут Евредику хоронят,
Психею спровадили в ад.

Смешаться бы с пылью дорожной,
Откинуть, отринуть, забыть..
В субстанции этой подножной —
Единственный пафос надежный,
Единственный способ возможной
Япетовых внуков любить.

ЭЛЕГИЯ

Когда я был молод, меня нищета привлекала.
Казалось, для мысли она и для гордости место даёт.
Италия с ней уживалась: большое лекало
В оправе тирренских и адриатических вод.

Предчувствие славы служило ей выгодным фоном —
И муза беспечно авансы ее приняла.
Мне виделся храм с ионическим нежным фронтоном,
Тропинка над кручей — и вечность игрушкой была.

Тебя, приобщения пафос, я помню... Какие
Картины являлись на твой вдохновенный призыв!
Как сладостно вымолвить было: Чивита-Веккия,
Значенье отбросив, звучание преобразив.

Миланский мальпост (виновата французская проза)
Таинственным образом мысли моей угождал,
И рядом с чеканкой имён — Ватикан, Бельджойозо —
Подделкой и пошлостью выглядел звонкий металл.

Был беден Стендаль, и хотелось свободным, влюблённым
Остаться (влюблённым — слегка, а свободным — вполне)...
Но Герцен уже прокатил со своим миллионом
По Корсо — и дальше, в Неаполь, и кланялся мне.

Когда я был молод, я бедность любил понаслышке,
Не знал про особенный, русский ее вариант, —
Но Бог справедлив, и судьба улыбнулась мальчишке,
Патент неудачника выправив мне, как талант.

ЛИСТОПАД

В аллеях, где мрамор шербатый грустит,
Где Полдень с лицом Каракаллы стоит,
Сжимая короткие стрелы, —
Не здесь ли от муки своей отойду?
Три нежных сивиллы со мною в саду,
А в будущем — те же пробелы.

Иду, и гербовые листья летят —
Кленовые, будто напомнить хотят
О заокеанском соседе:
Я вижу судьбы его гибельный срез,
Прощальный визит, атлантический рейс,
И сердце в привычные сети

Летит — не ему ли шепчу: прекрати!..
Но шепот другой различаю в груди:
— Прощайте! До нового рейса,
До близкой, до нашей далёкой весны...
Готовят нам ящики — мы спасены... —
Мой лист атлантический, взвейся!

СТАНСЫ

В ущелье города глядит твоё окно:
В долину крыш и стен, в лощину труб и окон.
Светает, всюду снег. И ты, сказать смешно,
Мечтою ни о чем, как в юности, растроган:
Ее нельзя назвать, нельзя определить...
И сладкий этот миг нельзя, нельзя продлить.

Над этой пустошью рассвет невыразим.
Окошко там, внизу, таинственно сияет
Оранжевым пятном... Счастливец! Сколько зим
Живящий душу стих тобой овладевает,
И веет на тебя младенческий покой
Свободой от забот и суеты людской...

В ущельи крыш и стен, где комната твоя,
Разбойничья нора, отшельничья пещера, —
Вороньи пастбища, уголья воробья
Здесь Гесиода ждут, а утро ждёт Гомера.
Усталость не прошла (вчера ты поздно лёг),
Но некий горный дух в свой бег тебя вовлёл.

Прощай, течение дней! Прощай, трёхмерный мир!
Прощайте, прелести пустынного пейзажа!
Случайной жизни дар, больничный сувенир, —
В космических лучах распалась правда ваша.
Пожизненная мгла твоих очей бежит,
И вечность, как брелок, тебе принадлежит.

ЗАВЕТ И ТЯЖБА
(1982-1993)

* * *

Сомкнулась картина природы.
Осколки волшебно сошлись.
Пространствовав долгие годы,
Домой возвратился Улисс.

Последние важные части
Вписались в орнамент большой:
Откристаллизованы страсти
Утратолюбивой душой.

Я выяснил, я понимаю
Механику бездн и вершин,
Бестрепетно я нажимаю
Пускатели тайных пружин —

И вещи твари эфира
Являются в должных местах
С ключами от лучшего мира,
Известного в общих чертах.

I. ТРИ ЕДИНСТВА

* * *

Сердце, золотая середина,
Разуму посредничая в счастье,
Ты щедрее лампы Аладдина,
Выше, повелительнее страсти.

Тягостны людские упования.
Жил я долго, лучшего — не встретил:
Сердце, ты — источник дарования,
Как однажды Батюшков заметил.

Если ты — посредственность, святее
Старое, изнаночное имя
Станет мне. Бесхитростной затее
Жертвую страстными, напускными.

Пьют волокна, сведены в объятья
Вечностью, лишь в смерти расторжимы,
Из глубин священный ток зачатая,
Сердцевины смысл непостижимый.

* * *

Еще ты полон этим днём холодным —
Но счёт закрыт: твой труд, твоя печаль,
Всё то, чем был ты пред лицом Господним,
Занесено на вечную скрижаль.

Нет корректуры для последней правки,
Обмолвки не искупишь кровью всей,
Приходит ночь, и Ангел очной ставки
Является над совестью твоей.

СВЯЩЕННЫЕ ТАНЦЫ

Ты, помнится, шла босиком.
Пружинил чуть влажный торфяник
Под маленькой ножкой твоей.
Июньское небо сияло,
И травы бездумно цвели.

Коричневой лентой вилась
Тропинка. Поодаль виднелись
Дома садоводства. Я нёс
Две узеньких лодочки, стелек
Подпревших лова аромат.

Зачем твою милую тень
Я вызвал? Два раза сменилось
Скудели моей вещество —
И рад я, что наша разлука
Таким сургучом скреплена.

Как ветер был дивно упруг
В то утро! Как сладко пространство
Влекло и лелеяло нас
В тот полдень на дачной тропинке!
Как время упруго лилось!

Недавно я был там. Тропы
Не стало. Болото расселось.
Меж кочек, томатных лагун
И ржавых лиманов — к посёлку
Пути для меня не нашлось.

Но этот subtilный ландшафт —
Не я ли? Пространство и время
Нас ласками не обошли.
Пленительный очерк разрухи.
Этюд расслабленья. Распад.

И тот незапамятный день
Мне нужен как точка отсчёта —
Там глаз твоих, и облаков,
И знаков цветущих вкрапленья
Играют служебную роль.

Мой биноккулярный прибор
Настроен. Осунулось время,
Поникло пространство, а сень
Поднявшейся рощи закрыла
Ряды садоводческих дач.

Не знаю, окреп ли мой дух,
Но слово мне стало послушно.
Оптический фокус его —
Улыбка. Без примеси грусти
Я вижу, как я постарел.

Там, линзы мои наведя,
Я вижу тебя молодою,
Весёлою, полною сил, —
Здесь, если на улице встречу,
Боюсь, не узнаю тебя.

И вот я с улыбкой смотрю
И вижу: по дачной тропинке,
Влекама упругой волной
Июньского ветра, босая,
Идёшь ты одна, без меня.

* * *

Не живём, всё готовимся жить —
И стареем, не жив. Умираем,
Не взрослея. Лишь муку вложить
В полушёпот, лишь боль заглушить
Полувздохом впотьмах успеваем.

Ты ребенок, и ты же — старик,
Интроверт, эгоист, оборванец.
Сколько замков воздушных воздвиг,
Сколько смыслов ты вызвал из книг,
Мотыльков, не окончивших танец.

Что ж, добавим изюму в кутюю,
Мёду майского выставим в крынке.
Отблеск слова в нездешнем краю,
Осенявшем трущобу твою,
Подсластит по живому поминки.

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

И вспомню я себя теперешнего,
Из тех краев, издалика, —
Еще во что-то смутно верящего,
Еще грустящего слегка.

Покажутся безмерно странными
И эта очередь, где я
За булочками с марципанами
Стою, иллюзии тая,

И даль промозглая Литейного,
Где я, нахохлившись, бреду
В объятьях года юбилейного,
С тщедушной музою в ладу,

И комната (полуобрушена
Стена, дыра под потолком),
И песнь моя (полузадушена
В соседстве с кислым молоком),

И девочка, такая худенькая,
Что страшно на нее смотреть.
Вот, вспомню, жизнь моя полуденная, —
И легче будет умереть.

* * *

Сумрачен пир бытия.
Праздник утих в одночасье.
Горняя гостя моя,
Не торопись восвояси!

Хоть и безрадостно тут,
В глине глагол обитает.
А наверху — подождут.
Что им? Часов не считают.

Душу снедающий пыл
Я ли не отдал гнездовью?
Я ль наш союз не любил
Неизъяснимой любовью?

Не было дружбы нежней,
Не было верности строже,
Торжествовал Гименей,
А не Эрато, — за что же,

Милый вертеп осень
Шелестом крыльев, ошую
Ты оставляешь меня
Тьме, подступившей вплотную?

* * *

Там вечные звезды идут
Своим чередом, —
Казённый, обшарпанный дом
Нахохлился тут.

Там божье дыханье во всём,
Чего ни коснись, —
Беда с нищетою сошлись
В жилище твоём.

Взмывавшую в звёздную высь,
В последний приют, —
Под утро, прибрав, повлекут
По лестнице вниз.

ПРОЩАНИЕ С КАМЕНОЙ

Поэт должен быть либо влюблен, либо беден...

Как нести твоё иго, не знаю.
Что влюбленность и бедность! Тут страх
Леденящий, пустыня сквозная
Распростёрты в обоих мирах.

Болен зобом лирический гений,
С голодухи роняет перо.
У поэта — ни эха, ни тени,
Лишь архангелы: Слава, Добро.

Да и ты, моя гостья, иначе
Сквознякам предстаёшь мировым,
Мне кивая на *Уткиной Даче*,
По соседству с котлом паровым.

Остывает союз наш порочный,
За сумою сулящий тюрьму,
Не любовью, а связью побочной
Отступает в халдейскую тьму.

Навсегда, как и в детстве, загадка,
Вся — смешение света и тьмы,
Ты — в минувшем, где времени складка
Остывает, где грезили мы.

Так прости же меня и не сетуй!
Самый вздох обращается в пыль
Над стоячей полуночной Летой —
Ледовитой рекой Оккервиль.

ПРОЩАНИЕ С КИПРИДОЙ

Что ж, не пора ль? Но что возьму с собой
Из рощ твоих? – Кошмар, опустошенье,
Голконду ужаса... Авгур слепой,
Тельцу творящий жертвоприношенье,
Не меньше ли несчастен и нелеп,
Чем я, с альковым путающий склеп?
Безумство, стыд, блаженство со слезой –
Вот опыта гнетущая изнанка.

Какою терпкою лозой
Ты нас поишь, Островитянка!

* * *

Нам света и воздуха дали взаймы
С лихвою в Твоём ателье.
Счастливые дети, страданиями мы
Заплатим Тебе на земле

За милую душу. (А может — за две?
Платон рассуждает о двух.)
Учетная ставка Твоя — голытьбе
Подспорье, Творительный Дух!

На ренту трудящимся жить не с руки.
К тому же, в меня ты влюблён —
Зато и проценты твои высоки,
Заоблачный Пигмалион!

Живое страдает — ты зверя во мне
Извёл, тунейдца избыл,
И боль, чтоб любимчик был счастлив вполне,
Сомненьями усугубил.

Мне все твои ласки знакомы давно,
От них помрачилась душа.
Светло в твоём мире, лишь в душах темно —
Не этим ли жизнь хороша?

* * *

Бездомен, потерян и слеп
Адам без Эдема.
Природа мертва, точно склеп,
Безвыходна дума.

К кому ностальгический вой
Во тьме обращаю?
Кто ведает плотью живой?
Пред кем я страдаю?

Пред кем, ужасающе гол,
Стою, как впервые, --
Весь — нерва трепещущий ствол,
Поля болевые?

Кем проклято тело — тюрьма
Грехов изначальных?
Страшны нам Твои закрома,
Великий молчальник!

* * *

Не знаем и знать не будем,
Зачем, осмысляя прах,
Ты склянку цикуты людям
Поднёс на семи ветрах.

Ты дразнишь нас: самобранку
Потянешь за уголок —
И вывернешь наизнанку
Вселенную, как чулок.

Ты даришь нам из улова
Набрякших сомненьем звёзд
Двудомную совесть: слово,
Кусающее свой хвост,

И там, где вчера зефиры
Искали с тобой родства,
Сегодня — чёрные дыры
Остывшего естества.

Не жертвенного ли дыма
И впрямь ты алчешь, господь?
Зачем так неумолима,
Так неумолима плоть?

Клянём, поучаем, судим —
И чувствуем со стыдом:
Не знаем и знать не будем,
Куда мы во тьме бредём.

НА ТРОИЦКОМ МОСТУ

Река очистилась, но холодно. Зима
Своих высот не уступает.
Просторная и светлая тюрьма —
Край тучи, акватория, дома —
В негреющих лучах так весело сияет.

На этих пажитях не роскошь ли грустить?
Юдоль людская многоводна.
Вот шпиль над Петропавловкой блестит,
Вот стадо уток у моста гостит,
По ледяной воде распределясь свободно.

К чему тут новости? Адамов труд, прости.
Установился мир явлений.
Крепки еkkлесиастовы пути.
Погусторонней тени отвести
Не силится молвы усердствующий гений.

Всё в подражании, как древние твердят:
Суть творчества, любви и чести
И мира постиженье. Самый ад
Терпимее, когда его скрепят
Единством действия — во времени, на месте.

Весна не новую приносит благодать.
Спасибо ей! Она всё та же.
Как я люблю ее, не передать.
С тех пор, как дух мой начал увядать,
Всё сокровеннее ее возврат, всё краше.

НОВЫЙ ГОД

Не всё ль в этой жизни было,
Что может судьба вместить?
Психею, что загрустила,
Не время ли отпустить?

Но нет, хоть полна копилка,
И переучтён итог,
Затягивается ссылка
Еще на один виток.

Терпи, хоть вконец приелись
Затверженные без нот
И кеплеров долгий эллипс,
И кориолисов гнёт.

А там — хула-хуп орбиты
В стооую мглу стряхнёшь,
Все радости и обиды
Подателю их вернёшь,

Белково-астральной жиже,
Где бедствует естество,
Кивнёшь с порога... Всё ближе
Последнее торжество.

ЛУЧШИЕ МЫСЛИ

Лучшие мысли, ровесники дантовых дум,
В кухне поэта находят: он моет посуду.
Вывелись море и скалы, где, горд и угрюм,
Мнил его прадед великий: вовеки пребуду!

Только угрюмость осталась, а гордость ушла —
Или иною, невысокомерной сменилась.
Демократическая, кафкианская мгла,
Хлябь коммунальная — в те времена и не снилась.

Схвачены мы небывалой доселе игрой:
Фабулы нет, музы возгласов громких стыдятся.
Что-то умолкло в классической схеме. Герой
Гладит пелёнку, подмосткам оставив паяца.

Лучшие мысли — в вагоне, набитом битком
Бедами, горестями и враждой беспредметной,
В хмурой толпе — осеняют счастливец тайком,
Голос он слышит приветливый, шёпот заветный.

И проступает в убогом и страшном быту
Нечто щемяще-прекрасное, горько-родное,
Будто в подводных садах, где, ступив за черту
Жизни, блуждает Садко, вспоминая земное.

К ДЕЛЬВИГУ, НА УТКИНОЙ ДАЧЕ

1

В котельной, чуть мелодия изменит,
Само уединение — не впрок.
Беда непьющему! Он плащ наденет,
Скобу откинёт, станет на порог.
Вспорхни над Охтой, ноев голубок!
Воздушной волной мой лоб заденет,
И углубится, оживёт лубок,
И пастушка с принцессою поженят.
Надеждой застарелая беда
Согреется. Благословляя муку,
В зловонный склеп сквозь грязную фрамугу
Участливая явится звезда
И с нею — пыл старинного труда
И оправданье милому недугу.

2

Как итальянец, ежедневно фугу
Писавший, чтоб не унывать, — так мы
Лазурный берег вызовем из тьмы
Затем, чтоб беса посрамить и скуку
Убить, твою ленивую науку
Явить, свидетельствовать: нет тюрьмы,
Где нам чужое нужно брать взаймы
И душу невозможно верить звуку.
В конечном счете, всякий труд — игра.

Так и сонет — прекрасная условность,
Обряд, аптечка смысла и добра,
Бинокль. Прописанная нам духовность
Не больше — пусть уймутся доктора —
В нас к вечному возобновит готовность.

* * *

Елей и мёд — нашёптывать стихи,
Внушенные моим несовершенством.
Не разумом открылся нам обряд,
Который наши внуки повторят.
Душа жива наследственным блаженством,
Где ласточка хлопочет у стрехи.

Звук правильный интимен, в нём — завет
И тяжба с собеседником небесным,
Которого назвать я не хочу,
Но лишь ему последнее шепчу,
С ним пребываю в единеньи тесном
(хотя его, пожалуй, вовсе нет).

Пусть нет его — он тешит нас игрой
Таинственной, бесцельной и манящей.
Едва слышу — и в глазах темно:
Молитвенное, жаркое руно
Течёт в душе мелодией щемящей
И вещей звезд преобразует строй.

В НОЧЬ СМЕРТИ ГЕНСЕКА ВОЗВРАЩАЮСЬ В МОЮ КОТЕЛЬНУЮ

Ветер свистит, как нагайка,
Страшен в своей правоте.
Дух одиночества, чайка,
Льнёт к одичалой воде.

Видишь, туман багровеет,
Сжались теснее дома.
Девственным ужасом веет
Новая эта зима.

Где мы? Зачем эта птица
Так бесприютна в ночи?
Что с нами завтра случится?
Тише... ни слова... молчи...

Будущность, точно Джульетта,
Взявшись рукой за живот,
По снегу, в саван одета,
К нам переулком бредёт.

ОНА И ОН

Любовь и низость, страсть и жалость,
Восторг и страх —
Всё в ней, бедняжке, уживалось,
Смущая прах.

Увлёк ее беды проточной
Густой сироп
В глубинный, чудный и порочный
Калейдоскоп.

Меж гад морских, как Наутилус,
Она плыла, —
Но отделять не научилась
Добра от зла.

Боюсь, на том конце туннеля,
В иной стране,
Непросто будет им с похмелья
Сойтись в цене.

Когда и впрямь она крылата,
А он царит,
Лишь обоюдная расплата
Их примирит.

СТАРИК

Повинную, сухую плоть
Вот-вот разжалует Господь,
Обратно вытребует душу,
И ты сидишь полуживой
И ужас неизбывный твой
Не смеешь выплеснуть наружу.

Ты все изведаль, что земля
Приуготовливает для
Своих побегов нелюбимых,
Чем клонит мыслящий тростник,
Чем гонит выкормышей книг
И чем напутствует гонимых.

Как будто не о чем жалеть.
Но нет: еще, еще болеть,
Еще терпеть и греховодить...
Сидишь, перед тобой стекло,
Пространство челюсти светло,
И ночь свои объятия сводит.

* * *

Пленница плачет, поет,
Мечется, клетку теснит.
Что, если выпорхнет? Вот
Клювом настойчиво бьет.
Паузы не объяснит.
Ласточку небо манит.

Не объясняет длиннот.
Холодно. Снег и гранит.
Тянет на память, без нот.
Холодно. Грудь леденит.
Что моя пташка клюет?
Молот в груди моей бьет.
Сладко, зловеще звенит
Маятник, чуя магнит.

* * *

С. Б.

Бог одинок — вот и торопит лучших.
Уж с этой, кажется ему, уж с тем
Мы душу отведём, мы столько жгучих
Безотлагательно решим проблем.
Меж них и ту: что в нас первично — дух
Или скудель? вторично что из двух?

Душа к нему стремится, весела:
Она его утешит, приголубит,
Еще с порога крикнет: — Как дела? —
А он, глядишь, уже другую любит.
Тем и несчастен вечный сердцеед:
Ему с возлюбленной слиянья нет.

Ответь, зиждитель, почему не я,
А тот, с кем я не мыслил и сравниться,
Так страшно умирает? Где статья
В завете? чем сумеешь заслониться
От вопля грешника? — Но твердь молчит,
А смерть при деле, маятник стучит.

* * *

Неудача — не повод для грусти.
В самом деле, о чём ты грустишь?
Как река разливается в устье,
Так душе открывается тишь.

Все подвохи ты выяснил в жизни,
До конца эта пьеса ясна.
В вышине, в невозвратной отчизне,
Тишина по утрам. Тишина.

Нас выносит. Там лодка рыбачья
Или бакен? Залив всё ясней.
Даже если вся жизнь — неудача,
Ни слезы не уроним о ней.

ПИСЬМО

Далекие, но близкие, о вас
Я вспоминаю в этот страшный час.
Вы были нам поддержкой и опорой
И здесь, по эту сторону стены,
И там, в своей Аркадии, которой
Мы столько грез вернуть теперь должны...

Еще я дома. Полночь. Спит ребенок.
Посуда вымыта. Соседи спят.
TV не истязает перепонок,
И низости не застилают взгляд.
Еще я с вами... Право, жизнь прекрасна!
В ней столько неотъемлемых свобод,
Что стыдно ныть. Кто сетует напрасно,
Тот в наш союз заочный не войдет...

Прощайте! Взгляд в сплошную ночь вперяя,
Я мой удел за кадром узнаю:
Поит блаженных истина вторая
В раю, в сарданапаловом раю.
Я знал во тьме минуты озаренья,
Я жил не зря, мой труд не зачеркнуть.
Влекла меня одна из тайн творенья
На этот гибельный и сладкий путь...

II. РАЗРЫВ-ТРАВА

И хочется сказать, что в наши времена
Тот честный человек, кто родину не любит.

Алексей Жемчужников

ИВАНОВА НОЧЬ

Косарь выходит засветло. Заря
В просторных складках опадает в травы.
На длинной жерди за его спиной
Коса поблёскивает щучьей сталью,
Отбита и наточена бруском.
В лугах и рощах шорохи ночные
Полны значенья — он их различает.
Он чует запахи. На змей и жаб
Ногою осторожной не наступит.
Он слышит, знахарь, искушенным ухом
Свирель: *сквозь мглу восходит злак челом.*
Несметные былинки, прозябая,
Поют в свои коленчатые трубы,
Обильною росой упоены.
Проказы нежити ему не внове:
С болота кличет выпью водяной,
И леший ухаёт в ответ совою, —
В ночь на Купалу им — раздолье. Путник,
Поёживаясь, ускоряет шаг.

Очнулись звезды. Вespera кристалл
Над папоротниками заблестал.
Светил — в избытке. Бродят светляками,
Освободясь от барщины небесной,
Мерцающие шальные огни.
В низине он садится на колоду
И ждёт, шепча молитвы и крестясь.
Часы бегут. В созвездье Водолея
Луна условной колеёй вступает.

Теперь пора. В ладони поплевав,
Он начинает свой урок полночный.
Коса идёт свободно, широко.
Люцерна, клевер, лютик, молочай,
Куга, осока — мерными волнами
Под правленое лезвие ложатся.
Туман ползёт с болота. Ровно в полночь
Кричит сипуха. Срезав тонкий хвощ,
Коса ломается. На стебле странном,
При тлеющей гнилушке наклонясь,
Он различает красный, небывалый,
Разящий и дурманящий цветок.

Работа кончена. Костёр горит.
Крест, связанный из двух валежин, крепко
Волхва от любопытных ограждает.
Ночь улюлюкает и стонет. Искры
Выхватывают за чертою круга
Завистливые, бляющие маски,
На миг они сгущаются из мрака,
Чтоб тут же и рассеяться. Возня,
Шнырянье слышится неплотных тварей
И сетованья: — Не уберегли...

Светает. Нечисть выдохлась. Костёр
Потух. Кулик неподалёку плачет.
Вещун идёт домой. Тринадцать лет
Косил он заповедную ложбину,
Двенадцать раз ни с чем Иванов день
Встречал в кустах багульника и травах.
Преобразилась местность. Не узнать
Былых угодий. Молодость прошла.
Надежды схлынули. Взшел подлесок.
В его лице — ни тени торжества.
Давно соблазны отстранив мирские,
Кладоискатель, он не хочет злата,
Любви и славы, власти и возмездья,
Ночного зелья в кузницу не бросит
И снадобьем не злоупотребит.
Покой и воля — вот его добыча,
Единожды дающаяся в руки:

Клад редкостный, несметный, баснословный.
Сегодня он обрёл его навек.
С заветной ладанкою не страшны
Людские узы, козни и заклатья.

В свой на отшибе выстроенный дом
Он драгоценную находку вносит,
Между шалфеем, зверобоем, мятой
Ее кладёт — и трав лечебный дух
Перешибается живым и пряным
Дыханьем ночи, тайны и свободы.

* * *

Жалко Россию. С три короба миру она
Наобещала. Гордилась, себя не жалела.
Мойры трудились в сенях ее. С веретена
Атропос лишку отхватывала то и дело.

Лаской взяла. Намешала в канавах кровей
Вдоволь и впрок. Меж сладимых березок и елок
Русской равниной свинцовый прошел суховой —
Доски стругай да тасуй черепа, археолог.

Русскому богу прислуживал русский мороз.
Пальмы на стеклах крепчали. На празднике кущей
Грезили, ждали неслыханных метаморфоз —
И дождались. На дворе избавитель грядущий.

Жалко Россию. Пришлось ведь умом понимать
Душу ее ненасытную, ласку шальную.
Жалость — по-русски любовь. Сердолюбую мать,
Может, еще и люблю, но давно не ревную.

* * *

Насос гремел. Приятель был утрюм,
Пил чай, отогреваясь понемногу,
И говорил. Индустриальный шум
Был к месту, не мешая монологу.

— Я не люблю Россию, не люблю.
Любил, да бросил. Разлюбил. Насильно
Не будешь мил. Ни славному Кремлю,
Ни Пушкину не поклонюсь умильно.

Полжизни я не верил, что она
Мне мачеха — и, пасынок случайный,
Вздыхал: ее снегов голубизна!
Ее размах! простор необычайный!

И пышный город, где вся жизнь моя
Прошла, где русский дед мой большевичил,
Где нет мне ни работы, ни жилья, —
Не дорог мне. Долгов — сложил да вычел.

За что любить мне этот Вавилон,
Глухую, неправдоподобной злобой
Меня баюкавший? Чем лучше он
Флоренции, к примеру? дух особый?

Пусть так: во мне обида говорит.
Но нет, и скука, не одна обида,
И честь. Зря льстится почвенник: хитрит
С ним женщина, Камена иль Киприда.

Всех чаще — Клия. Девственницы сей
Уловки до оскомины знакомы.
Советует: добро и разум сей,
И усмехается: пожнешь погромы.

Ну, и долой! Семь бед — один отъезд! —
...Год орвелловский выдался, унылый.
Он похоронен в Парголове. Крест
Над неказистой высится могилой.

* * *

Мои американские друзья,
Боюсь, не знают твердо, жив ли я.
Развеществилась наша переписка.
Нарушены воздушные пути.
Гольфстрима вброд письму не перейти.
Прощай, Нью-Йорк! Не сетуй, Сан-Франциско!

В небесную Америку влюблен,
В идею, может статья, в теорему,
Кому пишу, удерживая стон?
Не вам, счастливицы. Прямо дяде Сэму.

Америка! Отверженных мечта,
Надежда пучеглазая свободы,
Читающая будущность с листа,
Обнявшая наречья и народы...
Америка, я — пасынок земли,
Всё у меня украли, что могли,
Божась серпом и молотом воздетым.
Я — висельник, но вынут из петли
Простым кивком, одним твоим приветом.

Мне не видать тебя, не убежать.
Сожрет свинья, развеществит стихия.
Моё дитя швырнут к ногам Батыя.
Мой самый прах захочет удержать
Себя и всех предавшая Россия.

ПЕРЕД КОНЦОМ

1

Россия... Да точно ли было?!
Густеет отчества дым.
Шагает убойная сила
По стогнам и весям твоим.

Последнюю статью напрягает
Саркомой разъятая плоть
Все темные силы шагают
Тобою... Не с ними ль Господь?

2

Не золото, другой металл —
Поршивейшая из комедий.
Строчи, Мефисто: я устал
От звона православной меди.

Устал, и русским быть стыжусь.
Возьми глаза ее пустые.
Под чем угодно подпишусь,
А только это — не Россия.

РАЗРЫВ-ТРАВА

Конец июня, зной и лень,
Густеет синева,
И — *в полночь на Иванов день* —
Цветёт разрыв-трава.

Найти ее, зажать в горсти
Разящее былё,
Былое вырвать прочь! Прости,
Отчаянье моё.

Вот — разрешение оков,
Свободы дивной клад.
Неразделённая любовь
Утрачивает яд.

Трава прекрасна и горька,
И от сердечных ран
Целит вернее, чем строка,
Сильнее, чем емшан.

Беру, поправшую поправ
Без тени торжества,
Из всех отечественных трав
Тебя, разрыв-трава.

* * *

Ах, васильки, васильки...

Прости, невозвратимый праздник...
Непостижимо далеки
В гербариях старообразных
Те давешние васильки.
Прости! Препоны и клинки,
И ласточки, и сквозняки
Осели в слайдах, беспристрастных
И не по-доброму прекрасных.
Под ними бирки, номерки.
Я молод был, земного пира
Цветочную галиматью
Из коммунального сортира
Волок в метафору мою.
Пир выдался под стать жилью.
Очнулся — бездны на краю,
Один. Посередине мира
Стою, у ног кирка и лира —
И местности не узнаю...

ПОВИЛИКА

В этом царстве растений,
Царстве тяги земной
Больше нет средостений
Между волей и мной.

Распадаются узы,
Тяготившие дух,
Отворяются шлюзы,
Разделявшие двух.

Мне мила земляника,
Мил березок синклит —
Но трава повилика
Ничего не велит.

III. ОРИЕНТАЛИИ

Ты дал мне землю полуденную, дай мне и источники вод.
Иисус Навин 15:19

* * *

Напрасно поэт проповедует страсть
И крайности славит свои:
Душа оживает, пред небом стеснясь,
В тщете отыскав колеи.

От страсти жестокостью густо несёт,
И слишком собой занята
Язычица, славящая эпизод,
Сегодняшняя правота.

Любовники свет позабыли; толпа
За Савонаролой валит, —
А сердцу милее лесная тропа
И портик, где учит Евклид.

Где формы проникнуты мыслью Творца
И соты расчислены впрок,
Вещунье, к чьим лапкам прилипла пыльца,
Посредственность — славный упрёк.

Живителен труд галилейской пчелы,
И мёд ее трезвый хорош.
Душа и не ищет иной похвалы,
Ее на испуг не возьмёшь.

Противен ей Бахуса буйного храм,
Смешна прихожан его спесь,
Открыт ее дом средиземным ветрам,
Стоит, продуваемый весь...

И ты отвергаешь разбойничий свист,
Подмости, кинжал и вино, —
Засим одиночество, *медиевист*,
Тебе на земле суждено.

* * *

Несчастливая любовь питает и ведёт,
Полжизни озарив, всё очи не смыкает.
Ты любишь и любим, но эта жизнь — не в счёт,
А в той — безумец Лир от царства отвыкает.

Всё высмеяно в ней рассудком и судьбой,
Не выскажешь её доверчивой подруге,
Трудом и горестями связанной с тобой;
Всё выветрилось в ней — но не смолкают звуки.

Уже и образ тот, и голос, и слова
Утрачены навек в потоке инкарнаций,
Но длится чудный гимн, таинственно жива
Твоя мучительница в сонме муз и граций.

ЖИЛ ЧЕЛОВЕК В ШВАРЦВАЛЬДЕ

Жил человек в Шварцвальде. Чёрный лес
И горы, горы...

Встречный мерседес
Со звездочкой на лаковом капоте
Внезапно ослепит на повороте
И исчезает — за косым снежком,
Кружащимся над этим краем...

В нём
Водились тролли, обитал забавный
Гном, бюргерской порядочности славной
Волшебный страж. Творцу угоден он —
Не то что бакараша-плотогон Михель
Голландец: этот был верзила,
Нечистая им овладела сила,
Сердца скупал он...

В светлой полосе —
Стволы и хвоя, серпантин шоссе
Упрямо тянет в горы, на асфальте —
Не снег, а грязь...

Жил человек в Шварцвальде
И, не трудясь, хотел разбогатеть.
К лукавому он попадает в сеть,
А гном, на месте оказавшись к стати,
Беднягу возвращает к благодати:
Наш угольщик оставил блуд, трудом
Вернул достаток в сирий отчий дом,
С любимую воскресшей помирился...
Но лес шумит, утрюм...

Не изменился
С тех пор пейзаж: всё так же мрачноват,
И этот путь в горах — витиеват.
Прекрасной прозы мерное течение,
Художественное нравоученье
В нём слышу. Не беда, что он знаком:
Сентенцию припорошим снежком,
Красы невиданной поставим ели,
И Рейн, полоской светлой акварели,
Контраста ради (или озорства)
Втесним в подрамник, подкрепив слова,
А в хвои шум вплетём строку Вивальди
Иль Моцарта...

Жил человек в Шварцвальде.
Я знал его и восхищался им
В краю родном, который стал чужим, —
Он был жрецом Урании холодной.
Я тоже тщился истиной свободной,
Значки таинственные выводил,
Мой акроним вживлял в них что есть сил,
Вселенную внедрял в число Бернулли,
Но звуки алгебры перетянули,
Сник мой естественнонаучный пыл...
Ему и мне — нам север вреден был,
Лапша, клопы да враки надоели,
Бездеьем тяготились мы...

В ущелье
Нырять наш фольксваген. На скале,
Слегка поблёскивая в зыбкой мгле,
Маячит изваяние оленя;
Давным-давно, в порыве умиления,
Его, земле во славу, вознесли
Вольнолюбивым возгласом земли,
Излишне, может быть, сентиментальным,
Но сделанным на совесть, матерьяльным,
Таким, что собственника веселит, —
Что нам обычай подчеркнуть велит
Со снисходительностью...

Нет, не пивом,
Не благонаравьем тягостным, а мифом,
С Гельвецией сведя Бахчисарай
И Ганзу, чуден скифу этот край.
В нём грозно всё взывает к подсознанию,
К прародине, к первичному изгнанию,
К предвечному, и дух, густой, как мёд,
В прирейнских землях и лесах течёт
Для нас...

Жил человек в Шварцвальде. Он,
Своим искусством древним упоён,
Водитель был, однако же, исправный,
И мы доехали. Я помню славный
Разноязыкий шумный русский дом
И в нём достаток, нажитый трудом —
Осмысленным, не тем, что нас состарил.
Хозяин — китаист, он кочегарил
На севере, а здесь преподаёт...

Нет, труд не враг душе, наоборот,
Расслабленность — вот малодушие: к людям
Льнёт пошлостью она и словоблудьем,
В жестокости и скуке потонул
Хвалённый артистический разгул,
А чада сердца с нами остаются.

Нет, это вздор: сердца — не продаются,
И покаяньем — не искупишь ложь.
Возлюбленную к жизни не вернёшь.

* * *

Архитектура — вот что ему
Провиделось в предвечную тьму,
И женщину Он строит, как дом:
Как ждущий наполнения объём.
Профессор морфологии, сват,
Он сочленения чтит и обряд.
Он сам не свой до форм. Парфенон
Порывом чувственным вознесён.
В стенах локализованный дух
Разыгрывает действие о двух.
Зиждательная мысль хороша:
Под сводами гнездится душа,
Блаженствует меж линий и числ
Двупольный ритмизованный смысл.
План мира сексуален — и речь
Приличествует в ритмы облечь...
— Довольно рассуждать, помолчи,
Забудешь бутерброд и ключи.

* * *

Дорога сворачивает на Камчатку.
Гражданскую, веришь ли, оборону
В нагрузку к языку и литературе, —
Вот что она там преподавала!

Сопки, олени. Поодаль — Чукотка,
Где отпуск учительница проводит.
Холодное, комариное лето.
Полдюжины выцветших фотографий.

Возвращенье. Безвременье, остыванье,
Романы, супружество полупустое.
Качается маятник московский,
Линяет, в кольца свившись, эпоха.

Тут — приговор: от силы — полгода.
Резиновые перчатки хирурга.
Эфир, щекочущий нервы. Морфий.
Апелляция к небу. Оттуда — прощенье.

Теперь — каббала и виноградник
В зелёной, сияющей Галилее.
Судьба, при ближайшем рассмотрении, вышла
Как все. Твоей и моей не хуже.

. * * *

Был я мал. Судьба была не видна.
Посулила мне старуха одна:

— Вот возьмёшь из рук моих этот *цвет*,
Станешь ты национальный поэт! —

Я, как водится, вконец оробел:
Колокольчик нежно так голубел...

Засушил его я в книге. Цветок
На загадочную лирику лёг:

Русский классик и большой патриот
Там Шотландию отчизной зовёт.

Сокрушительный и сладостный хор
Прянул в душу мне: пиратский простор,

Кливер, *туч края жемчужны*, жираф
Бродит (шею над скворечней задрал)...

Чуть-чуть ёрничала бабушка. Слог
Я не выдумал, а чистым сберёг:

— Чти народа твоего мощный дух! —
(Не сказала лишь, какого из двух;

Не сказала, чем талант нехорош,
Если части целое предпочтёшь.)

Звали Агнией сивиллу. Вопрос
Вместе с холмиком травую порос.

Вождь похерен. Атом в ступе растёт
До тестикул, до желёз и аорт,

Лимфой полнятся рубины Кремля,
Под стеною шевелится земля,

Чёрный колокол уютжит страну,
За обиду выдавая вину...

В Левашове, в предпоследний приезд,
Посетил я покосившийся крест.

Всплыло детство: дачный садик сырой,
Флоксы, грабли, керосинка, Роб Рой...

Верно, молодость мою берегла:
Всё-то знала, да с собой унесла.

* * *

Харита строгая нашептывает мне
О стройности былой — и хмурится некстати:
— Не слушай никого, живи по старине
И помни, помни об утрате...

Дорожка млечная бежит от маяка
К ногам ее босым, дрожит ее рука,
Весь облик милой хрупок, астеничен.
Харита нежная осунулась слегка.
Ей местный климат непривычен.

Харита строгая — и речь ее странна:
— Не наши пажити, не наши времена!
На встречных не гляди. Твой век расчеловечен,
Боязнью высоты и подлостью отмечен.
Сестренка бывшая — хозяйкой на пиру.
Там перси пышные, там любят мишуру,
У этой кумушки — семь пятниц на неделе.
Так неразборчива! Вот завтра я умру,
Останешься один, без ласки, без свирели.
Прощай, люби мою сестру.
Приноровиться не смогла я...

А я нашептываю ей в ответ:
— Мы вместе навсегда, не страшен суд планет.
Твоя сестрица — скука злая.
Мне до сегодняшнего дела нет.
Ты Евфросина, не Аглая.

ПОДРАЖАНИЕ БЛЕЙКУ

*Think not thou canst weep a tear
And thy Maker is not near.*

Это — жизнь: другой не будет.
Всё, что в ней не удалось,
Все, что нас гнетет и нудит, —
Все в Творце отозвалось.
От слезы Его горячей
Оживаю всякий час.
Он скорбит о неудаче
Вместе с нами, больше нас.

ЯСОН

Мне было тринадцать лет.
Я слышал чудные звуки
И знал: удел небывалый
Судьбой уготован мне.

Мне было тринадцать лет.
Свирепый голос призыва
Гордостью беспредметной
Душу мне наполнял.

Мне было тринадцать лет,
Когда у ручья старуху
Я встретил: горб и лохмотья.
И мне сказала она:

— Юноша, воды быстры,
Камни остры... — С размаху
Ее, подхватив, перенёс я
Через воды ручья.

Костлявые помню пальцы
И тонкую, всю в веснушках,
Коричневатую кожу
В меня вцепившихся рук.

До пояса доходила
На стрежне тёмная влага,
И с левой ноги сандалью
Поток у меня сорвал.

— Сядь, милый, переобуйся... —
Тут, сбит воздушной волною,
Вскочил я: — Где ты, колдунья? —
И не было никого.

* * *

Не любовницы девичий пыл,
Он отчизну чужую любил —
И уехал, мечтой окрыленный,
Ей же берег оставил иной,
Омываемый нежной волной,
Дактилический, неуголенный.

Он уехал — и призрак возник.
Всякий раз зажигая ночник,
Видит девушка: тень пробегает
Меж холстов, табуреток и книг
И с оглядкой к трюмо приникает.

Как в аквариуме, там среда,
Всколыхнувшись, стекло омывает,
От пробоины в трюме вода
Атлантическая прибывает.
Ночь проходит. Проходят года.

Успокаивается лишь днем
Взбаламученный зеркала омут.
И она вспоминает о нем,
А слезу экономит.
Днем, когда просветлел небосвод,
У мольберта она напевает:
— За морями синица живет,
Там тепло и забот не бывает.

* * *

— Противится твоя совесть, велик соблазн уклониться,
Но битва — предначертанье верховного божества.
Итак, крепись и сражайся, — вождю говорит возница,
И кони ржут, подтверждая божественные слова.

— В бою ты не знаешь равных, тебе суждена победа,
Ты праведен перед небом, а Кауравы грешны.
— Всё верно, — шепчет Арджуна, — но сердцу противно это.
Ценой их жизни ни слава, ни царство мне не нужны.

Смотри, о бог кровожадный: там братья мои и дяди,
Там тот, кто мечом и словом меня научил владеть.
Каких утех и сокровищ, какого призванья ради
Их гибели предрешённой я должен сейчас хотеть? —

Два войска стоят недвижны, и каждый знает свой жребий.
Истории нет в помине, она еще не нужна.
Служенье, мудрость, величье — сам выбери, что нелепей.
Добавь любовь, если хочешь. Крепись, получай сполна.

СИЕНА

Грешили — и собор воздвигнут был,
От века небывалый. Пламень скрытый
Вошел в него, овеществляя пыл
Той крохотной общины деловитой.

У них с Творцом надежный был союз.
Говел убийца, отбывая мессу,
В исповедальнях отпускали груз
И не теснили храброго повесу.

Зато и чувственному дан простор
В твоём духовном, убежавшем тлена.
Но правда ли, что мрамор, не фарфор
Ты вознесла, коммуна ди Сиена,

Над вывихами мировых столиц?
Грешили, торговали, воевали
И верили — и линии сошлись,
И ангелы к Всевышнему воззвали

И выдохнули из бесплотных уст
Неслыханное славословье раю,
В которое, как в Моисеев куст,
Вхожу — и чудом, грешный, не сгораю.

ВО ФЛОРЕНЦИИ

Тот, кто Арно с Невою сравнил,
Был не вовсе неправ,
Всхлипы волн у литейных перил
Властью слова уняв.

Пусть он даже сказал на авось,
Вышел звук непустой:
Что у этой реки началось,
Завершилось у той.

Я сегодня у этой реки.
Насыщается взгляд
Тем, что ямбы клевали с руки
Четверть века назад.

Здесь Европы полуденной блеск
Занялся и угас,
Чтобы слабый, но сладостный всплеск
Докатился до нас.

Но тускнеет ее барельеф,
Лилия отцвела,
Да и третья река, обмелев,
Не влечёт, как влекла.

Все морщинки лица твоего,
Город мой, узнаю.
Нет бездомнее нас никого:
Мы гостили в раю.

* * *

Грустно шотландцам. История — не удалась.
Жемчуг творительный родина их растеряла.
Всё чемпионам досталось: и воля, и власть.
Не восстановишь таинственного матерьяла.

Юности гений даётся народу лишь раз.
Дик он и страшен, но делает верное дело.
Пусть и обида забыта, и рана срослась —
Не воскресишь Александра: душа оскудела.

Я в Эдинбурге осеннем недавно бродил:
Людам невесело и в суете фестивальной.
Один заоблачный квёлый свой лик обратил
К траченным немочью стогам отчизны печальной

* * *

Мы зависим от произнесенных
Слов — почти как от ночей бессонных,
Отданных счастливому труду.
От обмолвки — годы обмираю,
Пот с лица холодный отираю —
И не славе предан, а стыду.

* * *

Влачи сквозь низости и тщету
Земной оболочки гнет —
Лишь смерть начальную чистоту
И цельность тебе вернет.
Вновь будешь прекрасен, как был тогда,
Когда ты задуман был,
И путь твой — оттуда и вновь туда —
Проявится меж светил.

* * *

Уж ты не раб – ты царь венчаный...

Там будет счет другой. Вся подлость отойдет,
Исчезнет без следа обидной плоти гнет,
И зубы ветхие, и пористая кожа,
Чревоугодь, гнев, потворство естеству.
Психея, угадав, на что она похожа,
Впервые без стыда промолвит: я живу!

* * *

В спокойном сознании своей правоты
Твой пасынок держит перо.
Он видит: над ним наклоняешься Ты —
Что слава ему и добро?

Течет, не мельчая, горячий поток,
Отбеленное полотно,
Страдание свернуто в плотный моток,
Смятение отмечено.

Он вынес такое, о чем рассказать
Не сможет — не сможет никто —
И гальку морскую не станет метать
Химере в ее решето.

* * *

Мой польский классик, за ручьём твоим
Свет выключен, итог непоправим.
Свинцовые нас воды разделяют.
Как ты, еще паромщик твой не знает
Меня, и неразменный мой обол
Еще в кошель его не перешёл,
Способствуя благоустройству в зоне
(Сизифу – фартук, шпильки – Персефоне).
Дай срок, увидимся. И я служил
Тому, что в жилах, – тою, что из жил,
Как ты. Залогом нашего союза –
Моя эллинистическая муза,
Родня твоей, хоть и на русский лад
(и школьники ее не затвердят).
Сойдёмся мы. Но я вперёд замечу
И малость ту, что омрачит нам встречу:
Толпе, как ты, не верил я, не звал
Уравнивающий гонимых вал,
И пыл мировоззрений мне наскучил,
Как зал музейный, где собранье чучел.
Для Клии войны ямбов не важней.
И в жизни (страшно прилепиться к ней!),
И в смерти (чьих трудов не отворишь)
Равенство – чушь, очередной фетиш.
Мир тот же. Как ни просвещай народы,
Задумчивой не выведешь породы.

Стопы крестьянские в крови омыв,
Правдоискатель спит — и видит миф.
Ты виноват. Вся жизнь твоя ошибкой
Была пред ним. С блаженной улыбкой
Твои очки раздавит христофор,
А там и главный выложит укор.
Не оправдаешься в грехе известном
Ни Польшей, ни *отечеством небесным*,
Души не склеишь, флагу присягнув
В гнезде ветров, где вечность чистит клюв.

* * *

Тем душе тривиальность любезна, что ты
Возникаешь в январском снегу.
Свет доходит ко мне и от дальней звезды —
Но обнять я тебя не могу.

Слава Богу, что так! Мой скудельный сосуд
И не стоит космических ласк —
Но теки, шелковинка! Храни свой маршрут,
Неизменный держи параллакс.

В сорок месяцев луч покрывает парсек.
Знаешь, сколько воды утекло?
Обновились собрания библиотек.
Где мы жили — сугроб намело.

Улыбнувшись, в пространство ты бросила взгляд —
Нас с тобою уж нету почти,
Но улыбка проходит заснеженный сад
И галактики ниже в пути.

Значит, впрямь ты звезда. Повторю, не стыдись,
То, что сказано тысячи раз,
Потому что слова — это счастье: их вязь,
Словно жертвенник, требует нас.

* * *

Политик в той земле доживал,
Поблажку в той заслужил
Стране, с которой он воевал
И которую победил.

Отечество, воплотясь в большинство,
В торгашеский ушлый класс,
Провидчески выдворило того,
Кто вёл его в страшный час.

Наместничествуя, снискав почёт
На материке царей,
Вздыхает он старчески: — Всё течёт.
Всё суетно. Панта рей.

В Европе смеркается. На берега
Любезных внутренних вод
Он смотрит со стороны врага,
Впивая пышный заход.

А часом раньше всходит на борт
И вскоре над ним летит,
Кто тоже страстный был патриот
И страстный космополит.

(Вот пункт, где мы уроним слезу
На варварскую строку:
Стовёсельный парусник там, внизу,
И боинг здесь, наверху.)

Не воин, не мученик, не герой,
Чухонец, анахорет,
— В подлунной, — вздыхает этот второй, —
Больших изменений нет.

Капризный средиземноморский рок,
Навязчивый компаньон,
Таких повымостил нам дорог,
Что и Мёбиус посрамлён. —

Он видит с набранной высоты,
В стекло упираясь лбом,
Киклад кленовую медь, пласты
Гончарные в голубом.

ВОСЛЕД ЗА ПЕРСЕФОНОЙ

1

За топкой, на Адмиралтейской шесть,
Оставил я автограф мой в бетоне,
Дыру в стене заделав: след ладони.
Как знать, не виден ли он там и днесь?

В тот год последняя стустилась мгла,
И полнясь жертвенностью отрешённой
В котельные, вослед за Персефоной,
Камена петербургская сошла.

Там, под имперской правильной иглой
Морей ревнительницы азиатской,
В ревнивой обездоленности братской,
Пророков сонм ютился удалой.

От входа *обмуровкой* скрыт на часть
Был круглый стол, и кресло раскладное
Стояло, время празднуя дневное,
Запретным ложем к ночи становясь

(уставом спать не разрешалось). Там,
В зловонной утопической юдоли
Так обреченно грезилось о воле...
И рок отсчитывал дежурства нам.

2

Мне чудилось: я Молоху служу.
Гудело пламя, стоны раздавались,
Танцовщицами стены покрывались,
Подобными фигурам Лиссажу.

В любовной изнурительной борьбе
По рыхлым стенам, грязной занавеске
Живые пробегали арабески
И пропадали в *отводной трубе*.

Сова садилась на байпас. Геккон,
Подслеповатый красноглазый ящер,
По кафелю, цивилизаций прашур,
Отвесно шёл, к сознанию устремлён.

Язычество, неистовством полно,
Игрою упивалось ритуальной.
Его авгур, алхимик карнавальный,
Клюкой стучался в тусклое окно.

Открыть – ворвется, старый краснойбай,
Присев, щепотку соли в топку бросит
И, чуть займётся натрий, зверя просит
(как те поляне): – Боже, выдыбай!

3

Застолье. Трое коротают дождь.
Один – в ударе. Двое, в терпеливом
Сообщничестве, хором молчаливым
Его торопят: скоро ль ты уйдешь?

Вот женщина, с ней девочка (шести
Неполных лет) чуть мешкают у входа.
Что привело их в гости? Непогода?
Не верится. Уже не льет почти.

Вот карбонарий: за его спиной –
Барак, позёмка, пермские раздолья.
Шепнуть бы гордецу, что и неволя
Порой не к чести сводится одной.

А этот гость – на нём уже печать
Разлуки вечной и такой внезапной.
Лицо аскета, трепет неослабный
В глазах – и как я мог не замечать?

Теперь они все вместе, у огня
Другого, у другой реки державной
Сошлись в кружок – оплакать этот давний
Вертеп, в судьбе несбывшейся родня.

4

На площади святого Марка, у
Столпа бескрылого (был зверь в починке), —
Вот где живые всплыли вдруг картинки:
Закут увидел я, лежанку ту.

Над Арно, где, слезу смахнув тайком,
Входил впервые я под свод Уффиций,
Душа опять на миг взметнулась птицей —
Куда? Туда, под крышу с *гусаком*.

Баварский мюнстер, что о двух главах
(и обе луковкой), Пинакотека
(где Лукас Кранах чудный и Эль-Греко),
И вдруг — *задвижки* масляный желвак.

Шекспировская труппа, Барбикан,
Зарезан братец Кларенс — славный норов
У Ричарда! А рядом — *главный боров*,
Запорный клапан, роторный стакан...

В котельной, на Адмиралтейской шесть...
Уж если говорить о ностальгии,
Она — по молодости. Мы другие.
И кто теперь дежурит там? Бог весть!

5

Рациональный гений не у дел
Был меж твоих мыслителей гонимых,
Адмиралтейская. Размытый снимок
Беды воображеньем их владел.

И то сказать, прелюбопытный век
Им выпал: небо миской заслонили,
Историю указом отменили,
Чуть кто почешет за ухом — побег!

Уж тут изверишься... Под Рождество
Сидит у нас компания, случалось,
Большая. Половина причащалась,
Но и другой не чуждо торжество.

Им слышен дождь: январская капель,
Во двор со звоном рушатся сосульки.
О чем они? Бахтин, Леонтьев, Рильке,
Закат Европы, Нострадамус, Бёлль...

Случалось, пили. Что тут скажешь! Тьма
И пламя, храм роднящие с таверной,
Одушевляли этот быт пещерный.
С руки его кормила Колыма.

6

— Веди и помни! — вот ее слова.
Сперва лугами шли, и асфодели
В пятне лампы сухо шелестели,
Как на земле — опавшая листва.

Потом — альгамбр нависли потолки.
В стоустом сталагмитовом подвале
Дышала магма, монстры пировали.
Потом пошли забои, рудники.

И вот забрезжило. Сюжет велит
Всё позабыть, в истерике забиться.
Тут выручит — горчичная крупица,
Зерно гранатовое исцелит.

В двойной ограде сей — уста певца
Деревьям и камням служить не станут,
Их ящеры и птицы не обманут,
Лукавый зверь не выманит словца.

Вожатый встанет и продолжит путь.
За милой — штольни страшные сомкнутся.
Теперь пора: тот волен оглянуться,
Кто мученицу к жизни смог вернуть.

ВЕТИЛУЯ

(1992-1999)

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Иная жизнь идёт, иная смерть маячит,
Сместился небосвод, звезда улыбку прячет,
А ты — всё тот, что был: странноприимный бал
В тебе не потеснил отеческих начал.

В пенатах, ты слышал, большие перемены:
Клиент патроном стал, патрон сошёл со сцены,
Убавилось идей, прибавилось забот,
И выборный злодей в чести не круглый год.

И славно, в добрый час. Кипи, столпотворенье!
По счастью, есть у нас иное измеренье.
Твой дом не на песке, покуда Геликон
Всё в том же уголке, где был он испокон.

* * *

Всё влажно в стране островной, всё подвижно, всё живо,
Ландшафты ее хороши, небосвод ее светел,
Деревня сияет довольством, ухожена нива,
И в городе — злости и розни мой взгляд не приметил.

Тут родину вспомнить бы мне, но ни вздоха, ни слова
Душа моя с нею связать, как ни бьётся, не в силах.
Ни доброго память вернуть не желает, ни злого, —
Как будто и не было там ни родных, ни постылых.

ЛАВАНОВО СЛУЖЕНЬЕ

1

Поблизости Темза течёт —
Но времени нету,
А то, что осталось, влечёт
Не к Темзе, но в Лету.

В пятнадцать считаешь века,
А в сорок — оброки.
Должно быть, прекрасна река,
Да нет к ней дороги.

Уставшему лямку тянуть
Не много и надо:
На вольную реку взглянуть —
Какая отрада!

А впрочем, и так — ничего...
Он тянет — и знает,
Что там, за квартал от него,
Река протекает.

2

Многолюдная река
В этом царстве протекает.
Моя правая рука
Понемногу отсыхает.

Я не помню ничего.
Целой не донёс посуду.
Каково здесь? — Дурново.
Свет хорош, да мрак повсюду.

Раб и князь в одном седле,
Вождь и тать в одном бараке.
Прав Кюстин: по всей земле
Человеки одинаки.

Что ж, отпустим удила,
Потрусим, пока не скрутит.
Эта жизнь, считай, прошла.
Счастье, что другой не будет.

3

Свидетель ужасного века
В последнем счастливом краю
Под сенью Союзного Джека
Я жизнь доживаю мою.

Она удалась с оговоркой.
Вздыхнут над могильной плитой
Святые Андрей и Георгий,
Заплачет Патрикий святой.

НАД РУКОПИСЬЮ В АМСТЕРДАМЕ

Вставала полная луна.
В белила окунало
Кривую ветку у окна
Над зеркалом канала.
Душа моя была полна
И знать меня не знала.

Гекаты страшной теплотой
Перепожнялись вены.
Творился заговор святой,
Навет благословенный, —
И шар, нектаром налитой,
Катился над вселенной.

Была восполненным звеном
Адамова глагола
Кривая ветка под окном
Гостиницы *Аполло*.
Точил созвучья метроном
Предвечного престола.

Воды, деревьев и камней
Был сладок гимн хвалебный.
Не выпало мне ласк нежней,
Мелодии целебней.
Языческим началом дней
Дышала ночь в молебне.

Кривую ветку у окна
Размеренно качало.
Я знаю: смерть мою она
В тот час обозначала —
Зато и жизнь была полна
Впервые от начала.

УТКИНА ДАЧА, НОЧЬ

В графском доме коммунальном
Тихим пенем поминальным
Дверь печальная скрипит,
Светлый мрак в окне чердачном
Приведеньем новобрачным
Соблазнительно скользит.

А в конюшне сопредельной,
Ставшей газовой котельной,
Там, уединенью рад,
Сладкой мыслью увлечённый,
У котла сидит учёный,
Сочиня самиздат.

Он сидит, нетленку пишет,
Топка ровным жаром пышет.
Вся-то жизнь ему ясна
Сквозь шальные упования
Под ночные помаванья
Из чердачного окна.

* * *

Материнскою твердью
Осеньет Глагол.
Между жизнью и смертью
Он тропинку нашёл.

Сладкогласна основа.
Всякий вздох — волшебство
В сочетаньях родного
Языка твоего.

Задушевной свирелью
Отзовётся хорей
Над твоей колыбелью
И могилой твоей.

Пусть невнятны значенья:
Чем случайней, темней,
Тем страшней приключенье,
Тем добыча верней.

Пусть болгарин Мефодий
И халдейское *ша* —
А заёмных мелодий
Не желает душа.

От себя не отступим
И в прощальной строке.
Мы страдаем и любим
На родном языке.

* * *

— Ответь, мудрец... — Так начал повелитель,
Но тот не дал закончить: — Погоди!
В учителя меня не возводи.
Я — в поисках, я — мудрости *любитель*.

И ты себя в скитаниях твоих
Поэтом не зови. Одно известно:
Свою мечту оберегал ты честно,
Десятилетиями свой горький стих

Не сочинял — вынашивал под сердцем,
За мзду и почести не стал служить,
Не смог обол у Феба одолжить
И не переметнулся к иноверцам.

* * *

По утрам в полях столько слез,
Что в счастливом этом краю
Сам собою встаёт вопрос:
Так ли жизнь ты прожил твою?

Отпущу собаку с ремня,
В гору медленно поднимусь,
Вспомню тех, кто любил меня,
Попрощаюсь и повинюсь.

Не щедрот я в жизни искал,
А единства и полноты,
Да не выдалось: храм упал,
Над рекой развели мосты.

Злая слабость, лютая власть,
Мука та, что с детства вела,
Циклопически удалась:
Всё спалила в душе дотла.

Волю, разум, любовь и честь
Закавычила в кандалы,
И один я стою, как есть,
Посреди моей Шамбалы.

* * *

Жизнь — беспримерна. Пролистай века,
Помешкай в Лувре — и листай сначала:
Мы там с тобою, где ничья нога
От сотворенья мира не ступала.

На выдохе Эрато осеклась,
Бессонные у Мельпомены бденья,
Не отрывает Кля жадных глаз —
Вовек не знавшая недоуменья!

Припомни юность: кто помыслить мог,
Что и для нас возведены чертоги,
Что храм поднимется у наших ног —
И мы еще помедлим на пороге?

Не чудо ли? Упала пелена —
И небо над трушобой воссияло.
Без нас природа не была полна,
В ее садах волшебных не хватало

Колумбу — странствий, Казанове — дел
Сердечных, тел небесных — Галилею...
Гроша не дам за чудный их удел!
За наш вертеп — души не пожалею.

* * *

Возьми в моём *люблю* не фабулу, не слово,
Не Эльдорадо ласк, а вечный капитал.
Я верю всей душой: блаженства столь живого
Никто и никогда ни с кем не обретал.

За вечностью, в садах, где Мойры шерсть овечью
Сучат на звёздный плед и птичий алфавит,
Меня окликнешь ты, и я тебе отвечу,
И мой ответный зов пространство искривит.

* * *

Уж если читать, так поэтов. Прозаик солжёт,
И правду сказав, а поэт и схитрив осчастливит.
Душой затевается звуков блаженный комплот,
От сердца исходит порыв — и певец не сфальшивит.

Не слишком изыскан был харьковский этот старик,
Но — болью напутствуем, гневом воодушевляем,
Любовью ведом — он в заветную область проник,
И мы с благодарностью книгу его прочитаем.

* * *

Свою вторую жизнь он так решил прожить:
Себе — с оглядкой на ближнего — служить,
Тщеты и суеты не числить наслаждением,
Спокойный диалог затеять с провиденьем,
С первичной скудостью свой век соотносить,
Расчислить радости до смерти неизбежной,
Свечу под колпаком нести во тьме кромешной...

Разумный эгоист — что ангел во плоти.

Аскеза — вот соблазн и праздник небывалый
В разнузданной ночи Гоморры одичалой.
Океанический, творительный покой...

На первую же он давно махнул рукой.

ОРИЕНТАЛИИ

1

Неужто выживем? Непостижим
Схвативший нас водоворот событий —
И пощадивший. Бочка под скалой.
Нас чудом вынесло на милый берег.
Дно высажено, жалкие пожитки
В камнях рассеяны, а в стороне
Еще родная злобствует стихия.
Но этот древний, выстраданный воздух
Уж слишком полон мыслью, слишком сладок,
Чтоб нам его могло недоставать...

Вавилонянин Мушезиб Мардук
Не нам ли шлёт поклон тысячетный?
Он торговал на этих берегах,
А нам велит обзаводиться домом,
И мы попробуем...

Едва укладывается в сознании,
Где мы живём. Переверни бинокль
И посмотри — сквозь камни Хасмонеев,
Сквозь пыль Рамсесов и халдейский зной —
Туда, на жмущееся к стенке детство,
Картавое, в обидах, синяках,
Прозреньях и надеждах горделивых...
Там — рай прогорклый, коммунальный быт,
Сопенье примусов и керосинок,
Булыжный двор, сараи дровяные...
Неужто это было наяву?

Сентябрь. Хамсин. Палящая жара.
Слепяще бел иерусалимский камень.

Ты отправляешь дочку в магазин
За хлебом, сливками и кока-колой —
И не отвешиваешь серебро,
А жёлтую хрустящую бумажку
Суёшь ей в руку: это десять *сиклей*...

2

Обыденная жизнь в стране необычайной
Трудна еще и тем, что песня стеснена.
Здесь жезл миндалевый пронёс Иеремия —
Поймём ли, отчего так сокрушался он?
Освенцим, может быть, провидел, Хиросиму,
Эпоху дискотек... Избранничества дар
Тяжёл: поди посмей возвысить тут свой голос
На скифском языке!..

А всё-таки решусь: вот виноградник, там
И в полдень уголок тенистый мы отыщем.
Мне Суламифь туда дорогу указала.
Ее пророчеству не нужен перевод,
Как земледелию — истолкователь...

3

Памяти А.Г.Х.

Из мест, где снега и вороний грай,
Под старость попала ты в чудный край,
Гортанный и терпкий, кривой, верблюжий,
С жарой азиатской, с летейской стужей.

Слова, согревавшие душу *там*,
Сюда залетели, как птичий гам,
Пожухли под солнцем, осоловели, —
Глядишь, и могилу твою обсели.

Когда до меня докатилась весть,
Уж ты трое суток была не здесь,
Где листья акаций белы от пыли.
Лишь раз мы увиделись, поговорили.

Прощай же... Позволь отлетевших птиц
Созвать с площадей мировых столиц.
Найдётся им пища и здесь, в Заречьи:
Я буду кормить их до новой встречи.

ANNO DOMINI

Что этот год! Пройдут и миллионы...
Геологический возникнет слой,
Машины в нём растают и колонны,
Пророчества отложатся золой.

Шепни, Тейяр, какими племенами
Наш мир наполнится в последний час,
Какие существа пройдут над нами
И к динозаврам приравняют нас?

Наш труд и стыд, влюблённость и беспечность
Суглинку станут крепью меловой,
Державинскую плюшевую вечность
Похоронив у нас над головой.

* * *

А. Гелих

Молодость склонна к эпосу, значит — к утрате:
К долгой разлуке, к неутолённой любви.
Троя — вот ее нерв: там Зевс на подхвате,
Стройный сюжет, замешанный на крови.

Самоубийство ей кажется сильным ходом —
Правда, всё реже: всё-таки век не тот.
Скучно с милой квитаться или с народом,
Зная: Олимп и бровью не поведёт.

Помню, бродил я по городу днём погожим,
Ссору лелея и втайне собой гордясь,
А Каллиопа, дряхлея, врала: — Отложим!
Выдюжим, лишь бы пряжа не порвалась.

Молодость мнит, в закон возвышая частность,
На поколенья вперед закупить места.
Биологическая целесообразность —
Вот ее неподсудная правота.

Если бы старость могла, а молодость знала!
Впрочем, формулу можно и развернуть:
В чём-то ведь правду гречанка мне нашептала:
Лишь к тридцати мы умеем подковы гнуть,

Лишь к сорока сообщается нам дорога...
Кто в Лабиринте шишек успел набить, —
Тот, поостыв, человека, страну и Бога
Только взаимной любовью готов любить.

* * *

— Кто годы страшные со мною не делил
На шаткой палубе, на улице Шпалерной,
Те для меня никто, — угрюмо я твердил
В гордыне суетной, в неправде суеверной.

Но век так явственно свернул себе хребет,
Мы так разительно переменились оба,
Что ни возмездья мне, ни оправданья нет, —
И тех, кого любил, не разлюблю до гроба.

* * *

Истина, какой она мне чудится,
Заново под звёздами не сбудется.

Звуков я хотел тактильных, вяжущих,
Вещих, всё единым духом скажущих,

Простоты — пленительней, чем странности,
Нераздельности и неслиянности...

Говорили шепотом и начерно —
Вот и сглазили: вконец растрочена.

* * *

В тот век Италия убийство возвела
В языческий обряд — и чуть ли не с амвона.
А дни перикловы? Воздушна и светла
Над кровью и чумой громада Парфенона.
Как уживаются жестокость с красотой?
Как две родных сестры. Двойняшки — не роднее.
В наш век не оживить их алгебры простой.
Отяжелев, мы сделались нежнее.

* * *

Передай генотип и умри:
Вот и всё. Только это
Звёзды шепчут нам и буквари
И скрижали Завета.

Проиграл, кто не мечет икры.
На пиру и в постели
Мы – невольники страшной игры
Без объявленной цели.

Я – не я: коллективная плоть,
Земноводные ночи.
Милосердый и правый Господь
Отвратил свои очи.

Помнишь снимок тот школьный? На нём
Мы стоим, чуть стесняясь,
В нуклеиновый вязкий Мальстрём,
На глазах погружаясь...

* * *

Бездельник любит лесть, а тот, кто домовит,
Тот циркуль и отвес хвале предпочитает.
Да вычленится мысль — и душу нам живит! —
И муза в портике Евклида обитает.

Что сердцу ведомо, то словом уясним.
Непреходяще мил живого смысла скрупул —
Из хлябей и сует возносится над ним
Число усвоивший молитвоёмкий купол.

* * *

Смерть станет родительским кровом,
Где путника ждут за столом,
Утешат приветливым словом,
Согреют сердечным теплом.

Войдёт он в просторные сени,
В покой, где светильник горит,
Уткнётся родимой в колени,
Заплачет от счастья навзрыд...

Жизнь станет бедой подростковой
В навек уязвленной душе,
Пустынею солончаковой, —
И, в сущности, стала уже.

* * *

Разве я поумнел? Ничего не прибавили годы
Кроме горьких обид, отвращения к себе да стыда.
Долго ль так вот и буду тащиться с моим *никогда*
Катакомбами детской беды, стариковской невзгоды?

Тупиком эволюции всех нас мыслитель назвал.
Он испробовал многое, многим служил идеалам,
Воевал, сочинял, большевичил, а кончил провалом —
И себя ль одного этим страшным венцом увенчал?

* * *

Настанет день, и родины не будет —
Не для меня или тебя: для всех.
Сиротство воссияет без помех
И ласку материнскую остудит.

Умолкнут голоса, воссядут знаки.
Разучимся беседовать, гулять,
И энтропия явится во фраке
Вселенский Вавилон осуществлять.

Ни Дона мы не зачерпнём, ни Рейна,
Ни отработанных летейских вод.
Не поняли предсмертных слов Эйнштейна —
Глядишь, и Бог молитвы не поймёт.

Ни ближних не останется, ни дальних,
Ни колокольчика, ни василька.
Последний звук родного языка
В пространствах захлебнётся дигитальных.

* * *

— Рядами стройными они идут,
Увенчаны, в хламидах белоснежных!..
А кто вон там, в одном ряду с Гомером?
Ах, Прохоров! Как странно. Не слышал.
И обхожусь... точнее, обходилсь.
Скажи-ка мне, а где тут Стратановский?

При жизни, помню, был он ростом мал
И телом хил, — всегда стоял в конце,
Когда в линейку по ранжиру нас

Выстраивал учитель физкультуры...
Неужто он? Поверить невозможно!
И — раз уж ты уходишь в их ряды —

Позволь задать тебе вопрос последний:
Зачем блаженным этот плац-парад?
Уж здесь-то я не ожидал такого.

И этот марш... Встречают, говоришь?

* * *

Страдает тёмный зверь...

А.Ф.

Страданье — это жизнь: кто не страдал, тот не жил.
Не стану уверять, что я тебя утешил.
Банален мой пассаж, бессилён объяснить
Благополучных дней мучительную нить.
Ты в той же колее. Натянуты постромки.
Быть может, золотым сочтут наш век потомки,
Но сам ты, взглядываясь в жалкую судьбу,
Едва ли выразишь сочувствие рабу,
Поскольку очень уж обычна повесть эта,
И страшно далеко тебе до Эпиктета.

* * *

А. Ведину

На Петровском острове я шалил
И на Ждановке между льдин тонул.
Рано крылья ангел мой опалил,
В полынью холодную окунул.

Детство — это исповедь и Содом,
Тишина нездешняя, глубина.
Что душе, зашедшейся подо льдом,
Ваша революция и война?

Было мне, утопленнику, семь лет.
Я в жару полмесяца пролежал.
Попустил заоблачный мне триплет,
К вечности картавинку подмешал.

Ломовое небо над нами шло,
Одина и Велеса фестиваль,
Время словно судорогой свело —
А в крови текла, закалялась сталь...

Если наслаждения суть грехи,
Не простятся мне из Его даров
Терпкий запах корюшки от реки,
Тополиный пух да отцовский кров.

Ту страну судьба как метлой смела,
И лежит копилка с пробитым дном,
Но была любовь — и она была
В том раю булыжном и дровяном.

БЕРСЕРК

В быту уступчив он и мухи не обидит,
Для недруга найдет почтительный эпитет,
Предупредителен, слегка угрюм и сух,
Но в битве воина преображает дух

И словно бы в купель безумства окунает.
Не чувствует он ран и устали не знает
И доблестных мужей десятками крушит,
И войско от него отважное — бежит!

Как если б знанием нездешним осеняем,
Кровавый Моисей, извергнутый Синаем,
В один кромешный миг вмещает он века,
Скликает Млечный Путь под лезвие клинка.

Но с ним одна беда: он слеп на поле боя.
Всяк воин брат ему. Их скопище любое —
Призыв на страшный пир. Не различая их,
Он, перебив чужих, берется за своих.

И в этом правда есть, высокая и злая.
Любезна Одину порода удалая,
Но те, кто дерзостны, ответ держать должны,
И перед гением взыскующим — равны.

ЭПАМИНОНД

Две бессмертных дочери: Левкра и Мантинея...
Хиросима и рядом не встанет. Она — не дочь.
Или, лучше, спросим: чья она дочь? кто с нею
Попрощается, отправляясь в сплошную ночь?

Франсуа-моралист поучает нас: — Не Вергилий
(он всего лишь поэт), полководец живёт в веках. —
Из реки времён уж каких мы капель не пили —
Мы, живущий и страждущий изначальный прах!

Род певцов измельчал, мы с тобой ничего не стоим,
Мы построены клином, прекрасен меж нас один,
Он окинет фалангу взором, махнёт героям —
И в свинцовые воды косою углубится клин.

* * *

На голых ветвях, при мерцании звезд
Не спит до утра обезумевший дрозд,
Хвалебную песнь вознося фонарю.
В неоновом свете он встретит зарю.

Природа обманута. Птица поёт
И губительной истины не сознаёт.
Убогий мирок отвоёван у тьмы.
Пичуга не вынесет этой зимы.

Смешны и страшны обольщенья певца.
Он славит химеру, не чуя конца.
В никчёмном порыве живая свирель
Расходует кровь на картавую трель.

На этой вот улице мы и умрём,
Сорвав голоса под ночным фонарём.
Конец недосыпам и каторге дня.
Пусть новый безумец помянет меня.

* * *

Чувством глубоким и словом возвышенным
Мира не ошеломишь.
Ужас милее сердцам обездвиженным.
В души глядит Тохтамыш.

Полно, любимая... Станем ли сетовать,
Плакать, что жизнь такова?
Будем, как встарь, о высоком беседовать,
В лад подбирая слова.

* * *

Душе и долгу подчиняя тело,
Ты век свой в строгости прожить хотела, —
Чудесный, целомудренный обет,
Когда печальнице — осьмнадцать лет.
А я гадал о Данте, о жестоком
Изгнанничестве, жребии высоком,
О растворённой намертво в крови
Пожизненной отвергнутой любви...

И вот развёрнут этот страшный свиток
Соблазнов, горестей, надежд и пыток,
И мы, склонясь на рунами его,
Молчим, не понимая ничего.
Гордись, кичись, насмешница-природа!
Мы здесь, в толпе. Мы — твоего прихода.
Крадет нужда, расчетлива, как тать,
Сверхчеловеческую благодать.

* * *

Покуда длится чудо предпочтения,
Расслабленностью неба не гнева.
У самовитого местоимения —
Сомнительная партия в любви.

Коловращатель не тобою занят:
Он дарвинист, народник, семьянин.
Не ровен час, с ревизией нагрянет,
Тогда и впрямь останешься один.

ВИДСИД

(подражание староанглийскому)

Обошел я земли и страны,
Повидал я моря и реки,
Жил у франков я и у саксов,
У сикамбриев, у тюрингов,
(то прошло — и это минует),
У халдеев жил, берендеев
И у скрелингов полудиких,
У аланов жил, алеманов,
Визиготов и остроготов
У бургундов жил, баюваров
(то прошло — и это не вечно),
У моравов над Волотавой,
Жил у муромы, жил у финнов
И у сервов, и у дунабов,
И у белгов славлюбивых,
Жил у хельсингов и батавов,
Жил у кесаря над проливом,
У лонбардов длиннородых,
У венетов жил над лагуной,
Жил у хебриев, жил у англов
(то прошло — и это минует),
А как молод был, жил у вендов
На краю Маркизовой лужи...
Всюду щедро меня дарили,
А потом дары отбирали.
Кривда в мире сменила правду
(то прошло — а это настало).

Бьют народы в тугие бубны,
Всюду рык стоит, гик и хохот,
Всюду мудрого сильный гонит,
Всюду песен дар ненавистен.

ПОЕЗДКА НА ДЖАРЫЛГАЧ

Как называется, спросил я, остров мрачный?

Ш. Б.

В автобусе трясло. На утлый теплоходик
Пересадили нас. Зеленая волна
Текла и пенилась, жила своею жизнью,
Шептала горестно: Медея... Митридат,
И жаркий небосвод, просторный и белёсый,
Нас обволакивал...

Оживлены,
Мы вглядывались в шелковую гладь,
Дурачились, прикладывались к флягам,
Толпились у перил...

Немолодая пара
Устроилась под тентом на корме
И из толпы весёлой выделялась
Сосредоточенностью друг на друге.
Из громкоговорителя неслись
Бряцанье струн и деланные хрипы,
А море расступалось, раскрывалось
И плавилось — и не желало знать
О суетных гостях своих мгновенных,
Вчерашних, в сущности, уже сегодня...

Мы разбрелись по острову. Купаться
Нам не велели. Кое-кто, разувшись,
Попробовал, не холодна ль вода,
Иные заходили по колено
В сандалиях и босоножках — дно,
Усеяно ракушечником острым,

Просвечивало сквозь живой кристалл
И будоражило воображенье,
А трети затевали пикники
Под рахитичной тенью, зыбкой, пыльной...

К пяти туристов созвала сирена.
Всех сосчитали, и число сошлось,
Но этой пары не было меж нами,
А их запомнили. Экскурсовод
Чесал в затылке, выкликал по списку —
И всё опять сходилось. На борту
Веселье как-то схлынуло, а море
Нахмурилось, свой изумрудный цвет
Сменив на серый...

Пустынный остров, голый, нежилой
Растаял, как и появился, разом.
Тут странные пришли на ум слова
Из их сосредоточенной беседы.
Один запомнил слово *окарина*,
Значения которого не знал,
Другому померещилось про вечность,
А третьему почудилась Цитера
Или Флоренция, он не ручался.
Их внешность, не приметная ничем,
Домысливалась и перебиралась:
В ней — что-то африканское нашли
(не то копну волос, не то улыбку),
В нем — неподвижный взгляд и отрешенность,
А в остальном всё было как у всех:
Котомка да соломенные шляпы...

Недосчитались пожилых влюбленных —
Всего-то дел! О чем тут горевать?
Здесь некогда и царства пропадали,
Не то, что подозрительные пары...

Кто любит прошлое, тому привольно
В краю кровосмешения культур.
Он вспомнит скифов, готов, генуэзцев,
Хазар, Тмутаракань, Бахчисарай —
А там, глядишь, и Русские Афины,

Их африканокудрого певца,
Вчерашний блеск, сегодняшнюю серость
Да неумолчный шум иной волны,
Теперь уже воистину пустынной...

* * *

Жизнь кончилась, а человек живет,
Обязанности честно исполняет,
Какую-то железину кует,
Какие-то идеи излагает.

И будущее грезится ему:
Успехи, наслажденья и доходы,
А между тем его несут во тьму
Незримые безрадостные воды.

* * *

Волну и фотон возлюбил Господь.
Через миллионы лет,
Как некогда луч превратился в плоть,
Так плоть превратится в свет.

От этих надежд замирает дух
И гордость возбуждена.
Уймись, моя боль! Помечтаем вслух.
Неужто мечта смешна?

Я ангелом стану... ах, нет, не я,
А непредставимый тот,
В ком фокус оптический бытия
Сиянием изойдет.

Как чудно! Окажутся ни при чем
Весь ужас и мрак, вся ложь.
Ты, сердце несчастное, став лучом,
В пространствах произрастешь.

Изгнанник из рая вернется в рай,
Где воля и мысль — смешны,
И светом, хлынувшим через край,
Страданья отменены...

* * *

Висит хвостатая звезда,
Комета Хэйла-Боппа.
Блестит в хвосте ее вода
Всемирного потопа.

В земной небесный зоосад
Обхаживать светила
Четыре бездны лет назад
Комету заносило.

Косматый скиф, этруск и галл
Не понимали неба.
Глупейший камень нас пугал,
Мы не едали хлеба.

Мы не умели дни считать,
Не говоря про годы, —
И было некому пытаться
Явления природы.

Еще четыре прорвы лет
Комета отмотает,
Взглянуть на мой простывший след
За труд не посчитает.

Влекума силой колдовской,
Прибудет аккуратно,
Когда убогий род людской
Растает невозвратно.

Как по часам она придет,
А на Земле безвидной
Рибозный плещется компот,
Кисель нуклеотидный.

* * *

Где раньше был Олимп, там нынче Голливуд.
Там небожители блаженные живут,
Молвою о себе юдоль переполняя.
У них и рост иной, у них и стать иная.
Кто видеть их вблизи сподобится порой,
Уж тот не человек, а греческий герой,
А те, кто лицезрел заоблачны чертоги, —
Те избраны: от них родятся полубоги.

* * *

Дружбы сторонится Аристид.
Некому его утешить в горе,
Поддержать на агоре и в ссоре.
Друг спасет. Но он же и польстит.

Нет, уж лучше одинокий путь,
Честный, неблистательный, бесплодный,
Долгом стиснутый, а в нем — свободный.
Не за что нас будет упрекнуть.

Если звезды разуму не лгут,
Если в мире высший есть порядок, —
Совестью да будет хлеб наш сладок,
Вечности да причастимся тут.

Тяжко сердцу воли не давать,
Проще милостивым быть и гневным, —
Но зато и пир: о задушевном
С небом в одиночку толковать.

Так вот и в изгнание уйдешь,
Никого ни в чем не обвиняя,
Голову понуря, отстраняя
Дружбы упоительную ложь.

* * *

Сладко уразуметь, как прядут и ткут.
Время перерождается, подхватив
Райским вратам двоюродный древний труд,
Шелковый этот, льняной, шерстяной мотив.

В Месопотамии или в Египте — там,
Прежде, чем первый выкован был клинок,
Трепет священный по женским прошел перстам,
Волны и струны сошлись: побежал челнок.

Видно, и впрямь терпенью гений сродни,
И уж наверное ритмом песня жива.
Спеет, копясь, клетчатка долгие дни,
Жито и ткань приваживают слова.

Слаще вина процеженного глотка
Нежит шероховатое полотно.
Цевка — сестра цевнице, и жизнь — сладка.
Плещет в амбары собранное зерно.

Весел твой замысел, ткань живая, и прост.
Дням ли, тысячелетьям потерян счет, —
Тянется, тянется с неба серпанка звезд,
Крутится, вертится шар голубой — и ткёт.

* * *

Твой ангел овдовел и просит подаянья.
Я мимо не пройду, ведь я богаче всех.
Вот, милая, возьми пушистый этой грех,
Ошметок беличий нездешнего сиянья.

Возьми — и позабудь, что это западня.
Податель милостыни — евнух идеала
И свойственник судьбе. Счастливее меня
Доселе существа на свете не бывало.

ДЕНЬ ГНЕВА

Кинжал и яд, удар из-за угла —
Вот чем жила эпоха. Кондотьер
Не чаще умирал на поле боя,
Чем от руки наемного убийцы,
К нему подосланного не врагом,
А нанимателем властолюбивым:
Прелатом, князем иль народоправцем.

Пишу — и вижу пред собой Бальдаччо.
Вот, чудилось мне, баловень судьбы!
Всем взял: и молод, а уже прославлен
Искусством полководца и отвагой
(он в этом никому не уступал),
Уже перед республикой заслуги
Имел он, был солдатами любим
И счастливо женат... Чего б, казалось,
Тебе еще? Стоит он, как живой,
Передо мной с учтивою улыбкой
На площади... Умен, добавлю, был.
Умен ведь тот, по мне, кто место знает
Свое — и о чужом не помышляет.

И с ним расправились за дружбу с Нери!
Что ж странного? Он — славный капитан,
А тот — глава владетельного клана.
Всяк знал, кому их давняя приязнь
Мешала спать и вены леденила.
Развязкою могла быть только смерть:
Решили, что держать его опасно,
И в десять раз опаснее — прогнать.

Но я имел в виду совсем другое:
Ореховое дерево в цвету,
Весну, медвяный воздух флорентийский,
И молодость нескладную мою,
И женщину, что звали Анналена,
Жену Бальдаччо...

Предательски зарезали его:
Накинулись остервенелой сворой
На безоружного, в момент беседы
В палаццо Веккьо — и, еще живого,
Швырнули вниз, на камни мостовой...

Прослышав об убийстве, Анналена
Всё разом поняла, похолодев,
И словно бы предстала перед Богом.
Когда ее трехлетнего сынишку
Нашли задушенным в его постели,
Она не уронила ни слезы,
А лишь слова библейского пророка
Беззвучными устами повторяла:
— О Господи, ты слышал голос мой...

Она была из рода Малатеста,
Из Римини, — богата, хороша,
Не старше двадцати, — но с этой смертью
В ней всё навеки разом пресекалось,
Чем сердце связано с юдолью слезной.
Людей она не прокляла, хоть знала
Убийц по именам — и не со слов
Наушников, а просто все их знали.
Так жизнь была устроена: ничто
Игры страстей, как прочих сил природы,
В христоролюбивом граде не стесняло.
Игра велась по правилам. Порядки,
Обычаи, установленья, нравы —
Всё было в мире жестко, неизменно,
Всё раз и навсегда заведено.
Свободу обещало только небо.

Дом Анналены стал монастырем.

Не раз под окнами ее часовни
Я слушал страшный гимн: *Тот день, день гнева,*
Ее чудесным голосом ведомый,
Потом подхватываемый другими
Со строчки *Mors stupebit et natura:*
Оцепенеет смерть, замрет рождение.
О, всё и впрямь оцепенело в жизни
Нездешней этой женщины...

Нездешней
Она была с младенческих годов.
Я обожал ее, когда был молод.
Уж тридцать лет прошло, как день один,
Я сам давно монах, святым Франциском
Напутствуем к вратам неотвратимым, —
Но и пекущемся о спасении
Ее лица вовек не позабыть...
Мне было девять, восемь — ей, когда
Я понял, что на всей земле обширной
Нет и не будет существа роднее
Мятущемся сердцу моему.
Она преображала строй планет,
Когда улыбкой встречных привечала,
И люди говорили про нее,
Что имя ей — Дарящая Блаженство.

Что плоть убогая? Сегодня персик
Ланиты дев, а завтра — лист осенний.
Но Анналену старость, пощадив,
Чуть тронула: она и в пятьдесят
Светилась изнутри чудесным светом
Неизъяснимым...

И в миру, я помню,
Была она строга и нелюдима,
В монашестве ж — стократно. Только раз
Ее за стенами монастыря
Я видел — у Дуомо, в день пасхальный, —
И странной удостоился беседы,
Едва ли не кошунственной. Она,
Увидев скорбь в моих глазах, сказала:

— О Воскресении Христовом нам
Возрадоваться сердцем надлежит!
Что ж мрачен ты? Ах да, ты знал Бальдаччо.
Поверишь ли? Я, что ни ночь, во сне
Его встречаю с маленьким Джованни.
Они вдвоем, рука в руке, стоят
На гравием усыпанной дорожке
И машут мне. Крутом — чудесный сад,
Дрозды поют, цветы благоухают.
Уж, верно, недалек счастливый день,
Когда навеки мы соединимся,
И теплые мальчишечьи ручонки
Меня обнимут...

* * *

Куда как просто Фауста сыграть!
Теперь и бес для этого не нужен...
Жену молоденькую заведешь, на юг
Поедешь с нею — тешиться собою
Да ликовать, что время обманул.

Сентиментальные силки! Отыщешь
Подругу школьную — на долгий миг
Она покажется родной, желанной,
Единственной, которую любил
(а что любовь была другой, забудешь).

Края родные посетишь. В квартире,
Где протекало детство, побываешь,
В той комнате — с лепниной потолка,
С кариатидами поры модерна,
Что эркер украшали изнутри...

Или иначе: в тюбиках пузатых
Накупишь красок масляных, с шальными
Названьями, фанерку под палитру
Отыщешь, холст натянешь на подрамник
И кисточку в олифу окунешь.

Вот тут и дрогнет воздух — и отец
С вязанкой дров вернется из сарая,
У печки свалит мерзлые поленья,
Откроет вьюшку, и огонь весёлый
Начнет лизать волокна и смолу.

А мать на электрическую плитку
Щипцы для шестимесячной положит,
Под абажуром выкройку свернет,
Да и оставит всё, уйдет на кухню
Посуду мыть, с соседкою болтать...

Но нет, изображенье барахлит!
Малиновая кафельная печь
С каминной полкой, где дремал будильник,
Растаяла. Старик встает с козетки
И входит в стену, а стена — течет...

Лишь ты один всё тот же, Гераклит!
Ты прав: река — не та... Река времен,
Вся корюшкой пропахшая и гнилью,
С последней льдиной, с чайкою на ней...
Ты прав: познание необратимо.

Вот удивил! Не на шестом десятке,
Мы на втором такое понимали,
А на шестом не верим, что старик
На полных десять лет моложе нас,
И в целом свете вьюшек не осталось,

И Мефистофеля не проведешь...

* * *

Река Тамесис в той земле текла.
У Цезаря отменно шли дела:
Он побеждал, как Цезарь побеждает.
Легионеры, опытные, крепки,
Рассеивали варваров полки...
Что ж? Встать да чаю вскипятить. Светает.

К тебе, в твоём уютном тупике,
Когорты подступают налегке —
Сейчас тебя растопчут, обезглавят.
Смотри, уже мечи обнажены!
Опомнись, мертвым книги не нужны.
Очнись, с тобой безноса лукавит.

Задворками твой гений просквозил.
У тени милостыню ты просил,
Не утерпел — и выпил из копытца.
Провинциален варварский Парнас,
И этот Рим вселенский — не про нас,
И совестно в нём пыжиться и тщиться.

Катувеллаунов державный лев
Латиницу осилит, повзрослев,
И море стиснет лапою когтистой,
А степь сарматская пустым пуста:
В ней ижица пасется да фита,
А хлеб не колосится золотистый.

В тепличном, асфоделевом раю,
У Стикса, ойкумены на краю,
Вот-вот порвется ниточка живая,
И распадется твой четвертый Рим,
В котором Цезарь счастлив быть вторым,
А ты царишь, волнам повелевая.

* * *

По улицам ночным, в трамвае дребезжащем... —
Там, за окном, с рукой воздетой статуя
О светлом будущем, о жалком настоящем
С толпой беседует, — тащусь куда-то я.

В блаженной юности, под этой самой дланью,
Не смевшие руки друг другу протянуть,
Мы шли, понурые, измене и страданию
И прочей взрослости прокладывая путь.

И странное в тот час ты уронила слово.
Его не понял я, а всё оно со мной.
Нет-нет да и всплывет из давнего былого
То детской жалобой, то совестью больной.

По Сердобольской... нет, по Спасской, по Введенской,
По Благовещенской... — не спрашивай, забыл, —
В Мальстрём нейтриновый, в котел, в геном вселенский,
Под звезд язвительно-слезоточивый пыл,

Теки, тревожный звук! Сквозь световые годы
В разинутую пасть космической змеи
Личинкой вечности, изюминкой природы
Лети, не спрашивай. Мы сироты твои.

* * *

Она отвечала на брошенный взгляд,
Что многое в те времена говорило.
Приятель по дружбе мне это сказал,
А я усмехнулся, надменно смолчал.
Отчетливо помню, как всё это было
Полжизни (с порядочным гаком) назад.

Вот странно! Совсем ведь не этим живешь,
И вдруг — словно путаный текст прояснится:
Всплывает, о чем и не спрашивал ты, —
И тут в пожелтевшие смотришь листы
И видишь: не читана эта страница —
И хочется книгу отправить под нож.

Приятель женился на той, что в меня
Была влюблена (не вполне безответно),
И дружба немедленно оборвалась.
Обида, любовь и советская власть
Отклонялись. Дремлет бурлившая Этна,
На старом пожарище прут зелена.

Затянется ряской и та западня.
Уже затянулась. Кругов не заметно.

* * *

Мы возводили Вавилон.
Среди его стропил
Один красив, другой умён,
А третий счастлив был.

Наивничали мы, цвела
Ребячливость меж нас,
И наши гордые дела
Не поражают вас.

Все наши звери — ДНК,
Квазары, интернет —
Занятны вам издалека
Что твой велосипед.

Вы одеваетесь не так,
Вас декольте смешат,
И мой бесхитростный пиджак —
Музейный экспонат.

Но день не сделался длинней,
Везувий не погас,
И вы не краше, не умней
И не счастливей нас.

РОГ, ЧАША, СПИРАЛЬ

Явись, Пракситель! Раковине — жемчуг
И перламутр, а розе — аромат
Верни, — и мы с природой квиты...
Но отчего так ноет и щемит?
И где оно: горячее дыханье
Неведомого... лепесток, блаженно
Отогнутый, и гул морской волны?

Я помню майский день, немного хмурый.
Поодаль южное лежало море.
Курортный город с розовой мечетью
В полуденной дремоте нависал
Над голым пляжем. Белое вино
Стаканами из бочки продавали.
Кричали чайки, пес бежал бочком.
Мы шли вдвоем у линии прибоя,
И спутница, внезапно наклонясь,
Рукою загорелой подняла
Кембрийское витое изваянье,
Моллюска галактическое лоно,
Спиралью свернутое...
С отбитым краем и в густой пыли,
Оно еще и цвет былой хранило,
И чувственным дышало. — Это чаша, —
Она промолвила, — и рог сатира,
И розы лепесток, и минарет —
Всё разом!.. — И глаза ее сверкнули.

Тогда ей было двадцать с небольшим.

Зато и уязвим, зато и хрупок
Молитвенный сосуд и нежный храм.
Он раскрывается навстречу ласке,
В нем солнце собрано, в нем дремлет время
Жемчужное. Любви и зова предков
Вместилище, он ритму подчинен,
И будущим загадочным насыщен.

* * *

Те двое никогда не разлучались
И были счастливы, твердит молва.
Под свастикой, в сороковые годы
Они свой век в Париже доживали...

Разлука долгая с любимым человеком —
Другая степень счастья. Эпос в ней,
Собою полнясь, в зеркальце глядится
Лирическое — и высокий храм
Над бедной повседневностью возводит.
Ты трудишься для будущего. Радость,
Как спящая красавица, забылась
Столетним сном, она себя не помнит
И пребывает в грезе мировой.

Всё это в толк сейчас возьму — и сяду,
И напишу банальное письмо.
— Уж месяцы, — я напишу, — родная,
В разлуке мы. Я очень одинок.
Скучаю. Старюсь. Пью амонтильядо.
Затворничаю, сторонюсь людей,
Скуплюсь, копейки жалкие считаю,
Немногим артистическим друзьям
Внушая ужас, если не гадливость.
Не часто, но гуляю. Англичане
Умеют парки разбивать. В них белки
Почти ручные. Всадницы в аллеях
Гарцуют весело, воздушный змей
Под облаками пляшет — и не мальчик,

А зрелый муж рукою знатока
Его полетом важно управляет,
Другой несёт к пруду модель фрегата
В оснастке правильной, — меж тем как я
Под мягкий шум велосипедных шин
Бреду, припоминая нашу встречу
Воображаемую — ту, что станет
Вершиной жизни...—

Что творит разлука!

Очищена от немощи мечта —
И вечное в минутном проступает.
Духи, помада или дым табачный
Не искажают облика души.
Свободная от времени, от пыли,
От слабостей и горестей людских,
Она парит, и скудная реальность
Неловким словом счастья не спугнет, —
И не увидит пошлый соглядатай
Мою богиню с носовым платком.

Пигмалион — разлуке долгой имя.

Случайное художник даровитый
Отсеивает, важное — лелеет,
Вынашивает, пестует — и счастьем
Венчает. Такова же и она.
Решусь, пожалуй, молвить и другое:
Елена и Людмила хорошеют
В чужих стенах, в плену. Парис и Черномор,
Как рифма, замыкают совершенство.
Без них и жизнь невнятна, и судьба.

* * *

Жизнь мельчает — и, знаешь ли, это
Хорошо... Устаёшь искушать
Колдовство хартфордширского лета,
Незаслуженным счастьем дышать.

Меж дубов, тополей, ежевики,
Черепичных темнеющих крыш
Происходят душевные сдвиги,
Что не в первый момент различишь.

Смысла жизни искал ты, трудился,
Купола к небесам возводил,
Что ж теперь не у дел очутился,
Словно кто-то тебя пристыдил?

И советчица, та, что копила
Дни твои, — даже та не слышна.
Оттого ль и убрали стропила,
Что теперь уж за дверью она?

Но зато — ни соблазнов кромешных,
Ни обид... Осеняют твой кров
Черный дрозд и скворец-пересмешник,
Обитатели здешних краев.

* * *

Умрём — и английскою станем землёй,
Смешаемся с прахом Шекспира,
Навеки уйдём в окультуренный слой
Прекраснейшей родины мира.

Флит-стрит благодарной слезой напою.
В насмешку предавшей отчизне
Мы счастливо прожили в этом краю
Остаток погубленной жизни.

Обиды забудем и злобу простим
Малютам ее туповатым, —
Да всходит на острове лаком простым
Кириллицей вскормленный атом.

* * *

Н.Б.

Или влюблѐн, или беден — одно из двух.
То и другое мимо — стихам конец.
Жалок самодовольный. Мельчает слух.
Золото жухнет. Тает его венец.

Тем и другим дарит счастливица судьба.
Редкостная удача, одна в сто лет.
Этот кричит: наука! другой: борьба!
Третий с рулеткой дружен. А ты — поэт.

ОДНОКЛАССНИКУ

И.З.

К тебе, о князь наук, к тебе, Зевес Зельвенский,
Из милой Англии глубинки деревенской
На финских чартерных ташушь перекладных,
Французским коньяком подхлестывая их.

Мне долгий разговор мечтается о многом:
О том, чем стали мы под неусыпным оком
Судьбы, в ее садах, не баловавших нас,
Где дремлет твой Лаплас, пасется мой Пегас.

Мы полных тридцать лет не виделись с тобою.
Изрядная скрижаль испещрена резьбою,
Но хоть и пышными легендами полна,
А сыщутся на ней и наши имена.

Припомним школу мы — ту, 52-ю,
Враждебную стране, где нынче квартирую,
Советским кумачом да строгим Ильичом,
Где всё же чувствовалось: это — ни при чем.

Важнее вставочки, повапленные парты,
Онегин, аш-два-о и контурные карты,
Большой проспект, река, веселый майский день,
Косичка с бантиком, фуражка набекрень...

И ты, я думаю, признаешь: мы — оттуда.
У счастья нашего шальная амплитуда,
Поскольку девять муз водились в том краю
И нам нашептывали истину свою —

И в классных комнатах она перебродила.
Как хочешь: что-то ведь особенное было
В деревьях и камнях тех дней! благая весть?
Иль Золушка в слезах язычествует здесь?

Я родиной моей не назову Россию.
Язык мне отчий дом. Вошла в его стихию
Европа с кляксами младенческих чернил.
За Пушкиным Гюго меня воспламенил.

Не враками и ты увлекся, но пространством
Алгебраическим, живым картезианством
Значений пристальных, аттической игрой,
Где дух главенствует, а торжествует — строй.

И славно, что молва о нас оповестила
Околицу небес. Мы, вольные светила,
Кометами меж звезд блуждаем и планет,
Но в этой жизни нам еще не скучно, нет!

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

ЛЮБОВЬ

(Из Джорджа Герберта, 1593-1633)

Любовь объятья мне раскрыла — в страхе
Отпрянул я: лежал на сердце грех.
Ужель душе, коснеющей во прахе,
Вкусить Любви возвышенных утех?
Но та, что руку мне дала, спросила
С участием: — Что грудь тебе стеснило? —

— Не мне, — воскликнул я, — твои лобзанья!
Неблагодарный пес, убогий тать,
Дерзну ли очи на тебя поднять,
Алкать посмею ль твоего внимания? —
Но та, кем полнилась душа моя,
Промолвила: — Кто судит, как не я? —

— Ты в помраченьи! Совесть, о Создатель,
Гнетёт меня. Позволь забиться в щель! —
Но та в ответ: — Не я ли твой предстатель?
Твою беду пресуществить не мне ль?
Сядь и отведай моего вина. —
И я послушался — и пил до дна.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

(Из П. Б. Шелли, 1792-1822)

Струе источника любезны воды рек,
А рекам — океан безбрежный;
Ветра небесные сплетаются навек
В порыве ласки нежной.
Ничто в отдельности не хочет пребывать.
Всему положено судьбою
Родниться, смешиваться, брать и отдавать, —
Зачем не нам с тобою?

Не втуне ведь Монблан целует небеса,
И две волны, обнявшись, мчатся.
Цветку волшебному бесстрастная краса
И холод — не простятся.
Светило дневное Земле лобзанье шлет,
Луною — шумный понт волнуем,
Но и любовь планет законность обретет
Лишь с нашим поцелуем.

ПОКОЙ

(Из У. Г. Дэвиса, 1871-1940)

Не чудно ли свернуть с привычного пути?
Отринуть суету, под сень листвы войти,

Помедлить, поглазеть, на миг с природой слиться,
С рекою, с пастбищем покою причаститься,

Увидеть, как с ветвей бежит пушной зверёк
В траву, где он к зиме орехи приберег,

Как звездами ручьи средь бела дня играют,
Как, пританцовывая, девушка шагает

Тропинкой луговой: глаза ее блестят, —
Неужто на ее не обернёмся взгляд,

Который милою лукавинкой искрится,
И не дадим устам улыбкой озариться?

Неужто наша жизнь и вправду так бедна,
Что этого всего не ведает она?

АТАКА ЛЁГКОЙ КАВАЛЕРИИ (Из Альфреда Теннисона, 1809-1892)

Долина в две мили — редут недалече...
Услышав: — По коням, вперёд! —
Долиною смерти, под шквалом картечи
Отважные скачут шестьсот.
Преддверием ада гремит канонада,
Под жерла орудий подставлены груди —
Но мчатся и мчатся шестьсот.

Лишь сабельный лязг приказавшему вторил.
Приказа и бровью никто не оспорил.
Где честь, там отвага и долг.
Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен.
По первому знаку на пушки в атаку
Уходит неистовый полк.

Метёт от редута свинцовой метелью,
Редует бригада под русской шрапнелью,
Но первый рассеян оплот:
Казачьи, солдатские, покинув куртины,
Бегут, обратив к неприятелю спины, —
Они, а не эти шестьсот!

Теперь уж и фланги огнём полыхают.
Чугунные чудища не отдыхают —
Из каждого хлещет жерла.
Никто не замешкался, не обернулся,
Никто из атаки живым не вернулся:
Смерть челюсти сыто свела.

Но вышли из левиафановой пасти
Шестьсот кавалеров возвышенной страсти —
Затем, чтоб остаться в веках.
Утихло сраженье, долина дымится,
Но слава героев вовек не затмится,
Вовек не рассеется в прах.

ДРУГИЕ КНИГИ ЮРИЯ КОЛКЕРА

- Юрий Колкер. *Усама Велимирович. Очерки и фельетоны. Тирекс*, СПб, 2006.
- Юрий Колкер. *Ветилуя. Стихи, написанные в Англии. Геликон-плюс*, СПб, 2000.
- Юрий Колкер. *Завет и тяжба. Стихи 1982-93. Издательство Советский писатель*, СПб, 1993.
- Юрий Колкер. *Далека в человечестве. Стихи 1974-80. Слово*, М., 1991.
- Юрий Колкер. *Антивенок. Сонеты. Персефона*, Иерусалим, 1987.
- Юрий Колкер. *Послесловие. Стихи 1972-78. Лексикон*, Иерусалим, 1985.

(редактура и переводы)

- Владислав Ходасевич. *Собрание стихов в двух томах. (Составление,) редакция и примечания Юрия Колкера. La Presse Libre, Paris*, 1982-83.
- Лорд Актон. *Очерки становления свободы. Перевод Юрия Колкера, под ред. А.Бабица. Overseas Publications Interchange Ltd., London*, 1992.
- Ф.А.Хайек. *Общество свободных. Перевод Александра Кустарёва. Под редакцией Юрия Колкера. Overseas Publications Interchange Ltd., London*, 1990.
- Йохан Хейзинга. *Об исторических жизненных идеалах. Перевод И.Михайловой, под редакцией Юрия Колкера. Overseas Publications Interchange Ltd., London*, 1992.
- Еврейский Самиздат, том 27. *Ленинградский еврейский альманах*, вып. 5-8, под редакцией Юрия Колкера. Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, Иерусалим, 1988.
- Еврейский Самиздат, том 26. *Ленинградский еврейский альманах*, вып. 1-4, под редакцией Юрия Колкера. Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства при Еврейском университете в Иерусалиме, Иерусалим, 1988.
- Йосеф Недава. *Вечный комиссар. Перевод Б. Таубина. Литературная обработка перевода, исправления и добавления Юрия Колкера. Книготоварищество Москва-Иерусалим, Тель-Авив*, 1989.
- Лондон. Путеводитель. Составитель Майк Липмен. Перевод Юрия Колкера и Татьяны Костиной. *Dorling Kindersley*. Лондон, Нью-Йорк, Штутгарт, Москва. 1998.

В этой книге - я весь. Она - итоговая. Вмещает тридцать пять лет жизни, кажется, не совсем обычной, протекавшей в трех странах, но главным образом - во мне самом.

Протекавшей в *одной стране*: в русской просодии.

Каков мой итог, судить не мне.

Повторяю вслед за Боратынским:

Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет,
Велика ль творческая дума.

Любовь к звукам сладким и молитвам постигла меня в шестилетнем возрасте и больше не отпускала.

Отняла многое. Подарила большим. Стоила ли игра свеч?

Не знаю. Но иначе жить я не мог.

Юрий Колкер